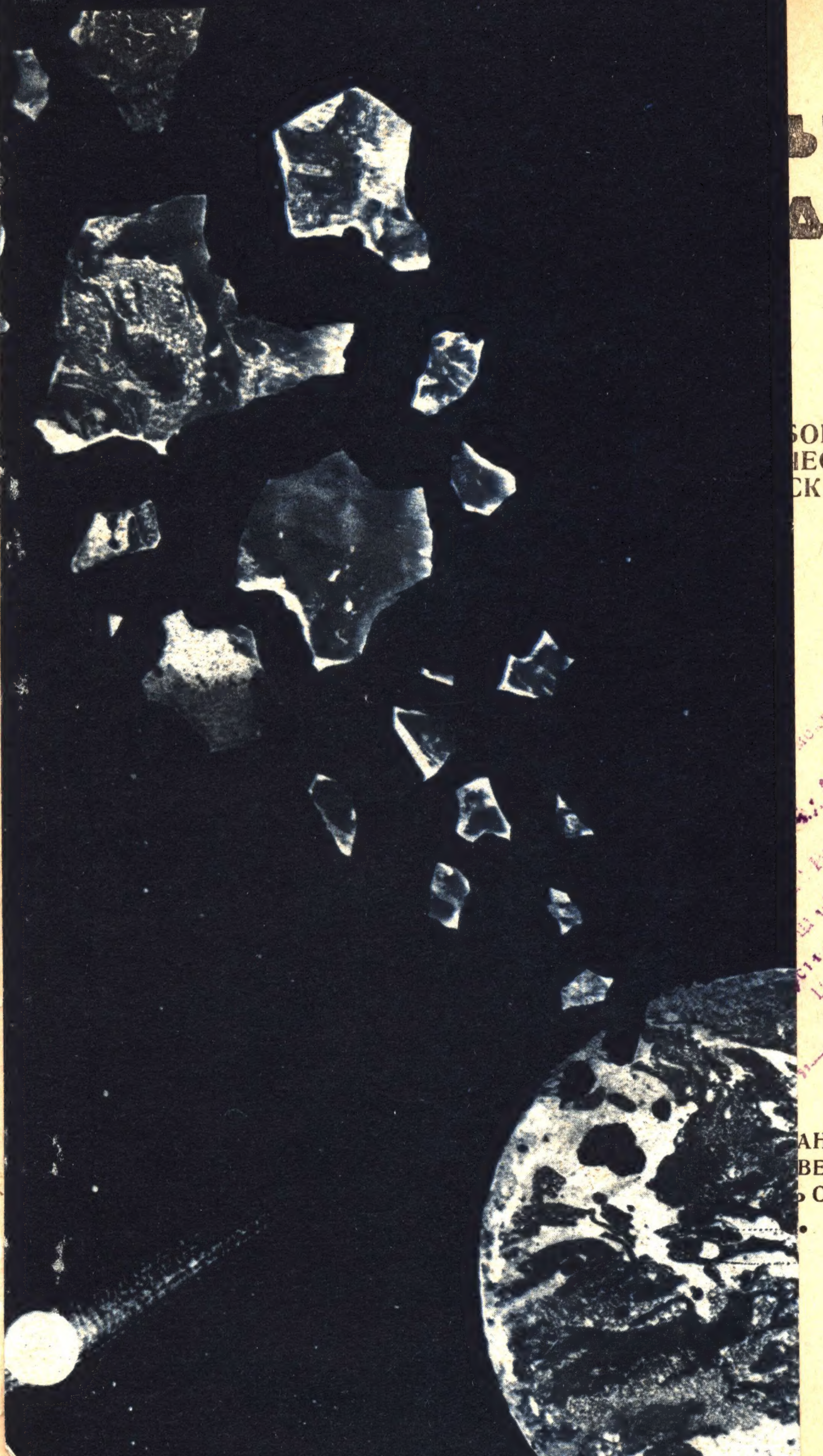

ЭТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕЗДЫ

ЫЕ

ДЫ

БОРНИК
НЕСКИХ
СКАЗОВ

АНСКОЕ
ВЕННОЕ
ЬСТВО
• 1966

ЭТИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕЗДЫ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку • 1966

БУ ГӘРИБӘ УЛДУЗЛАР

Елми-фантастик һекајәләр

$\frac{7-3-3}{554-66\ М}$

1087

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фантастика? Заведите о ней разговор, и ваш собеседник — кто бы он ни был — наверняка поддержит его. Если только он, конечно, не противник мечты вообще...

Читатель старшего поколения вспомнит, с каким нетерпением ожидали очередного номера «Вокруг света» с продолжением «Человека-амфибии»...

Читатель наших дней станет горячо обсуждать произведения современных фантастов, благо материала у него достаточно. Пусть количество—не исчерпывающий показатель, но многие десятки фантастических романов, повестей и рассказов, выходящих ежегодно, уже говорят о многом. Прежде всего об огромном интересе к тому виду литературы, вокруг которого зачастую возникают горячие споры.

Речь идет, разумеется, не о том, «быть или не быть». Фантастику (особенно теперь!) нельзя сбрасывать со счета, нельзя игнорировать как нечто второстепенное на литературном фронте. Она завоевала широчайшее признание и становится тем, чем должна быть — полноправным отрядом большой советской литературы.

Общий поток фантастики возрастает с каждым годом. Интересно отметить, что за последние полтора десятилетия вышло столько же произведений, сколько за предыдущие сорок лет, с 1917-го года!

Вспомним двадцатые и тридцатые годы, когда советская фантастика делала свои первые шаги.

Переводы заполняли страницы журналов, охотно печатавших всевозможные ультрафантастические домыслы; из переводных фантастических романов, выпускавшихся разными издательствами, можно было составить солидную библиотеку. И если бы только Жюль Верн и Герберт Уэллс, если бы только добротная литература, действительно способная удовлетворить жажду мечты! Нет, духовная пища любителей фантастики тех лет обильно приправлялась псевдолитературой, спекулировавшей на интересе к необычайному. На этом поприще подвизались и отдельные наши авторы, которые нагромождали измышления и изощрялись в «закручивании» острых сюжетов.

Но уже в 1920-м году выходит подлинно научно-фантастическая повесть с символическим названием «Вне Земли». Автор — Константин Циолковский. Он набрасывает картины, от которых у читателя захватывает дух: полеты вокруг нашей планеты, путешествие на Луну, освоение космического пространства. И все это — на фундаменте строгого научного расчета, у крыльев фантазии — прочная опора.

Однако только ли такие произведения правомерны в фантастике? Ответить можно, и не обращаясь к примерам из Жюля Верна и Уэллса. Другой наш фантаст — Владимир Обручев — пишет роман «Плутония», в котором пользуется заведомо фантастическим приемом, чтобы живо и занимательно популяризовать науку о прошлом земли. Алексей Толстой разворачивает действие «Аэлиты» на Марсе, чтобы в форме социально-фантастического романа отобразить реальные события крушения старого мира. Он обращается к технике и науке, чтобы наполнить новым содержанием рамки привычного авантюрного романа. И уже начинает звучать голос Александра Беляева, чье имя справедливо связывается с созданием и становлением фантастики в нашей стране.

Перед ним, писателем, всецело посвятившим себя научно-фантастической литературе, стояла трудная задача. Нужно было противопоставить развлекательному чтиву с псевдонаучно-фантастической подкладкой произведения подлинной фантастики — художественно выразительной и идейно острой.

Уже первая вещь Беляева, помещенная во «Всемирном следопыте» в 1925 году, привлекла внимание. Рассказ «Голова профессора Доуэля» — остросюжетный, с вполне определенной идейной направленностью, с интересной научной проблемой в качестве посылки для развертывания действия—

выгодно отличался от того, что печатали тогда журналы фантастики и приключений.

С тех пор полтора десятилетия выходили все новые и новые беляевские романы, повести, рассказы, очерки: несколько десятков названий, целая научно-фантастическая библиотека! Произведения А. Беляева переиздаются многомиллионными тиражами, а восьмитомное собрание сочинений впервые познакомило читателей с многообразием творчества основоположника советской научной фантастики.

В послевоенные годы возрастает жанровое многообразие нашей фантастики. Социальная фантастика и фантастический памфлет, овеянная романтикой фантастика встреч с Неизведанным, фантастика сатирическая и юмористическая, социально-психологическая — все эти, как и другие разновидности научно-фантастической литературы, представлены в конце 40-х и в 50-е годы. Позднее к ним добавляется фантастика социально-психологическая. Писатели-фантасты вновь обращаются к теме будущего широкого плана. И широким потоком вливается в литературу 60-х годов фантастика, преломляющая в той или иной форме, в применении к далекому Завтра, «безумные идеи» современной науки; фантастика, которая не популяризирует науку, а пользуется ею как посылкой для решения своих, чисто литературных задач, — человековедение в его своеобразном решении; фантастика, утверждающая безграничность познания и могущество Разума.

Можно спорить о «границах научности» в фантастике, о том, должна ли она сейчас перестать быть научной, но несомненно одно. Горизонты науки во второй половине XX века раздвинулись необычайно, и это находит отражение в полете мысли фантастов. «Космическая» фантастика явно преобладает в научно-фантастической литературе последних лет. Не случайно так занимают фантастов возможности кибернетики, физики, биологии, химии — генеральных магистралей науки.

Стремление же показать человека, попытаться проникнуть в сложное переплетение социальных, психологических, морально-этических проблем будущего, порождает и новые формы произведений, нередко отходящих от традиционного приключенческого сюжета, доминировавшего в довоенные и первые послевоенные годы. Но при этом лучшим произведениям советской фантастики по-прежнему присуща четкая социальная направленность и чужды пренебрежение объективными законами природы, мистика, желание увести

читателя в мир невероятной выдумки, чтобы отвлечь его от современности, что зачастую свойственно фантастике Запада.

Непрерывно пополняется список авторов, выступающих с самыми разнообразными научно-фантастическими и фантастическими произведениями. Активно работают как фантасты старшего поколения, так и молодежь (да и понятие «молодой» становится весьма относительным! У многих из недавно начавших литературный путь — уже большой багаж). Не называя знакомых имен, хотелось бы сказать о другом. Издание альманахов и сборников фантастики становится явлением в научно-фантастической литературе. Этим занимается ряд издательств.

В 1964 году в Азербайджанском государственном издательстве вышел первый сборник произведений бакинских фантастов — «Формула невозможного». Во втором сборнике «Эти удивительные звезды», составленном Комиссией по научно-фантастической литературе при Союзе писателей Азербайджана, представлены новые произведения тех же авторов — Е. Войскунского и И. Лукодьянова, В. Журавлевой, Г. Альтова, И. Милькина, Р. Бахтамова, Э. Махмудова, а также В. Островского, П. Амнуэля, Р. Леонидова, В. Караханова, М. Ибрагимбекова.

Нет необходимости подробно рассказывать читателю о творчестве бакинских писателей-фантастов, имена которых хорошо известны любителям научно-фантастической литературы. Тем не менее, хочется все же сказать несколько слов — и об авторах, и о вещах.

Е. Войскунский и И. Лукодьянов выступили впервые с повестью «Экипаж «Меконга» (1962). Это, как охарактеризовали сами авторы, «книга о новейших фантастических открытиях и старинных происшествиях, тайнах Вещества и о многих приключениях на суше и на море». Она привлекла внимание острым сюжетом, интересной научной проблемой, связанной с перспективами ядерной физики, выразительными образами героев. В 1963 году появилась повесть Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Черный столб», а в 1964 году — сборник повестей и рассказов «На перекрестках времени».

Авторов привлекают возможности, которые открываются перед наукой, изучающей пространство и время. Перспективы, о которых они пишут, с первого взгляда кажутся сугубо фантастичными. Но этот фантастический цветок выращивается ими из научного зерна, которое несомненно появится в лаборатории ученого, если не сегодня, так завтра.

В сборнике «Эти удивительные звезды» Е. Войскунский и И. Лукодьянов выступают с рассказом «И увидел остальное». Мы переносимся в далекое космическое будущее человечества. Дело доходит уже до освоения планет-гигантов: люди Земли добывают загадочное вещество Красного пятна Юпитера. Им помогает совершеннейшая автоматическая техника. Но, оказывается, и в тот далекий век могущественного техницизма, пронизывающего всю жизнь наших потомков, остается непревзойденным чудесный механизм, подаренный человеку природой — мозг.

Обострение чувств, возрождение древних инстинктов, использование мозга для восприятия информации об окружающем мире в критический момент — такова идея рассказа. Он приоткрывает неведомую пока еще страницу развития бионики — по-прежнему в присущей авторам остросюжетной манере. Герои же его наделены чертами наших современников, а потому их переживания и ощущения особенно близки нам.

Перу В. Журавлевой принадлежит ряд рассказов, многие из которых собраны в сборниках «Сквозь время» (1960) и «Человек, создавший Атлантиду» (1963). Она выступает в сборнике с двумя рассказами — «Эти удивительные звезды» и «Нахалка». Их, на первый взгляд, нельзя назвать научно-фантастическими. Они, скорее, автобиографичны и пронизаны романтикой науки, но в необычной форме.

Героиня одного из них — девочка, которая впервые заглядывает в окуляр телескопа и перед ней раскрывается небо. Героиня второго — тоже девочка, чем-то напоминающая знаменитую Почемучку. Одна переживает трепетное волнение при встрече с небом, «ставшим глубоким», другая — выдвигает всевозможные фантастические идеи, которые тотчас стремится воплотить на практике. Фантастика для нее — нечто близкое, и потому, как рефрен, звучит вопрос: «Почему не сейчас?» В самом деле, разве читая какой-либо фантастический вымысел, мы не задаем себе этот вопрос? Маленькая Нахалка из рассказа Журавлевой близка любому юному читателю литературы «крылатой мечты».

Г. Альтов, автор сборника рассказов «Легенды о звездных капитанах» (1961) и ряда других научно-фантастических произведений, выступил в этом сборнике с рассказом «Опаляющий разум».

Одна из тем, нередко затрагивавшихся в фантастике за последние годы, — это тема машины и человека, «челове-

ческого» и «автоматического» в кибернетической технике будущего. В рассказе Б. Островского «Принять решение» она находит несколько неожиданное преломление.

Действие разворачивается на ставшем уже традиционным космическом фоне. Но не авария на космической станции и не находка галактического корабля сами по себе являются эпицентром событий. Человек посылает робота — в высшей степени совершенную кибернетическую машину, чтобы «принять решение». От него зависит в данном случае человеческая жизнь и от него же зависят жизни других. Человек может погибнуть, но добытая от него информация укажет путь спасения другим. И возникает спор робота с его творцом и повелителем.

Исходом этого спора автор решает поставленную им проблему. Роботы, наделенные «свободной волей», способные в исключительных случаях поступать, как человек, не представят опасности для людей. Интеллект машины не вступит в конфликт с человеческим интеллектом. Сверхсовершенная кибернетическая техника будущего станет верно служить своему творцу.

Поэтичный рассказ Э. Махмудова «Симфония жизни» посвящен победе над страшным бичом человечества — раком. Впрочем, толковать его только так было бы неверно. По существу автор ставит проблему шире. В нашем организме скрыты такие силы, о которых мы сейчас и не подозреваем. Мобилизовать их для защиты от опасности — вот одна из задач медицины. Надо найти только ключ к тайникам, где «заперты» резервы — нервной системы, например. Тогда поиски путей борьбы с неизлечимыми, казалось бы, болезнями увенчаются успехом.

К проблемам медицины обращается и В. Караханов в повести «Мое человечество». Это первое произведение молодого автора. В центре повести — люди, отдающие свой труд и знания борьбе против рака.

В рассказе М. Ибрагимбекова «Крысы» фантастическая проблема своеобразно переплетена с изображением гнусностей буржуазного профессионального спорта.

Фантастика — вид литературы достаточно многообразный и емкий. Это и роман, повесть, рассказ, это — очерк, памфлет и сказка; это—пьеса и киносценарий; это—сатира и юмор. В сборнике «Эти удивительные звезды» читатель найдет научно-фантастические произведения различных жанров.

В многообразии представленных направлений фантастики достоинство сборника.

В рассказе-шутке «Беспощадный судья» Э. Махмудов использует кибернетическую машину для «экспресс-анализа» произведений начинающих авторов.

«Несколько поправок к Платону» П. Амнуэля и Р. Леонидова — история одной остроумной мистификации: попугай, который якобы разговаривает на языке атлантов... И уже замышляется новое мошенничество — со «старым любимым попугаем Наполеона Бонапарта». Для этого остается лишь научить птицу произносить популярные изречения императора...

Кибернетика способна, кажется, заставить даже самого апостола Петра усомниться во всемогуществе бога (Фантазия-шутка П. Амнуэля и Р. Леонидова «Престиж Небесной империи»)... Вторжение неизвестных «душ», оказавшихся кибернетическими машинами, поколебало все устои ада и рая. Для наведения порядка пришлось объединить усилия господа и сатаны и обратиться к услугам души бывшего профессора физики, варившейся в котле № 5784287776...

Юмористическую окраску придает своему рассказу «Сумасшедший электромеханик» И. Милькин. Превращение вещества в поле и обратно и детрансформация живой материи или, попросту говоря, исчезновение человека под воздействием электричества и появление его вновь... И короткое сообщение в концовке: «Вчера неизвестный, сумасшедший, пробравшись к главному щиту городской ТЭС, взялся за клеммы». Казалось бы, все ясно, но... тот же сумасшедший говорил еще и о том, что по воде можно летать, и показывал эскиз корабля. Корабля на подводных крыльях! Может быть, он вовсе не сумасшедший, этот изобретатель, появившийся в одной редакции четверть века тому назад?

С фантастической картинки, на первый взгляд далекой от главной темы, начинает Р. Бахтамов свой очерк «Дорога на океан». Это — встреча земных космонавтов с разумными существами чужого мира, изображенная в одном из рассказов И. Ефремова. Встреча необычная, потому что в «том» мире главным элементом атмосферы оказался фтор — он, а не кислород служил газом жизни на неведомой планете. Автор развивает далее свою мысль о существовании различных форм жизни. Он приходит к выводу, что живое не могло возникнуть без воды, и таким путем подводит читателя к

проблеме воды, причем не лунной или марсианской, а обыкновенной земной воды.

Опреснение — вот что могло бы решить эту проблему, проблему, ставшую сегодня не менее насущной, чем проблема пищи, или любого вида сырья и топлива. Пути ее решения — на примере работ лаборатории профессора И. З. Макинского (Азербайджанский институт нефти и химии) и составляют основное содержание очерка. В конце, говоря о будущем, автор справедливо подчеркивает, что в длинном перечне даров моря нельзя забывать главное его богатство — воду.

В сборник помещен еще один рассказ Р. Бахтамова «Две тысячи золотых пиастров». Рассказ посвящен истории создания феерии «Алые паруса» Александра Грина — одного из самых романтичных, самых «мечтательных» произведений советской литературы.

Читателям уже известна работа Г. Альтова о судьбе предвидений Жюля Верна (в альманахе «Мир приключений»). В сборнике «Эти удивительные звезды» он публикует новую работу того же направления — «Судьба научно-фантастических предвидений Герберта Уэллса».

Как и ранее, он приводит список произведений знаменитого фантаста, анализируя их по трем пунктам — идеи, высказанные Уэллсом; отношение к ним в то время; возможность их осуществления с современной точки зрения. Этому интересному перечню предпослано введение «Перечитывая Уэллса», которое содержит авторские размышления по поводу фантастики Уэллса. Небезынтересен итог: из 86 предвидений Уэллса 30 уже сбылись, 27 сбудутся почти наверняка, 20 осуществимы принципиально и лишь 9 — ошибочны. И Г. Альтов делает отсюда вывод, что «отчаянный» фантаст Уэллс оказывается не менее «научным», чем Жюль Верн... «А вдруг он был хитрецом, этот Уэллс? Быть может, он писал самую настоящую **научную** фантастику, а притворялся, что просто так фантазирует?»...

Нам думается, что читатели с интересом встретят сборник «Эти удивительные звезды».

Б. ЛЯПУНОВ

Е. ВОЙСКУНСКИЙ
И. ЛУКОДЬЯНОВ

И УВИДЕЛ ОСТАЛЬНОЕ

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

А. Пушкин.

1

Юпитер бушевал. Отсюда, с каменистой Ио, было видно, как по его гигантскому диску, закрывавшему полнеба, ходили бурые смерчи. Казалось, гигант пульсировал, то опасно приближаясь, то удаляясь. Казалось, его беспокойная атмосфера вот-вот сорвется, не выдержав чудовищной скорости вращения, и накроет дымным одеялом маленькую Ио, космотанкер «Апшерон» и его экипаж.

Штурман Новиков зябко поежился. Не раз приходилось ему видеть это зрелище в учебных фильмах, но одно дело — учебный фильм, другое — оказаться лицом к лицу с чужой, разнузданной стихией.

— Ух ты, — сказал он напряженно-бодрым голосом. — Разыгрался Юпик. Это он всегда так, Радий Петрович?

— Нормально, — ответил командир танкера, голос его перебивался разрядами. — На экваторе турбулентно, на шапках — поспокойнее. Для Юпитера погода — балов на пять. Только не надо про него так... фамильярно. Планета серьезная.

Новиков прыжком приблизился к башенке автоматической станции, поднял крышку, посмотрел на ползущие по экрану зеленые зигзаги.

— Напряженность Ю-поля у красной черты, — сказал он.

Володя Заостровцев, бортинженер, быстро взглянул на Новикова, но промолчал. Сегодня с утра он и двух слов не вымолвил.

Нижний край Юпитера был обгрызен острозубчатым горизонтом Ио. Именно оттуда должен был появиться контейнерный поезд, и все трое не сводили с горизонта глаз.

Командир танкера поднял руку к шлему, словно намереваясь почесать затылок.

— Здесь-то что, — сказал он. — Четыреста мегаметров до него. Санаторий. А побывали бы вы на Пятом — вот там сейчас неуютно.

— Ну да, там ведь вдвое ближе, — отозвался Новиков. — А вы были на Пятом?

— Бывал. С одним планетологом. Мы тут на всех спутниках ставили первые автостанции.

Володя Заостровцев пнул носком утяжеленного башмака ледяную глыбу, сказал:

— Радий Петрович... Улетать надо отсюда...

— Это почему же?

— Не знаю. Только чувствую — надо поскорее уходить.

— А контейнеры? — возразил Новиков. — С чего это ты расчувствовался? Боишься, так сидел бы дома...

— Так вот, — продолжал командир, — на Пятом и горизонта в сущности нет. Стоишь, как на камешке, а этот, — он кивнул на Юпитер, — стена-стеной, руку протянуть боязно. Так что ничего, Заостровцев, бывает, если в первый раз. Около Юпитера всегда эти... кошки по сердцу скребут. Нормально.

— Да нет, Радий Петрович, — стесненно сказал Володя, — я не то что боюсь, а... сам не знаю... Конечно, без контейнеров нельзя.

Командир взглянул на часы.

— Теоретически буксир должен вернуться через пятьдесят минут, — сказал он. — Но плюс-минус полчаса всегда возможно: плотность его атмосферы, — он снова кивнул на Юпитер, — вещь уж очень непостоянная. Наши контейнеры там мотает, как деревья в бурю.

Новиков представил себе, как, огибая планету, сквозь толщу бушующих, насыщенных энергией газов мчится буксир — космический беспилотный корабль с длинным хвостом вакуумных контейнеров. Поезд догоняет Красное Пятно и, войдя в его плотную среду, уравнивает с ним скорость. Распахиваются приемные горловины, и вещество Красного Пятна со свистом всасывается в контейнеры. Хищника загоняют в клетку. Пятно, впрочем, не заметит ничтожной убыли...

Буксир приведет поезд на Ио, автопогрузчик поставит

контейнеры на место — несколькими рядами они опояшут тело танкера, — и тогда можно стартовать. Можно прощально помахать ему рукой: не сердись, старик Юпитер, ты не прав, — или как там говорили древние?

Потом Радий Петрович аккуратно посадит танкер на космодром «Луна-2», и они выйдут наружу и увидят привычный спокойный лунный пейзаж — невысокие кольцевые горы, изрезанную трещинами почву. После Ио, утыканной острыми иглами скал, с ее глубокими ущельями, залитыми черным метановым льдом, с ее зловещим небом, Луна покажется особенно уютной, обжитой. Ведь от нее так близко до голубого шара Земли...

Космодромная команда примет контейнеры с материей Красного Пятна и опорожнит их в подлунные резервуары. А они, экипаж танкера, после карантинного душа сядут в вездеход — и в городок. Там можно будет, наконец, вылезти из скафандра и неторопливо пройти в салон. И ребята сбегутся в салон, пойдут вопросы: ну, как зачетный? Он, Новиков, помедлит, потягивая из стакана пахучий витакол, небрежно скажет: «Тряхануло нас возле Юпика... Думал—прощай, дорогая...» И остальные практиканты будут завидовать ему черной завистью, потому что они еще нигде не бывали, если не считать учебных рейсов на Марс в качестве дублеров, а он, Новиков, уже «свалил» зачетный. Да, дорогие товарищи, нет больше студента-практиканта Новикова — есть штурман-кибернетик Новиков, космонавт. Сам Платон Иванович, руководитель практики, привинтит к его куртке значок. Немного он, Новиков, запоздал: Первая звездная уйдет без него. Но уж во Вторую попадет непременно. На Земле ему теперь, в общем-то, делать нечего...

А Радий Петрович Шевелев думал о том, что это, наверное, последний его рейс к Юпитеру. Может, и вообще последний рейс. Сорок восемь лет — потолок космонавта... Возраст, когда по выражению пилотов, «начинает барахлить вестибулярка». Что ж, он немало новых трасс проложил в Системе. Взять хотя бы эту — к Юпитеру. Трасса сама по себе нетрудная, но зато конечный ее пункт...

Давно уже догадались астрофизики, какой могучей энергией насыщена бешеная атмосфера планеты-гиганта. Ю-энергия, сосредоточенная в Красном Пятне... Красное Пятно было старой загадкой. Огромное, в сто мегаметров в поперечнике, плыло оно по двадцатому градусу иовиграфической широты, иногда бледнея, словно выцветая, но не исчезая никогда.

В прошлое противостояние Юпитера, люди и не помышляли о Ю-энергии. Теперь же, при нынешнем противостоянии, были сделаны первые попытки зачерпнуть загадочное вещество Красного Пятна. Около трех лет назад Рейнольдс — «человек без нервов», как называли его космонавты, а уж они-то понимали толк в таких вещах, — бесстрашный Рейнольдс приблизился к Красному Пятну настолько, что зачерпнул его вещество бортовым контейнером. Он радировал об этом событии в свойственной ему манере: «Ущипнул красного медведя». Но через двадцать минут тон его передач резко переменился. Рейнольдс сказал: «Не понимаю, что происходит». Он повторил это дважды подряд, голос его был спокойным, очень спокойным. Потом он сказал: «Боюсь, что потерял...» Никто так и не узнал, что́ именно потерял Рейнольдс: связь прервалась на середине фразы. Корабль не отвечал на вызовы. Рейнольдс не вернулся.

Но люди упрямы. Потомки смельчаков, под парусами пересекавших океаны, уходивших на собачьих упряжках без единого прибора связи во льды Антарктики, — шли в бешеную атмосферу Юпитера. Под этой бездонной атмосферой скрывалась неведомая до сих пор поверхность планеты, сжатая колоссальным давлением, разогретая до сотен тысяч градусов, где вещество, насыщаясь энергией, перетекало в Красное Пятно...

Среди первых разведчиков был и он, Шевелев. Именно ему принадлежала идея — построить на Ио танкерный порт, с которого беспилотный корабль поведет к Красному Пятну контейнерный поезд. И теперь танкерные рейсы Луна—Ио—Луна сделались обычными. Материя Красного Пятна оказалась необыкновенно компактной и отличалась огромным энергосодержанием, так что, вопреки сомнениям, ее доставка вполне окупалась. Ю-материя, казалось, была прямо-таки специально создана для двигателей новых галактических кораблей класса СВП — Синхронизаторов Времени-Пространства, — которым предстояло выйти за пределы Системы.

За пределы Системы... Этой затаенной мечте Шевелева не суждено сбыться. Он еще поспорит на Совете, он докажет, что может потягаться с любым молодым, — но в глубине души Радий Петрович знал, что отлетал свое. К звездам уйдут молодые.

Заостровцев чувствовал приближение того странного состояния, которое уже несколько раз испытал и которое пугало его. Он пытался «переключиться». Вызывал в памяти земные

картины. Белые корпуса Учебного центра в зелени парка. Сверкающий на солнце небоскреб Службы Состояния Межпланетного Пространства — там работает на радиостанции оператор Антонина Горина. Тоня, Тося — смуглое переменчивое лицо, мальчишеская стрижка, насмешливые карие глаза. И ничего-то нет в ней особенного. В Учебном центре были девушки куда привлекательнее Тоси, хотя бы на факультете искусств. Но с тех пор, как он, Володя Заостровцев, в День моря впервые увидел Тосю — беспечно хохочущую, танцующую на воде, — с той самой минуты другие девушки перестали для него существовать. Он подскочил к ней, и они закружились в вихре брызг, музыки и смеха, но тут Володя зацепился поплавком за поплавок, потерял равновесие и плюхнулся в воду...

Воспоминание отвлекло его, но ненадолго. Тягостное ощущение навалилось, проникло внутрь, потащило... Выразить это словами было невозможно. Ни сравнений, ни аналогов. *Оно* каждый раз проявлялось по-новому.

Теперь по экватору Юпитера неслись огромные бурые облака — ни дать ни взять стадо взбесившихся быков. Они сшибались, медленно меняя очертания, рвались в клочья. Слились в сплошную зубчатую полосу. Будто гигантская пила рассекла планету пополам — вот-вот распадется...

И вдруг полыхнуло красным. Грозные отсветы легли на каменные пики Ио, на лед в расселинах, на гладкое тело космотанкера. Диск Юпитера с краю залился огнем. Вот оно, Красное Пятно... Оно разбухало на глазах, ползло под экватором, свет его становился пугающе-резким. Новиков невольно втянул голову в плечи.

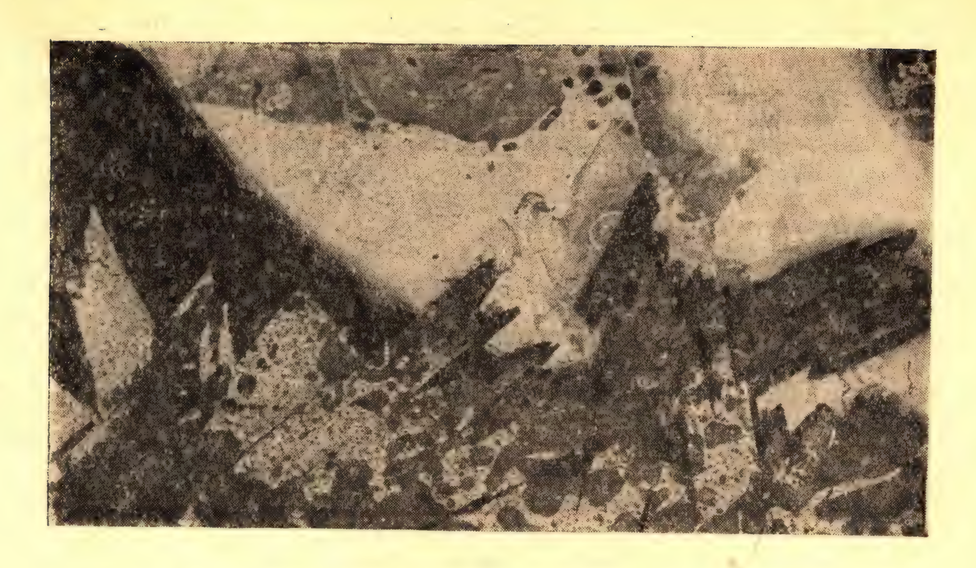
— Вторые светофильтры поднять, — раздался в наушниках голос командира. — Алексей, посмотрите, что там с поездом?

Новиков склонился над щитком автостанции. Вслед за Красным Пятном должен был появиться из-за диска Юпитера буксир с контейнером. Но его не было. Это было неправильно: поезду задана круговая орбита со скоростью Пятна. Но поезда не было.

«Нет как нет, ну прямо нет как нет», — навязчиво стучали у Новикова в памяти слова старой песенки.

Он уставился на Пятно. Оно уже почти полностью выползло из-за края. В нем крутились вихри, выплескивались быстрые языки — не они ли слизнули поезд?..

— Нет поезда! — крикнул Новиков. — Пропал поезд!

Володя Заостровцев вдруг скорчился, судорожно застучал кулаками по щиткам светофильтра.

— Не могу! — прохрипел он. — Жмет... Давит...

— Что жмет? — командир шагнул к нему.

И тут в уши ударил ревун тревоги — монотонный, прерывистый, безразличный.

— Быстро в шлюзкамеру! — крикнул командир.

Володю свело в дугу. С ним творилось непонятное. Новиков и командир потащили его под руки.

Хлопнула автоматическая дверь, вторая, третья... Сгрудились в лифте. Вверх! Ревун оборвался. Что там еще? Он не мог выключиться до старта, но он выключился. Это было неправильно... непонятно...

Дверь остановившегося лифта поползла в сторону—командиру казалось, что она ползет отвратительно медленно, он рванул ее, протиснулся в кабину. Не снимая шлема, забыв спустить светофильтр, бросился к пульту, пробежал пальцами в рубчатых перчатках по пусковой клавиатуре. Далеко внизу взревели двигатели, танкер рвануло. Радий Петрович глубоко провалился в амортизатор сиденья, привычная тошнотность перегрузки подступила к горлу.

Новиков и Заостровцев упали в свои кресла. Некоторое время все трое молча возились со шлемами, тугими шейными манжетами, выпутывались из скафандров. Каждое движение

давалось с трудом, а труднее всех было Володе. Крупные капли пота катились по его щекам.

Раньше всех увидел Радий Петрович. Потом Новиков. Его рука, протянутая к блоку программирования, медленно упала на колени.

Приборы не работали. Ни один.

— Нич-чего не понимаю... — Командир беспокойно вертел головой, переводя взгляд с экрана на экран.

Он переключил масштаб координаторов. Ввел усиление. Перешел на дублирующую систему. Больше он ничего не мог сделать.

Экраны ослепли. Тонкие кольца и меридианы гелиоцентрических координат ярко светились, но точки положения корабля не было видно — ни на экране широкого обзора, ни на мелкомасштабном. На экране для непосредственного астрономического определения вместо привычной картины звездного неба была серая муть, ходили неясные тени.

Командир с усилием повернулся в кресле и встретил застывший взгляд Новикова.

— Определитесь по полям тяготения, — бросил он раздраженно, потому что Новиков должен был сделать это и без команды.

И не поверил своим ушам, услышав растерянный голос Новикова:

— Гравикоординатор не работает...

Командир уперся в подлокотники, попытался подняться, но ускорение придавило его к креслу. Оно-то работало исправно...

Двигатели мчали танкер вперед. Вперед — но куда? Приборы не показывали положения корабля в пространстве. Было похоже, что какая-то неведомая сила разом вывела из строя все наружные датчики. Корабль очутился в положении человека, внезапно ослепшего посреди уличного потока.

Мы стартовали часа на полтора раньше расчетного времени, лихорадочно соображал командир. Ио всегда обращена к Юпитеру одной стороной, и танкер стоял на этой стороне. Стартовый угол известен. Сейчас, когда корабль идет на малой скорости, надо ложиться на поворот. Но как рассчитать поворот без ориентации? В поле тяготения Юпитера нет ничего постоянного. Поворачивать вслепую? Ю-поле прихватит на выходной кривой, а ты и не заметишь... Не заметишь, потому что гравикоординатор не работает.

Новиков, между тем, возился с пеленгатором. Ведь на крупных спутниках Юпитера стоят радиомаяки — на Ио, на Каллисто, на Ганимеде... Нет. Молчат маяки. Вернее — музыкальные фразы их сигналов не доходят до «Апшерона».

— Хоть бы один пеленг... Хоть бы одну точку... — Новиков повернулся к командиру. — Что делать, Радий Петрович?

Командир не ответил. Он уже знал, что ничего сделать нельзя. Даже послать на Луну аварийный сигнал. Радиосвязи не было. Надеяться на чудо? Где угодно, только не в Ю-поле.

Ну что ж... На Земле труднее: вокруг все родное, земное, и можно увидеть в окно кусок голубого неба, и мысль о том, что все это будет теперь без тебя, невыносима. В Пространстве же — Шевелев знал это — чувство Земли ослабевало, помимо воли приходило то, что он называл про себя ощущением потусторонности...

Ослабевало? Ну нет! Вот теперь, когда гибель была неотвратимой, он понял, что ни черта не ослабевало чувство Земли. Наоборот!

Надо было что-то сказать ребятам. Командир посмотрел на них. Заостровцев лежал в кресле, задрав голову вверх и бессмысленно вытаращив глаза. Руки он вытянул перед собой, пальцы его вздрагивали, как бы ощупывая воздух.

Ну что им сказать? Разве что два слова: «Будьте мужчинами»... Радий Петрович вдруг замер, пораженный догадкой: так вот что случилось тогда с Рейнольдсом, вот что не дого-

ворил он в последней радиограмме — он потерял ориентацию! У Рейнольдса, так же, как и у него, Шевелева, внезапно ослепли приборы. Ю-поле прихватило ослепший корабль Рейнольдса, он врезался в Юпитер. Непонятная, никем не предвиденная энерговспышка... Надо сообщить на Землю. Один шанс из тысячи, что информация попадет к людям, — но все равно, он обязан сообщить.

Радий Петрович включил аварийную звукозапись и собрался с мыслями. Информация должна быть краткой и исчерпывающей.

Тут он услышал щелканье клавиш задающего блока. Молодые — штурман и бортинженер — сидели, голова к голове, у пульта вычислителя. Заостровцев теперь не щупал пальцами воздух — он медленно водил растопыренной пятерней от себя к экрану. К экрану, на котором светились кольца координат, но по-прежнему не было положения корабля.

— Сейчас... — бормотал Новиков, щелкая клавишами. — Только вот введу исходные... влияние Сатурна... Эфемериды... Давай направление, Вовка!..

Какое еще направление? — подумал командир. — С ума они посходили?

— Что вы делаете? — резко спросил он.

Ему пришлось повторить вопрос дважды, но ответа он так и не дождался. Те двое, должно быть, просто забыли, что на корабле есть командир.

— Не так, не так! — стонал Заостровцев, мучительно гримасничая и рубя ладонями воздух. — Не понимаешь...

— А как? — хрипел Новиков.

— Слушай меня, Алеша... Слушай! Мы здесь... Да, здесь... Значит, выходная кривая... Вот... вот ее направление, понимаешь?

— Понял! — Снова защелкали клавиши. Новиков откинулся, уставясь на результатную панель вычислителя.

Мертвая тишина...

— Программа готова, — неуверенно сказал Новиков.

2.

А все началось, пожалуй, с того вечера, когда Володя Заостровцев ощутил потребность в стихосложении. Время для занятий такого рода было крайне неподходящим: шел последний месяц предвыпускной практики, после которой их

группе предстояло перебазироваться на Луну и там ожидать зачетных рейсов.

Но Володя был влюблен. И поэтому ранним вечером он заперся в своей комнате, легкомысленно отодвинул в сторону схему охлаждения плазмопровода и на очищенный уголок стола положил лист бумаги. Затем он взял авторучку и... сразу понял, что не умеет писать стихи. Пришлось сбегать в библиотеку и обратиться к справочной литературе. Володя узнал, что стихосложение, оно же версификация, является системой организации стихотворной речи и что на свете есть дактиль, анапест и даже какой-то амфибрахий. Сведения были полезные, но не совсем практичные.

Проще всего было разработать программу, закодировать ее и поручить создание стихотворения универсальной логической машине. Такая машина была в штурманской службе, но там не обошлось бы без огласки, а этого Володя не хотел.

Тогда он решил написать стихи по методу машинной логики, но без машины. Как в старину учились кавалерийскому строю без лошадей, маршируя «пеший по-конному». Это, кстати, исключало операцию кодирования, поскольку Володя совмещал функции программиста с функциями машины. И он храбро приступил к созданию алгоритма задачи. Заготовив рифмовые пары и выписав их колонкой с правой стороны листа, размеченного на строки и слоги, он составил словарный фонд применительно к специфике будущих стихов: существительные — глаза, волосы, сердце; прилагательные — любимый, нежный, золотистый; глаголы — страдать, зажигать...

Затем он приступил к чисто машинной части работы — к заполнению слоговых клеток с соблюдением логических увязок. Пришлось изрядно поломать голову, но в общем принцип «пеший по-конному» дал результативный выход — стихи, сделанные на уровне электронного мозга. Володя вполголоса перечитывал их, отсчитывал слоги на пальцах, исправлял, отделывал:

Твои кудри — златых завитков — геликоид антенны.
Телепато-вибратор, направленный в сердце ко мне.
А глаза — персептрон электронно-оптичной системы
На чудесной, в полтысячи миллимикронов, волне.

Кудри у Тоси были не «златые», а скорее каштановые, но Володя твердо знал, что поэзия допускает условности.

Дальше шло так:

Алгоритмом своей зачарованной телепатемы
Программируешь сердце мое на грядущие дни.

Вита-цепь нуклеиновой дезоксирибосистемы
В моем нейромозгу зажигает аксоно-огни.

Да, это были стихи посерьезнее, чем у отдельных лириков прошлого. Они, погрязшие в мистике, только и делали, что писали «о нити той таинственной, что тянется, звеня, той нити, что с Единственной могла б связать меня». Володя шел принципиально новым путем.

Алгоритм стихотворения предусматривал и космическую тематику.

Ты, подобно нейтрино, не знаешь преград и заслонов,
Вся безмерная Метагалактика — шаг для тебя,
Ты стремительна, словно поток светобыстрых фотонов,
Обгоняющий Время, Пространство и даже себя...

Упоминание о том, что Тося могла развивать такую скорость, было явным преувеличением — более чем на восемь порядков, но Володя знал, что поэзия допускает преувеличения.

Заключительная строфа получилась так:

Так прими же меня за критерий своей аппроксимы,
За дискретный сигнал управленья дуальных цепей.
Жизнь, лишенная биоконтакта с объектом любимым,
Холодна, точно кельво-мороз нулевых областей!

Теперь программа была исчерпана. Володя набрал Тосин номер по видеофону, чтобы немедленно прочесть ей стихи. Номер был занят, изображение не появилось, но сквозь частые гудки Володя вдруг услышал голоса. Что-то там не сработало, и он оказался подключенным третьим. Не желая получать чужую информацию, Володя положил палец на кнопку отбоя, но... разговор-то шел о нем!

Тося рассказывала кому-то из своих подруг, что он, Володя, скучный, слишком серьезный, и его психокомплекс вовсе не подходит к ее, Тосиному, комплексу. Она любит, чтобы было весело, а Володя, если и сострит, то раз в две недели. «Ты всего-то две недели и встречаешься с ним», сказала подруга. «Ну и что! — ответила Тося своим низким, хорошо модулированным голосом. — Значит, он всего один раз и сострил. Что? Ну конечно, дело не только в этом, но мне с ним скучно...».

Володя выключился. Некоторое время он стоял каменной статуей, тупо глядя на зеленый глазок видеофона. Потом схватил листок со стихами, скомкал и что было силы швырнул в отверстую пасть мусоропровода.

Схема охлаждения снова заняла на столе свое законное

место. Из-за ее переплетений возникло смуглое переменчивое Тосино лицо. Нет, так дело не пойдет. Прежде всего надо как следует разобраться в характере отношений...

Володя взял лист миллиметровки и крупно надписал сверху: «Анализ моих взаимоотношений с Тосей Г.». Раздумывая, припоминая подробности встреч и настроений, он постепенно построил график. По оси абсцисс было отложено время, по оси ординат — сила чувства в условно принятых Володей единицах. Красная кривая выражала отношение Володи к Тосе, а синяя — ее отношение к нему. На точках переломов стояли краткие пояснения: «пляж», «на концерте», «диспут об искусстве»...

Володя так углубился в анализ, что не заметил, как вошел и остановился за его спиной Алексей Новиков.

— Хм, — произнес Новиков.— Ты бы действовал в лагорифмическом масштабе. Смены настроений были бы выразительнее.

Володя быстро прикрыл график рукой.

— Мысль, — согласился он. — Вместо величин чувств откладывать их логарифмы...

— Эх ты, досужий анализатор. Ну-ка, Вовка, говори, что у тебя стряслось?

Деваться было некуда. Пришлось Володе рассказать другу о подслушанном разговоре.

— Как мне реагировать, Алеша?

— Надо отомстить, — твердо сказал Новиков.

— Я серьезно спрашиваю.

— А я серьезно отвечаю. Наши предки считали месть благородным делом. Постой, как это... «Не взвидел я света, булат загремел, прервать поцелуя злодей не успел»... Кстати, ты не знаешь, что такое булат?

— Какой-то старинный железоуглеродный комплекс, — уныло сказал Володя. — Ты тоже находишь, что я скучный и... недостаточно часто острю?

— Постой, постой... — Новиков крупно зашагал по комнате. Отличная мысль, Вовка! Брось свой анализ, пойдем на свалку.

— Зачем на свалку?

— За орудием мести! Сегодня я видел, из мастерских выбросили куч уметаллического хлама. Пойдем, пока его не увезли на переплавку.

Тося пришла на свидание на двадцать минут позже нор-

мального опоздания. На ней было статилоновое платье. При малейшем движении оно вспыхивало разноцветными искрами микроразрядов и все время меняло цвет.

— Куда пойдем? — деловито спросила Гося.

— Посидим здесь, — предложил Володя. — Мы почти не бываем вдвоем.

— Сегодня бал у астрофизиков, у них всегда очень весело, но если хочешь, посидим.

Они сели на скамейку под старыми тополями. В парке сгущались синие сумерки. Испуганно вскрикнула какая-то птаха.

— Ну, что у тебя? — спросила Тося, поправляя волосы и рассыпая микроразряды. — Сдаешь зачеты?

— Сдаю, — кивнул Володя. — А у тебя что нового?

— Ничего. Сегодня было очень много переговоров с Луной, все насчет Первой звездной, у Чернышева такой приятный голос, даже когда он сердится... он требовал скорее прислать какое-то снаряжение. Тебе не надоело сидеть?

— Скоро наша группа улетит на Луну.—Володя взял Тосину руку в свои ладони. — Тося, я хотел тебе сказать...

Тут он вспомнил наставления Алексея. Он отпустил Тосину руку и вытащил из кармана куртки маленький прибор в серебристом пластмассовом корпусе. Щелкнул кнопкой — матово засветился круглый экран.

— Я устала сидеть. — Тося поднялась, обдав его дождем искр. — Что это? Я таких видеофончиков еще не видела.

— Это не видеофон. — Володя надвинул на экран прозрачный щиток, расчерченный тонкой сеткой. Под сеткой побежал зеленый зигзаг. — Это телеанализатор биотоков мозга. Здесь, на экране, то, что у тебя на уме...

Тося невольно отодвинулась. Она не знала, что Володя с Алексеем вчера потратили бездну выдумки на соединение воедино испорченных деталей ультразвукового толщемера, корабельного указателя занятости туалета и лунного почвенного термометра.

— Ты плохо ко мне относишься, Тося, — печально сказал Володя. — Ты считаешь меня... м-м... недостаточно веселым. Ты решила... м-м... перестать со мной встречаться. Видишь, вот здесь — семь и две десятых. Куда же больше?.. Будь здорова, Тося.

Он сунул приборчик в карман и пошел прочь.

— Володя, постой!

Но он не оглянулся. Тося озадаченно смотрела ему вслед.

Потом достала зеркальце, поправила волосы — это помогло ей справиться с растерянностью. Чтобы окончательно прийти в себя, она попробовала сформулировать оценку тому, что произошло. И формулировка была найдена.

— Дивергентный какой-то, — тихо сказала Тося.

Она была неправа. Дивергенции начались несколько позже.

После объяснения с Тосей Володя провел бессонную ночь. Пытаясь отвлечься, он заставлял себя думать о системе энергостабилизации двигателя типа КО-3а (в просторечии — «коза»), но заснуть не удалось. Зато на утренних занятиях он проспал два учебных фильма подряд — «Влагоотделительная обработка венерианского воздуха при заполнении дыхательных отсеков» и «Обеспечение безопасности при текущем ремонте вспомогательных плазмопроводов». Во второй половине дня он сдавал практикум по приготовлению пищи в вакуумных условиях и только вечером, окончательно освободившись, отправился к Новикову, чтобы отвести душу.

В широких коридорах жилого корпуса было шумно: из-за полуоткрытых дверей слышались смех, музыка, голоса спорящих. По здешнему неписанному закону, двери вечером не закрывались — чтобы каждый проходящий по коридору легче мог выбрать, куда зайти.

В комнате Новикова на выдвинутых из стен сиденьях разместились человек восемь парней и девушек. Алексей демонстрировал свою коллекцию старинных песен. Он обычно переписывал их со старых граммофонных пластинок или сам напевал на поликристаллы, придавая голосу соответствующую окраску преобразователем формант.

— А вот, — объявил он, — старинная солдатская песня. Если не ошибаюсь, относится ко времени наполеоновских войн.

Он включил кристаллофон, и его же голос, которому искусственные форманты придавали грозную сиплость, свойственную, по его мнению, солдатам тех времен, запел:

По-о-хранцузски — бутенброт.
По-хранцузски — бутенброт...

Володя шагнул к двери, делать тут было нечего.

— Погоди! — окликнул его Новиков и приглушил звук.— Ребята управляйтесь сами. Где фруктовый сок — вы, к со-

жалению, знаете не хуже меня. Уходя, выключите включенное и приберите разбросанное. У нас с Володей срочное дело...

По дороге на пляж Володя доложил другу о разговоре с Тосей, и Новиков одобрил решительный шаг. Они молча поплавали при лунном свете, потом уселись на лодочных мостках.

— Как по-твоему, Алеша... что такое любовь?

— Раз ты спрашиваешь, значит, уже изучил вопрос. Знаю я твою манеру.

Да, Володя прочел много книг. Но у старых авторов он не нашел никаких указаний о методике поиска Единственной. Они были многословны в описаниях, но четкого ответа — почему такой-то полюбил именно такую-то, а не другую, — ответа давать не желали, хотя читать их было интересно. Новые же авторы слишком увлекались математическим исследованием психокомплекса.

Когда-то Стендаль классифицировал фазы развития любви и ввел понятие «кристаллизации чувств». Ну да, полимеры тогда не были известны, а то бы Стендаль назвал эту фразу «полимеризацией чувств».

Все здесь — тайна. Великая загадка рода человеческого...

«Королева играла в башне замка Шопена, и, внимая Шопену, полюбил ее паж...». Полюбил бы паж королеву, если бы она играла не Шопена, а... ну, скажем, Баха? Или Стравинского?

Герцогиня Джозиана полюбила Гуинплена. Ромео и Джульетта... Тристан и Изольда... Старинные новеллы, которые кончались стандартной фразой: «Они жили долго и любили друг друга, и умерли в один день» — прекрасная, наивная мечта...

— А все-таки, что такое любовь? С научной точки зрения...

Спрашивая это, Володя был готов к тому, что Новиков примется его высмеивать, или же с серьезным видом понесет чепуху. Ни того, ни другого, однако, не последовало. Новиков сидел неподвижно, обхватив колени, и молчал.

— Любовь — это некое остроизбирательное тяготение полов, — сказал он наконец.

— Пожалуй... А чем ты объяснишь избирательность? Родством душ?

— Душа! Мистическая гипотеза.

— Помнишь древние легенды — бог разделил людей на половинки, разбросал по свету, и они ищут друг друга...

— Бог — тоже отвергнутая гипотеза.

— Постой! — Володю внезапно осенило. — Бога нет, и души нет — прекрасно. А любовь есть?

— Отвяжись, — тихо сказал Новиков.

— Нет, позволь, позволь!—наскакивал Володя, развивая мысль. — Души нет, бога нет, а в организме человека нет ни одного элемента, не входящего в таблицу Менделеева. Ну-ка, сделай логический вывод!

Новиков молчал.

Володя, вдумчиво подбирая слова, сделал вывод сам:

— Так вот: любовь, то есть проявление избирательного взаимного тяготения полов, есть результат биоэлектрохимических процессов в клетках мозга и, следовательно, может быть изучена и моделирована наравне с памятью, наследственностью и прочими продуктами реакций РНК и ДНК. Согласен?

— Допустим, — нехотя сказал Новиков. — А дальше что?

— Ну, как ты не понимаешь? Эта идея позволит создать...— Володя запнулся. — Ну, что ли, локатор любви... Анализатор любви, — проговорил он уже увереннее. — Анализатор, который обеспечит правильный выбор Единственной. — Володя воодушевился. — Да, это мысль! Анализатор исключит ошибки. Представь себе, Алеша, как он облегчит страдания влюбленных.

— Представляю себе! — с неожиданной злостью ответил Новиков. Он вскочил и принялся натягивать брюки. — Представляю твой анализатор любви! Белые шкафы, набитые микромодулями. Куча медицинских приборов. Блок кодирования, счетно-решающий блок, дешифратор. Двое парней с тестерами лазают за панелями, устраняют замыкания. Ты встречаешь на улице блондинку анатомического типа Тоси и приглашаешь ее «анализироваться». Для начала — экспресс-анализ крови и прочего. Вам надевают на разные места манжетки сфигмоманометров. Вам бреют головы и мажут их контактной пастой для датчиков супер-энцефалографа. Я оптимист, и полагаю, что теменную кость удалять не будут...

— Что с тобой? — озадаченно спросил Володя.

А Новикова несло:

— Вам вкалывают в нервные места китайские иглы. Анализатор гудит, мигает цветными сигналами. Старший оператор говорит: «Молодые люди, посмотрите друг другу в глаза. Так, а теперь — через гипнофильтр А—27. Благодарю вас. Жора, отцепляй от них датчик». Блок дешифровки выстре-

ливает голубой бланк с розовыми амурами: «Не можете любить друг друга». И ты идешь искать следующую девушку...

Новиков ожесточенно махнул рукой и зашагал по мосткам к берегу.

В середине следующего дня они встретились на лекции по защите от излучений.

— Я думал о твоем анализаторе, — сказал Новиков вполголоса. — Не знаю, нужен он человечеству или нет, а вот посмотри-ка на эту схему.

Он протянул Володе свежий номер академического журнала, раскрытый на статье С. Резницкого.

— Тут какая-то гипотеза о биологическом коде сонастроенности. Статья мудреная, с ходу не осилишь. А вот схема, помоему, интересная...

3.

Радий Петрович привык командовать людьми и приборами. Он привык ощущать приборы, как продолжение своего зрения, своего слуха, своей воли. Кроме того, он привык видеть перед собой за координатной сеткой экрана знакомую картину звездного неба. Видеть свое положение в Пространстве — без этого лететь было нельзя.

Теперь, когда корабль оглох и ослеп, Радий Петрович не то чтобы просто испугался, а был ошеломлен странным ощущением собственной ненужности и невозможности управлять ходом событий. Он перестал быть командиром, и это, кажется, было страшнее, чем врезаться в Юпитер.

А врезаться могли каждую секунду.

Оцепенение первых минут прошло. Как мог он, командир, допустить, чтобы двое мальчишек, впервые вышедших в Пространство...

— Куда! — крикнул он так, как не кричал еще никогда в жизни. — Куда направили?

Губы его прыгали, голос сорвался. Он видел их белые лица на мутном фоне бокового экрана. Заостровцев не оглянулся на окрик. Руки его безжизненно висели по бокам кресла, взлохмаченная голова лежала на панели управления двигателями. Как раз под его щекой медленно ползла вправо стрелка поворотного реактора.

Новиков посмотрел на командира. Лицо его было странно искажено — будто одна сторона отставала от другой.

— Сейчас, Радий Петрович... Минутку...

Новиков потянулся к переключателям мнемосхемы — самым дальним на пульте. Перед командиром засветилась масштабная схема: Юпитер, спутники, кольца их орбит, красная линия пути коробля...

Но ведь это была линия рассчитанного курса, ее не с чем было сравнить, потому что датчики системы ориентации не подавали на мнемосхему истинный курс.

Радий Петрович представил себе, как «Апшерон» на выходной кривой углубляется в Ю-поле — углубляется дальше, чем следует...

Кроме того, на развороте кораблю предстояло пересечь орбиты десятка спутников Юпитера — а ведь Каллисто и Ганимед почти с Землю величиной. Конечно, возможность столкновения практически исключена, но когда движешься в полях стохастичных возмущений без внешней информации, то и мелкие спутники — бешено кувыркающиеся в пространстве ледяные и каменные глыбы — кажутся неправдоподобно близкими.

— Вы не могли рассчитать курс без внешних датчиков,— жестко сказал командир. — Я запрещаю...

Тут он осекся. Он был командир и мог запретить что угодно, но, запрещая, он должен был продиктовать свое решение. А решить что-либо в этой дикой ситуации было невозможно.

Новиков тряс за плечи сидевшего рядом Володю.

— Да очнись ты! — крикнул он ему в ухо. — Вовка, очнись! Что дальше? Корректировать надо!

В отчаянии он крутанул Володино кресло, сгреб пятерней его волосы, мокрые от пота.

Володя вдруг дернулся, открыл глаза.

— Поправки! — обрадованно закричал Новиков. — Чего уставился, баран, поправки давай!

Мутные глаза Володи прояснились. Он расправил плечи, потянулся, на его худом лице появилась улыбка, показавшаяся командиру идиотской.

— Так хорошо, — тихо проговорил Володя. — Так не давит... не крутит... Надо было сразу боком...

Новиков притянул его голову вплотную к своей.

— Давай, милый, — лихорадочно шептал он. — Поправки давай.

И снова командиру показалось, что они сошли с ума.

Из дальних времен парусного флота перешло в космонавтику железное правило: при живом капитане рулем не командуют. А эти двое командовали. Они колдовали над блоком

программирования, вводили поправки. Они вели корабль — а он, командир, смотрел на них, ничего не понимая и все острее ощущая свою ненужность...

Время шло. Космотанкер, все еще разгоняясь, описывал выходную кривую, которая, как опасался командир, могла оказаться безвыходной. Опасались ли этого те двое? Похоже, им было безразлично. Теперь они не суетились у пульта. Откинувшись в креслах, они спали. Володя то и дело ворочался, как будто пытаясь забраться на сиденье с ногами, сжаться в комок. Обхватывал голову руками, стонал. Новиков лежал безжизненно, уронив лобастую голову на грудь.

Да, они спали.

Командир понял, что будить их бессмысленно. Все было сплошной бессмыслицей в этом окаянном рейсе, с тех пор как по ушам ударил ревун. Он еще раз посмотрел на мнемосхему, по которой, удлиняясь неприметно для глаза, ползла кривая. Тупо подумал, что не эта, вымышленная кривая, а та, истинная, по которой шел корабль, могла в любой момент оборваться грохочущей гибелью. Он сам удивился безразличию, с которым об этом подумал. Перенапряжение брало свое. Командир закрыл глаза.

4.

Дивергенции начались с того, что Володя Заостровцев опоздал на рейсовый корабль. Ждать его, понятно, не стали, хотя Новиков убедительно взывал к руководителю практики. Рейсовый ушел на Луну по расписанию, увозя всю группу практикантов, а Володя остался на Земле. Растерянный и виноватый, он более суток околачивался на космодроме, надоедал диспетчерам и перегружал запросами киберинформаторы, пока его не подобрал Резницкий.

Биофизика Резницкого он немного знал по спецсеминару и его нашумевшей статье в последнем номере «Человека и космоса» — «К вопросу об особенностях математической статистки кода телепатического комплекса в условиях поворотных ускорений».

Резницкий вез на Луну внеплановым рейсом десятка полтара ящиков, исписанных устрашающими надписями. Володя прилип к нему, как вакуумный пластырь к метеоритной пробоине, и Резницкому, крайне не любившему беспорядка, не удалось от него отделаться.

Они сидели вдвоем в тесной пассажирской кабине гру-

золета. Когда окончился разгон и включили искусственную тяжесть, Резницкий пошел в грузовой отсек. Он долго, придирчиво проверял и подтягивал крепления ящиков. Володя молча помогал ему.

— Почему вы опоздали на свой рейс? — сухо спросил Резницкий. — Вы что — не имели информации о времени отхода?

— Часы у меня отстали, Сергей Сергеич, — жалобно сказал Володя, стихийно применив уловку, которая считалась устаревшей еще в XX веке, когда в часах применялись пружинные двигатели.

Врать было противно, но правду Володя сказать не мог: все равно никто и никогда не поверил бы ему...

Вчера ранним утром он шел к северным воротам космопорта — шел не по дороге, как остальные практиканты, а напрямик, по тропинке. В свежем предрассветном воздухе травы пахли по-ночному отчетливо. Володе казалось, что он чувствует запах каждой травинки, каждого полевого цветка в отдельности. Какая-то особенная острота восприятий... Вдруг он остановился. Ему ничто не мешало, а шагнуть вперед он не мог. Машинально, еще не отдавая себе отчета, он свернул и зашагал по росистой траве, мягко шелестевшей под ногами. Он как бы искал проход в невидимой, неощутимой стене. Прохода не было — он чувствовал это. С ним творилось что-то непонятное. Он забыл о времени, забыл обо всем — его будто выключили. Он вернулся к тропинке и убедился опять, что не может идти по ней вперед. Снова пошел вдоль невидимой преграды. И только когда дрогнула земля и над космопортом, опираясь на клубящийся черный дым, поднялся корабль — только тогда Володя пришел в себя. Он с легкостью перешагнул «преграду» и пустился бежать, хотя прекрасно понимал, что теперь спешить бессмысленно. С удивлением он обнаружил, что бродил по полю больше часа...

Резницкий хмыкнул. Молча повытаскивал из карманов кучу катушек пленки, аккуратно расставил перед собой на выдвижном столике и, зверски прищурившись, стал разглядывать их на свет по очереди.

— У меня есть проектор, — сказал Володя и поспешно раскрыл свой чемодан.

Он отдал проектор Резницкому, а потом, немного помедлив, вытащил анализатор. Собственно, это еще не был заветный Анализатор Любви. Но это уже была и не та светящаяся игрушка, которая так озадачила Тосю. Целый месяц после

того памятного свидания они с Новиковым все свободное время возились с анализатором. Толку от прибора пока не было никакого. Новиков вообще не верил в это дело. Он помогал другу только из «сугубо кибернетической любознательности». А Володя был упрям. Он твердо знал, что анализ любви — дело не менее сложное, чем сама любовь.

Задумчиво разложил он перед собой панели с микромодулями и, вооружившись тестером, погрузился в хитросплетения схемы. Он забыл обо всем — о постыдном опоздании, за которое еще предстоит держать ответ на Луне, о коварстве — этом рудиментарном спутнике любви, и о Резницком тоже.

А между тем Резницкий уже шесть минут пристально наблюдал за ним.

— Насколько я помню, — раздался его высокий голос, от которого Володя вздрогнул, — насколько я помню, вы не очень усердствовали на моем семинаре. С чего это вас повело на бионику? — Он пригляделся к пестрой мозаике микромодулей. — Да еще, насколько я понимаю, на нейросвязи высшего порядка?

— Видите ли... — Голос у Володи отсырел, пришлось прокашляться. — Нам с товарищем пришла в голову мысль относительно... э-э... одного частного случая биоинформации...

Резницкий подождал немного, не последует ли более вразумительное объяснение, потом спросил:

— Вы, как будто, стажируетесь на бортинженера? Так-так. А товарищ ваш кто — биофизик?

— Нет, он штурман-кибернетик.

У Резницкого в уголках губ прорезались ехидные складочки.

— А третьего у вас нет — скажем, парикмахера?

Володя посмотрел на него, медленно, обиженно моргая. Резницкий ткнул длинным пальцем в середину панели:

— Совмещаете биоизлучения двух особей?

— Почти так, — тихо ответил Володя. — Это узел совмещения настроений.

Резницкий откинулся на спинку кресла и нежно погладил себя по щеке, как бы проверяя качество бритья.

— Ну вот что, Заостровцев. Расскажите все по порядку.

Володя заколебался было. Но Резницкий так и излучал

414—3

спокойную заинтересованость сведущего человека. И Володя начал рассказывать, опуская, впрочем, детали личного свойства.

— Не люблю собак, — ворчал сантехник городка Луна-два, медлительный и всегда как бы заспанный Севастьян. — Не положено собак на Луне держать. Пошел вон! — крикнул он на Спутника, пожелавшего обнюхать его ноги.

В предшлюзовом вестибюле было двое: Севастьян, который должен был встретить и дезинфицировать внерейсовый корабль, и Алексей Новиков, встречающий Володю. Кроме них тут крутились две симпатичные дворняги—Диана и Спутник. Их завез на Луну кто-то из космонавтов и, будучи пламенным почитателем Жюля Верна, дал им клички собак Мишеля Ардана. Собачки оживленно бегали по вестюбюлю, обнюхивали герметичные стыки шлюзовых дверей.

— Нюхают, — продолжал Севастьян. — Им радио не нужно. Они без радио знают, что Резницкий прилетает. Такой серьезный человек, а любит эту нечисть. Я ему докладываю: блохи от собак. А он мне — блох, дескать, давно вывели. Объясняю — у собак блохи сами собой заводятся, а он — смеется...

Вскоре после прибытия пассажиры внерейсового — Резницкий и Заостровцев — появились в вестибюле. Новиков тут же отвел Володю в сторону:

— Что случилось? Ты ведь шел с нами, а потом куда-то исчез.

— Потом расскажу, — ответил Володя. — Если сумею.

— Ладно. Чтобы наши объяснения были синфазны, ты скажешь Платон Иванычу вот что...

Тем временем собаки бурно прыгали возле Резницкого. Биофизик потрепал их за уши, а потом преподнес по большому куску колбасы.

— Вот вам еще один феномен, — сказал он, остро взглянув на Володю. — На Земле собаки чуют хозяина на большом расстоянии, более того — они точно знают время его прихода. Ну, это общеизвестно. Новейшая теория телеодорации, гипотеза Арлетти-Смирнова... Но объясните мне такое: уже который раз я прилетаю сюда — заметьте, не в определенное время, — а собачки задолго до прилунения занимают здесь выжидательную позицию. Ждут не то меня, не то колбасу — не знаю, у меня еще нет достаточной информации.

— Запах, — несмело сказал Володя. — Телеодорация эта самая...

Резницкий быстро замахал на Володю руками, будто отгоняя пчелу.

— Да бросьте вы эти словечки! Телепатия, телеодорация и прочие явления дальней биологической связи — всего лишь частные случаи. Все это жалкие обрывки того мощного канала информации, которым, очевидно, неплохо умеют пользоваться Диана и Спутник.

Володя чувствовал себя бесконечно усталым — не от полета, а от той атмосферы высокого давления, которой можно было уподобить его разговор с биофизиком во время рейса. У него даже затылок болел. Тут на выручку подоспел Новиков.

— Извините, Сергей Сергеич, — сказал он. — Заостровцеву надо срочно предстать перед руководителем практики.

Тут и Резницкий спохватился:

— Ай-яй, как бы на транспортере мою аппаратуру не перекантовали! — Он рысцой побежал к грузовым лифтам, на ходу обернулся, крикнул: — Вечером загляните ко мне в девятнадцатую!

Володя, запинаясь, изложил руководителю практики вполне правдоподобную версию относительно своего опоздания, придуманную Новиковым.

— Жаль, жаль, Заостровцев, — пробасил руководитель, не глядя на Володю и водя пальцем по списку практикантов. — Были вы у меня на хорошем счету. Хотел я вас включить в танкерный рейс к Юпитеру, а теперь, само собой, придется заменить... — И он, водя пальцем по списку, забормотал: — Заремба, Зимников, Зикмунд...

Володя, ошеломленно моргая, смотрел на ползущий по списку палец, в котором, казалось, сосредоточились все беды последнего времени — коварство Тоси, неудачи с анализатором, странное происшествие по дороге в космопорт, биофизическое невежество, выявленное Резницким...

— Платон Иванович, — осторожно напомнил Новиков. — мы с Заостровцевым тренировались в паре, хорошо сработались...

— Верно, — согласился руководитель. — А я и вас заменю. — Палец его устремился вниз по списку. — Новосокольцев, Нордман...

Тут они взмолились оба — Заостровцев и Новиков. Перебивая друг друга, они ссылались на достоинства своих

вестибулярных аппаратов, на качество психотехнических тестов и даже на поперечное сечение мышц. Они взывали к человеколюбию руководителя. И руководитель сдался. Он покачал головой и убрал палец со списка.

— Ладно, — прогудел он. — Разыщите Радия Петровича Шевелева, командира космотанкера «Апшерон», поступите в его распоряжение. Рейс будет зачетным. — Он сунул список в карман, грозно добавил: — И учтите: то, что вам сходило у меня, у Шевелева не сойдет.

Вечером они протиснулись в тесную каютку Резницкого.

— Очень рад, — сказал биофизик. — Вы сумеете поместиться на этом сиденьи? Ну и прекрасно. — Он спрятал в ящик стола катушки пленки, а из другого ящика вынул пакет с бананами. — Угощайтесь.

— Володя говорит, вы осмеяли наш анализатор, — сказал Новиков, быстро счищая с бананов кожуру.

— Володя говорит неправильно, — ответил Резницкий. — Я не осмеял. Просто не вижу смысла в таком приборе. Ваша затея напоминает мне эпизод из одной книги. Жаль, нет ее под рукой. В общем, один тип рисуется перед дамой, хочет показать образованность, и между прочим заявляет: в коже у человека есть микроскопические железки с электрическими токами. Если вы встретитесь с особью, чьи токи параллельны вашим, то вот вам и любовь. Что-то в этом роде.

— Здóрово! — Новиков засмеялся.

— А что за книга? — спросил Володя.

— Это у Чехова. В сущности, вы делаете то же самое — только кожно-гальванический рефлекс заменили современными микромодулями.

— А по-моему, — сказал Володя, — прибор все-таки не лишен смысла.

— Приборы, приборы...—Резницкий горько усмехнулся.— Человек, окружив себя куполом техносферы, сам отдалил себя от природы. Не потому ли природа не желает отдать ему те инстинктивные знания, которыми так щедро одарила низшие существа? Вернуть надо утраченные инстинкты, вот что скажу я вам.

— Все-таки, — возразил Володя, — странно вы говорите, Сергей Сергеич. Без этой самой техносферы человек беззащитен перед природой. Ваш возврат к природе — это что же... конец цивилизации?

Резницкий поморщился.

— Только не надо меня пугать, — мягко попросил он. — Договоримся сразу, что цивилизация — процесс необратимый. Я говорю всего лишь об одном из ее направлений. Благоустраивая планету, создавая наилучшие условия для духовной и физической жизни, человечество не заботилось и не заботится о сохранении некоторых инстинктов. Чрезвычайно важных инстинктов. Мы перестаем доверять самим себе. К чему, когда есть приборы? — Резницкий навел на Володю обличительный палец. — Да что далеко ходить. Вот вы затеяли приборчик, которому хотите передоверить одну из величайших, истинно человеческих эмоций. Вы хотите взвесить, измерить и препарировать саму любовь!

Он даже задохнулся от негодования.

— Может, вы и правы, Сергей Сергеич, но ведь человеческий мозг в роли анализатора эмоций не очень-то надежная штука. Сколько ошибок, сколько несчастных любовей...

— Да пусть ошибаются! — вскричал Резницкий. — Оставьте роду человеческому хоть это! Что это, к дьяволу, за жизнь без единой ошибки, вроде ответа первого ученика! Вы докатитесь до того, что предоставите приборам определять, где добро и где зло. Без позволения прибора вы пальцем не шевельнете для спасения погибающего!

— Ну, это уж слишком, Сергей Сергеич, — сказал Новиков.

— Пожалуй, — согласился Резницкий. — Я сознательно преувеличиваю, чтобы вы поняли, к чему можно прийти, если не спохватиться вовремя.

Он потянулся к панели над столом, ткнул пальцем в одну кнопку, в другую — высветился экран, на нем возник безрадостный лунный ландшафт. Потом на экране поплыли коридоры и отсеки лунного городка — мастерские, обсерватория, пустой салон, по которому слонялся робот-пылесос, затем возник склад, забитый ящиками, и тут Резницкий остановил изображение.

Новиков невольно усмехнулся, глядя, как он манипулирует рукоятками и разглядывает ящики со всех сторон.

— Куда они задевали девятый? — бормотал Резницкий. — Тысячу раз им говорил... Ах, вот он!

— Сергей Сергеич, — сказал Новиков, когда биофизик выключил экран. — Ну хорошо, человечество что-то там потеряло по дороге. Скажем, умение находить след по запаху. Но зато оно приобрело кучу новых инстинктов.

Теперь палец Резницкого устремился на Новикова.

— Правильно! Управление механизмами стало почти инстинктивным. Мы, не задумываясь, оперируем кнопками и педалями, которые стали продолжением наших рук и ног. Отлично! Но мы расплачиваемся за это потерей полезных природных инстинктов. Вот вы упомянули запах. Мы с вами различаем только самые резкие, сильные запахи. А для собаки окружающий мир — это прежде всего запахи. Приходилось вам видеть, как заболевшая собака плетется в поле и безошибочно выбирает нужную лекарственную траву? Снабдите таким обонянием химика — как упростит это его работу, сколько приборов он вышвырнет на свалку за ненадобностью! Мы забыли про свои природные анализаторы, разучились ими пользоваться. Включать их и выключать по-своему...

Резницкий внезапно оборвал тираду и посмотрел на Володю.

Володя сидел в странной позе — он сильно нагнулся, упер локти в колени и обхватил ладонями голову.

Резницкий взял его за руку, тихонько отвел ее от головы, нащупал пульс. Володя выпрямился, глубоко вздохнул. Увидев перед собой взволнованные лица, он слабо улыбнулся.

— Что с тобой? — сказал Новиков. — Переутомился, что ли?

— Не знаю... Да, наверно... — Володя покрутил головой и решительно встал. — Да ничего, все в порядке, — сказал он.

— Переволновался, — авторитетно заключил Новиков. — Больше не будешь опаздывать. Ну, пошли спать.

— Надо еще место найти, — сказал Володя. — Сегодня все каюты забиты. Кончится когда-нибудь жилищный кризис на Луне?

— Вы, я слышал, летите с Шевелевым к Юпитеру?—спросил Резницкий.

— Да, танкерный рейсик, — небрежно ответил Новиков.— Зачетный. Сергей Сергеич, а что за ящики у вас?

— Для экспедиции Чернышева. Аппаратура для исследования биосферы населенных планет. Если таковые окажутся.

— Первая звездная, — со вздохом сказал Володя. — Завидую вам, Сергей Сергеич.

— Можете не завидовать, я не лечу, — сухо сказал Резницкий. — Земные дела — как гири на ногах.

— Чернышеву завидую, — медленно сказал Новиков.

— Земные дела... — повторил Резницкий. — Кстати, он только недавно женился, Федя Чернышев.

— Знаю, — сказал Новиков. — Пошли, Володя. Покойной ночи, Сергей Сергеевич.

Они молча шли по коридору, думая каждый о своем. Тут по всему городку разлился пронзительный звон. Щелкнуло в динамиках общего оповещания. Раскатистый голос возвестил:

— Внимание! Выход на поверхность запр-рещен! Всем р-работающим на поверхности — ср-рочно в помещения! Солнечная хр-ромосферная вспышка, восемь минут, готовность ноль! Повторяю, всем р-работающим на поверхности...

Динамики грохотали, многократно отражаясь от коридорных стен. Зашипели двери шлюзовых камер. Гул голосов, быстрый топот ног...

Володя остановился, схватил Новикова за локоть.

— Ну, что? — спросил тот. — Долго будешь стоять?

Володя молча двинулся дальше, но теперь Новиков остановил его:

— Ты какой-то растерянный. Что с тобой происходит?

— Не знаю, — сказал Володя. — Да нет, ничего.

На этот раз условное утро лунного расписания совпало с настоящим. Успокоившееся Солнце желтым диском стояло в черном небе. Спокойно горели крупные звезды. Белый вымпел на мачте противометеоритной службы обещал на ближайшие двое «суток» полную безопасность.

Радий Петрович Шевелев вышел из главного шлюза со своим экипажем — Новиковым и Заостровцевым. Решили пешочком пройтись «по хорошей погоде» до космодрома, чтобы там начать подготовку танкера к рейсу.

Новиков более плыл, чем шел: отталкивался от ноздреватой лунной почвы, плавно перелетал через какой-нибудь камень, мягко опускался, снова отталкивался.

Володя передвигался мелкими скачками. Мысли его были невеселыми. То, что случилось с ним по дороге в космопорт, и вчерашнее происшествие — пугали его. Странно: сидел у Резницкого, нормально разговаривал — и вдруг накатилось что-то, сдавило горло, просверлило мозг. Какое-то нервное расстройство, а теперь еще и страх... Страх перед непонятным в самом себе... К врачу нельзя. Сразу отставит от полетов. Рассказать Алеше? Но тут и слов не найдешь, чтобы объяснить...

А вокруг шла будничная жизнь. Из шлюза хозяйственного отсека повар выволок огромный бак, поднял его без особых

усилий и поставил под прозрачный антирадиационный навес. Это придумал кто-то из селенитов, как называли себя жители городка: варить компот в вакууме на раскаленной лунной почве. Низкая температура кипения способствовала лучшему экстрагированию. Вакуумный компот был на редкость вкусен, и пока шел двухнедельный лунный день его варили неукоснительно.

Вдоль склона кратера Эратосфена полз тяжелый вездеход с буровой вышкой: где-то собирались бурить на воду.

Вздымая пыльные вихри, прошла колонна оранжевых трейлеров международной стройки. Они везли оборудование на строительство экваториальных шахт. Полторы сотни наклонных колодцев должны были в не очень отдаленном будущем принять термоядерные заряды. Тогда люди на время покинут Луну. Беззвучно грохнет залп из полутораста шахтных стволов, разгоняя вращение Луны — чтобы уравнять земные и лунные сутки и уменьшить резкие перепады температуры поверхности, доходящие до трехсот градусов, чтобы лунный климат стал мягче...

Пешеходов обогнала машина с белой полосой на борту. Из люка высунулся человек, присмотрелся к опознаватель-

ному номеру на скафандре Шевелева и крикнул так, что в шлемофонах задребезжало:

— Доброе утро, учитель! Что — молодых выводите?

Это был Федор Чернышев, командир Первой звездной.

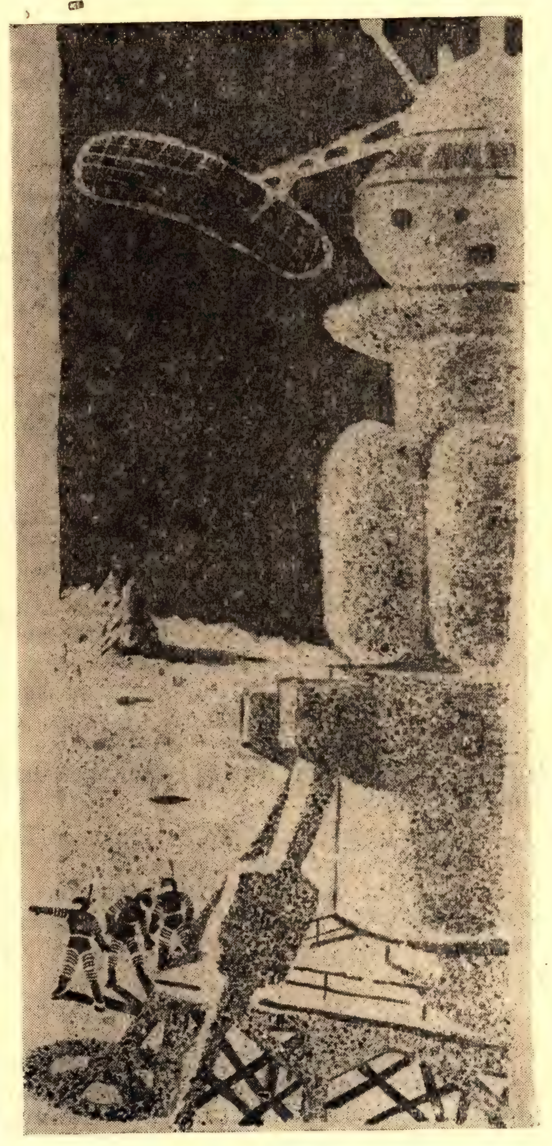
Он остановил вездеход. За щитком гермошлема его широкое, бровастое лицо расплылось в улыбке. Улыбка была непростая, многослойная: было в ней и почтение к учителю, и невольный оттенок торжества («обогнал я вас, Радий Петрович»), и нечто покровительственно дружелюбное, адресованное молодым.

— Залезайте, места хватит, — сказал командир Первой звездной.

Молодые протиснулись на задние сиденья, а Радий Петрович уселся рядом с Чернышевым.

— Ну-ну,—усмехнулся он, — посмотрим, как ты баранку крутишь.

— Баранку?—удивился Чернышев, трогая вездеход с места.

— Был когда-то такой прибор управления. Вроде бублика. Взял бы ты меня, Федя, с собой. Ну, хоть этим... от тамошнего населения имущество сторожить.

Чернышев вкусно захохотал.

— Что поделаешь, Радий Петрович, на одном корабле двум командирам тесновато. Клянусь кольцами Сатурна, не хотел я лезть в пекло поперед батьки, да так уж Совет решил. — Он опять хохотнул. — Начальство, ничего не поделаешь.

— При прочих равных, — тягучим голосом сказал Шевелев, явно подражая кому-то, — Совет отдает предпочтение младшему. Ладно, лети, — оборвал он самого себя. — Я, по правде, в СВП не очень-то. Мудреная система, не для меня.

— Ох, скажу я вам, Радий Петрович, СВП — это... слов не нахожу. Сказка!

— Синхронизатор Времени-Пространства, — задумчиво произнес Радий Петрович.—Для женатых, конечно, хорошо: быстро обернешься туда-обратно. Молодая жена, а не старая бабка встретит.

— А я бы иначе и не полетел! — тут Чернышев взорвался таким смехом, что вездеход рыскнул в сторону и чуть не наехал на сантехника Севастьяна, который возился со своими баллонами на краю взлетной площадки.

Возле космотанкера Чернышев высадил пассажиров, помахал рукой и повел вездеход дальше — туда, где на недалеком лунном горизонте высился гигантский конус СВП.

Радий Петрович обвел взглядом свой экипаж.

— Так вот, — сказал он другим, служебным голосом. — Перед вами космотанкер «Апшерон» системы Т-2, четвертой серии. Специфика: наличие наружных контейнерных поясов, предназначенных...

— Мы проходили Т-2, — сказал Новиков, глядя на далекий корабль Чернышева.

— Иначе бы вы не находились здесь, — отрезал Шевелев. — Прошу не перебивать. Назначение контейнерных поясов...

5.

Радий Петрович шевельнулся в кресле и, еще окончательно не очнувшись от забытья, понял, что перегрузка кончилась и автомат включил искусственную тяжесть. И еще ка-

ким-то особым командирским чутьем он догадался, что все на корабле в порядке.

Приборы работали.

Рядом с красной программной кривой на мнемосхеме появилась золотистая фактическая. Они шли рядом, переплетаясь.

Да не приснилось ли ему то, что было? Нет, не приснилось: кривая истинного курса шла не от старта. Она появилась недавно. Возмущение Ю-поля «отпустило» приборы, включилась система ориентации, и теперь командир знал свое место в Пространстве. Все в порядке.

Он посмотрел на молодых. Они спали.

Радий Петрович привык смотреть на молодых людей с точки зрения их пригодности к космоплаванию. Судил придирчиво, в характеристиках был сдержан. Полагал, что нажимать кнопки, побуждая автоматы к действию, сумеет каждый. Потому и ценил превыше всего в молодых космонавтах спокойствие, собранность и — в глубине души — физическую силу и стать.

Эти двое там, на Луне, не очень ему понравились. Внешность у Новикова, верно, была неплоха; однако, парень показался ему излишне бойким и несколько дерзостным в разговоре. Заостровцев тоже был не хлипок сложением, но выглядел пришибленным, неуклюжим. Меньше всего нравились командиру его растерянные глаза. Теперь, после того, что случилось, он смотрел на них по-другому. На своем межпланетном веку Радию Петровичу доводилось видеть немало всякой невидальщины. Никогда не забыть ему ревущих призраков Нептуна; там, в пустоте, где никакого звука быть не может, от этого раздирающего рева сдавали нервы у самых закаленных разведчиков космоса. Помнил он дикую гонку: корабль уходил от неожиданного потока сверхбыстрых метеоритов на таком режиме, когда отражатели не справлялись с потоком фотонов и аннигиляция вот-вот могла прорвать защиту и превратить корабль с его экипажем в свет. Помнил нападение металлоядных бактерий на корабль у берегов свинцового озера в Стране Персефоны на Меркурии. Да мало ли что могло приключиться за полтора десятка лет с человеком в космосе!

Но чтобы человек без приборов сориентировался в Пространстве — такого не было. **Такого не могло быть.**

Радий Петрович подошел к спящему Заостровцеву, всмотрелся в его лицо. Обыкновенное лицо — худощавое, небритое,

россыпь веснушек вокруг носа. Что за непонятная, нечеловеческая сила в этом неуклюжем парне?

Он перевел взгляд на Новикова. Крутой лоб, четкий рисунок подбородка — с виду этому больше пристало бы... что?.. Способность творить чудеса?

Разбудить их, расспросить толком... Странная, непривычная робость овладела командиром.

Радий Петрович провел ладонью по щеке, затем, повинуясь мгновенному импульсу, прошел в туалетную и уткнул лицо в эластичную подкову биовибратора. Бритье-массаж освежили его. Он вернулся к пульту и услышал хорошо знакомое трезвучие радиовызова и вслед за ним низкий неспокойный голос женщины: «Танкер «Апшерон»! Танкер «Апшерон»! Здесь — ССМП. Почему не отвечаете Луне-два? Луна-два вас не слышит. Танкер «Апшерон»!..

Вот как, дело уже дошло до Службы Состояния Межпланетного Пространства! Видно, связисты Луны отчаялись отыскать их, забили тревогу, и теперь за дело взялась самая мощная радиостанция Земли. Командир включил сигнал ответа, быстро заговорил:

— Земля, здесь — «Апшерон», вас слышу!

Теперь — ждать. Ждать, пока эти слова дойдут до далекой Земли. И он напряженно ждал, не сводя глаз с желтой решетки динамика.

Наконец обрадованно зазвенел женский голос:

— Слышу! Командир Шевелев, вас слышу! Сообщите состояние экипажа!

Радий Петрович откашлялся. Надо покороче, не стоит пока вдаваться в подробности.

— Корабль и экипаж в порядке, — сказал он. — Контейнеры взять не удалось. Энерговспышка Красного Пятна...

И тут произошло нечто невообразимо-недопустимое. Командира толкнули в плечо. Бортинженер Заостровцев, неожиданно проснувшись, отжал командира от микрофонной сетки и закричал в нее:

— Тося, что ты? Тося, ты меня слышишь?

Командир оторопело уставился на Володю. Случай был настолько дикий, что он просто не знал, как реагировать. Из динамика посыпалась радостная скороговорка:

— Ой, Володя, я так беспокоилась, прямо не могу! Почему ты не... Ты меня слышишь, Володя?

Вот-вот состоялся бы обычный идиотский разговор, когда дают считанные минуты связи, а их тратят на выяснение воп-

роса — кто кого как слышит. Но идиотский разговор не состоялся. На далекой Земле Тося услышала голос командира Шевелева:

— На место, Заостровцев! — И после короткой паузы: — Повторяю: непредвиденная энерговспышка уничтожила контейнерный поезд. Был вынужден стартовать до срока. Сообщите Луне — задержать отправку очередного танкера.

Снова потекли минуты напряженного ожидания.

— Вас поняла, — ответила Тося. И неофициальным тоном добавила: — Радий Петрович, что все-таки случилось? Тут очень волнуются...

Что все-таки случилось, подумал командир. Хотел бы я знать, что все-таки случилось... Он сказал:

— Корабль длительное время находился в сложных условиях... в условиях отсутствия ориентации. Подробнее сейчас не могу.

Радий Петрович выключился. Он посмотрел на бортинженера взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Вы, Заостровцев, — начал он тоном, соответствующим взгляду. И вдруг, неожиданно для самого себя, закончил: — Вы, кажется, о чем-то хотели поговорить с оператором ССМП? — И повернулся в кресле, уступая место Володе.

Теперь, когда «Апшерон», ведомый автопеленгатором, шел по нормальной трассе, молчание стало невыносимым. Командир молчал, потому что не знал, как начать разговор об этом, говорить же о другом было просто невозможно. Новиков молчал... кто его знает, почему молчал Новиков? Он щелкал клавишами, задавая вычислителю ненужные задачи. Откинул зачем-то крышку блока программирования и разглядывал пестрые потроха. Он был необычно суетлив и явно не находил себе занятия.

Володя Заостровцев молчал, потому что в человеческом словаре не было слов, которые могли бы выразить то, что с ним произошло. Но в то же время он понимал, что от него ждут каких-то объяснений. Он перебирал в памяти события последних недель, но сцепить одно с другим ему не удавалось. Сплошная стохастика... Пестрая вереница обрывочных картин, и среди них — тьфу, пропасть! — ярче всего — лунные псы Диана и Спутник, прыгающие вокруг Резницкого. И еще, как бы со стороны, он видел самого себя на зеленой тропин-

ке — той тропинке, где он беспомощно топтался, не в силах перешагнуть... что перешагнуть?..

Положение хуже собачьего, подумал он с отвращением: та понимает, только сказать не может. А я — ни понять, ни сказать...

Новиков ожесточенно поскреб затылок и прервал затянувшееся молчание:

— Я знал одного парня — он помнил наизусть первые пять листов девятизначной таблицы логарифмов.

— К чему вы это? — сказал командир и, не дожидаясь ответа, обратился к Володе: — Как вы сориентировались, Заостровцев?

Володя ответил не сразу. Он медленно шевелил пальцами, и Радий Петрович с интересом смотрел на эти пальцы, будто ожидая от них чего-то.

— Ну вот, — неуверенно начал Володя. — Знаете, бывает, что идешь в темноте... и вдруг чувствуешь, что впереди, очень близко, стена... Что-то срабатывает внутри — и останавливаешься...

— За исключением тех случаев, когда расшибаешь лоб, — вставил Новиков.

Командир махнул на него рукой.

— Дальше, Заостровцев, — попросил он.

— Стены... — Володя говорил словно в полусне. — Только не прямые... и движутся... Давят... душат... А я ищу, где проход. Сам не знаю как...

— Ну и ну, — сказал командир. — Если бы лично не видел — ни за что бы не поверил. Откуда у вас такое... нечеловеческое чутье?

— Действительно, — сказал Новиков. — Вроде рыбы в электрическом поле. Или птицы в магнитном.

Володя испуганно уставился на него:

— Ты... на самом деле думаешь, что у меня развилось это... рыбье или птичье?

Новиков пожал плечами.

6.

Неудачный рейс был подвергнут всестороннему обсуждению, в котором участвовали космонавигаторы, астрофизики и специалисты по приборам. Ввиду того, что район Юпитера, ранее относившийся к шестой категории, проявил непредусмотренную опасную активность, было решено перечислить

его в восьмую категорию, а также оборудовать Ио, Каллисто и Ганимед новейшими регистрирующими приборами высокой защиты и поставить дополнительные исследовательские работы. Кое-кто высказался за разработку системы беспилотных рейсов к Юпитеру непосредственно с Луны.

Решение было обстоятельное. Лишь одного не хватало в нем — анализа бесприборной космонавигации, осуществленной практикантом Заостровцевым В. М. в условиях суммарных полей высокой напряженности. Так следовало бы записать это.

Это не было записано по той простой причине, что командир «Апшерона» умолчал о случившемся.

Незадолго до посадки Володя попросил его ничего никому не рассказывать. «Почему?» — удивился командир. «Я бы хотел сначала сам во всем разобраться», — сказал Володя. Командир подумал, что Володя имеет на это полное право. «Хорошо, — сказал он. — Но если вам потребуется засвидетельствовать то, что произошло, я охотно это сделаю».

— Временно вышли из строя внешние датчики приборов, — коротко доложил Радий Петрович на обсуждении. — Выбрались по чистой случайности. Должен особо отметить выдержку и хорошую профессиональную подготовку практикантов Заостровцева и Новикова.

Подробностей у него не выпытывали. Давно прошли времена, когда в подобных случаях назначались комиссии, проводились дотошные расследования, составлялись пухлые акты. Давно уже медицина научно обосновала недопустимость лишних расспросов людей, нервная система которых подвергалась угнетающему воздействию, — тем более это относилось к межпланетникам, возвращающимся из тяжелых рейсов. Достаточно того, что они сочтут нужным доложить.

Правда, кое-кто был удивлен. Командира Шевелева знали как человека крайне скупого на положительные характеристики. Никто не помнил случая, чтобы он в такой превосходной степени отрекомендовал необлетанных новичков.

Новикову и Заостровцеву было объявлено, что рейс зачтен и отныне они допущены к космоплаванию в пределах Системы. Сам Платон Иванович привинтил к их курткам значки космонавтов.

— Ох, и тряхануло нас возле Юпика, — рассказывал Новиков в салоне, потягивая терпкий пахучий витакол. — Думал — прощай, дорогая!

И практиканты, еще не сдавшие зачетных рейсов, слушали его со вниманием. Они завидовали его удачливости и дерзкой фамильярности, с которой он отзывался о Юпитере.

Пассажиры высыпали из рейсового и направились к вертолетной стоянке. Хорошо было дышать не спецсмесью из дыхательного аппарата, а чистым, привольным земным воздухом. Хорошо было идти не по изрезанной трещинами лунной почве, а по зеленой траве, по земле, по Земле.

У вертолета Радий Петрович крепко пожал руки Заостровцеву и Новикову. Здесь, в обычной куртке, без скафандра, командир «Апшерона» выглядел очень земным, быть может — чуточку постаревшим. В его жестком, задубевшем от космических перегрузок лице появилось нечто от старшего брата — доброго старшего брата.

— Запишите номер моего видеофона, ребята, — сказал он. — Буду рад вас видеть.

Володя сел в вертолет с Новиковым и Резницким. Не успела, однако, машина взлететь, как он попросил Новикова спуститься.

— Что еще за причуда? — проворчал Новиков. — Что ты там потерял?

— Приземлись, — сказал Володя. — Видишь справа тропинку? Вот там.

Резницкий и Новиков были единственными людьми, которым он рассказал обо всем, в том числе и об этой тропинке. И теперь они поняли Володю.

Вертолет сел. Володя пошел по тропинке — вначале быстро, а потом все более замедляя шаг. Новиков и Резницкий молча следовали за ним.

Впереди было разрыто. Поперек тропинки, вправо и влево от нее желтели кучи вынутого грунта. Трое подошли к траншее, заглянули. Там копошились, выбрасывая песок, землеройные кроты-автоматы.

— Энергонный кабель, — тихо сказал Резницкий. — Наверно, будут ремонтировать. Или укладывать новый.

Володя обернулся к нему, посмотрел широко раскрытыми глазами.

— Энергонный кабель, — сказал он. И вдруг засмеялся.

Отдых космонавта должен быть контрастным. Каждое утро Новиков тащил Володю к морю. Они плавали, прыгали в воду на пристежных крыльях, ходили под парусом.

Но с каждым днем Новикову приходилось все труднее. Володя упирался, ни за что не желал покидать свою комнату.

Он чувствовал, как обострилось в нем то, непонятное. Казалось, что кабели, провода, беспроводные линии энергопередач — все, что густо оплетает человеческое жилье, — кричало ему в ухо, в мозг: «Я здесь!.. Мы здесь!..» Он вздрагивал, когда щелкали обыкновенным выключателем. Невинная магнитная подвеска для мыла била по нервам. Проходя по улицам города, по парку, он вдруг начинал ощущать каменную тяжесть в ногах — будто его притягивали подземные сгустки металлических руд. Или неожиданно являлось ощущение текучей воды...

Ему было страшно. Страшно от сознания, что он перестал быть нормальным. Он читал — еще в детстве, — что были когда-то, в средние века, ведуны, рудознатцы, искатели воды. Их услугами пользовались, но жизнь они кончали в тюрьмах и на кострах. Было ли у них то же, что теперь возникло у него? Ах, если бы кто-нибудь из них поднялся из глубины веков, чтобы можно было его расспросить...

Он сторонился людей. Наотрез отказался от встреч с Резницким: знал, что тот потащит его на исследование, душу вымотает учеными разговорами...

Тося? Она много раз вызывала его по видеофону. Он не отвечал на вызовы. Зачем он ей нужен такой... ненормальный дивергентный... Она может только пожалеть. А сама испытает... гадливость, брезгливость? Нет, не то. Ну, испытает неприятное чувство, какое порождает отклонение от нормы. Шестопалость, например... Человеку не полагается быть ведуном, ясновидцем...

Он не хотел ее жалости.

Остаться одному. Совершенно одному...

Бежать? Уйти от людей?

Да, остается только это...

7.

В этот день районная метеослужба по просьбе любителей старинного спорта проводила грибной дождь. Лес, при-

мыкавший к городку, был невелик, и поэтому дождь краешком прихватывал корпуса Учебного центра. Цветные фрески из истории завоевания космоса на стенах домов посуровели и резче обозначились под дождем. Мальчишки, радостно гогоча, бегали босиком по теплым лужам.

Новиков с завистью смотрел на них из окна своей комнаты. Может, присоединиться к ним? — думал он. Нет, неудобно все-таки. Кто-нибудь увидит из окна, скажет: «А еще космонавт!» Какой-нибудь педант типа Резницкого. Он со вздохом отошел от окна, сорвал со стены гитару и повалился в качалку. Пальцы ударили по струнам, и Новиков в полный голос запел песню тех недавних времен, когда не было не только кораблей-СВП, но и фотонных:

Оборотный воздух для дыханья,
Для питья — возвратная вода,
И хлорелла — чертово созданье —
Наша межпланетная еда!

От яростных аккордов дребезжали стекла. Новиков заорал припев:

Хлорелла, хлорелла, хлорелла,
Куда мне уйти от тебя...

Тут он умолк: в открытых дверях стоял Резницкий. Штаны биофизика были засучены до колен, туфли он держал в руке.

— Прекрасный дождь, — сказал Резницкий высоким голосом. — Ничего, если я у вас немножко наслежу?

— Да сколько угодно! — Новиков сорвался с места. — Садитесь в качалку, Сергей Сергеич!

Резницкий оглядел стены, размашисто расписанные древними знаками зодиака вперемежку с многочисленными профилями одной и той же женской головки.

— У вас очень мило, — сказал он. — А я, знаете, с удовольствием прошелся босиком. Древний инстинкт человека...

«Инстинкты, инстинкты, инстинкты», — мысленно пропел Новиков на мотив «Хлореллы».

— Вот что, Алексей, — заговорил Резницкий, пришлепывая босыми ногами по натекшим лужицам. — Я считаю, что ваш друг достаточно отдохнул. Пора взяться за работу.

— За какую работу?

— Его состояние требует серьезного исследования.

— Вряд ли он согласится.

— Почему? — удивился Резницкий.

— Тяготит его эта история, Сергей Сергеич. Знаете, что он

мне сказал? Хочу, говорит, быть нормальным человеком, а не ведуном каким-то... Приемником информации...

Резницкий схватился за голову, закричал:

— Как он не понимает! То, что с ним происходит — это и есть истинно человеческое!

— Попробуйте объяснить ему, — хмуро сказал Новиков.

— И объясню! Мы без конца исследуем ориентационные способности животных, ломаем себе голову над их бионическим моделированием, обрастаем горами приборов — один сложнее другого. И мы забыли, черт вас всех побери, что мы *тоже живые*! Человек не рождается с термометром под мышкой! Термометр сидит в нем внутри, как и многое другое. Приходилось вам видеть змею?

— Змею? — ошалело переспросил Новиков.

— Да, змею, — ту самую, которая в древности была символом мудрости. Так вот, змея ощущает изменение температуры на одну тысячную градуса, это известно давным-давно. Есть бабочки, которые воспринимают одну молекулу пахучего вещества на кубометр воздуха. Одну молекулу! Но человек был всем — и рыбой и птицей, он и сейчас проходит все эти стадии в эмбриональном развитии. А родившись, немедленно хватается за приборы...

— Позвольте, Сергей Сергеич...

— Не позволю! — Резницкий угрожающе помахал мокрой туфлей. — Мы носим в себе великолепный природный аппарат для восприятия широчайшей информации об окружающем мире — и сами же глушим его, ибо то, чем не пользуются, — атрофируется...

У него не хватило дыхания. Новиков немедленно воспользовался паузой:

— Разрешите мне все-таки сказать. Может, вы и правы насчет инстинктов. Но как понимать то, что творится с Володей? Истинно человеческое, вы говорите? Значит, по вашему мнению, у Заостровцева всего лишь пробудился инстинкт ориентации в пространстве, который дремлет у нас в подкорке? То, что изначально связывает человека с его предшественниками на Земле, со всякими там рыбами и змеями?

— Видите ли, Алеша, если взять суммарное воздействие магнитного и гравитационного полей...

— Не согласен! Простите, Сергей Сергеич, я не согласен. Наденьте на птицу скафандр и забросьте ее в космос. Ни черта не сориентируется она, скажем, в Ю-поле.

— Конечно, в условиях, не похожих на земные...

— Значит, инстинкт тут ни при чем! Здесь что-то новое. Качественно новое. — Новиков усмехнулся. — Вы провозглашаете анафему приборам, а ведь то, что случилось с Володей — результат воздействия прибора. Надо уж признаться, Сергей Сергеич: прибор-то основан на схеме из вашей последней статьи...

— Я это заметил, — сказал Резницкий, задумчиво глядя на Новикова. — Из моей схемы и вашей отсебятины получился удивительный биогенератор. Как эта штука работает, я пока представляю себе весьма смутно. А вот результат налицо — Заостровцев.

— Почему же со мной ничего не произошло?

— Откуда я знаю? Очевидно, сказались индивидуальные особенности. Кроме того, я не уверен, что с вами завтра или через неделю не произойдет чего-нибудь экстраординарного.

— Вы так думаете? — Новиков обеспокоенно уставился на биофизика.

— Да не в этом дело. Необычайно важен сам факт... Трансцензус! — Резницкий вскочил, забегал по комнате. — Именно трансцензус! Переход границы, считавшийся недозволенным... Новый этап познания, качественный скачок в развитии человека. Ай-яй-яй! Вы не можете понять всей грандиозности... впрочем, и я не могу охватить в полной мере...

— Нужно ли это, Сергей Сергеич?

Резницкий круто повернулся, стал перед Новиковым, недоуменно помигал.

— Что нужно?

— Ну, этот ваш трансцензус. Все-таки удобнее и проще пользоваться приборами, чем...

— Да, да, понятно, — быстро сказал Резницкий. — Человечество не вправе по собственному усмотрению менять само себя — вы имеете в виду это? Тут мы не найдем общего языка.

— Я имею в виду... Извините, Сергей Сергеич, я думаю сейчас не о человечестве. Я очень боюсь за Володю.

Биофизик опять зашагал по комнате.

— В одном я уверен, — сказал он после долгого молчания: — Емкость человеческого мозга вместит такой поток информации.

Он сказал это твердо, но вид у него был немного растерянный — так по крайней мере показалось Новикову.

— Идемте к нему. — Резницкий направился к двери.

— Погодите, Сергей Сергеич. По-моему, вам надо обуться.

— Ах да, — сказал биофизик.

Они спустились этажом ниже. Володи дома не оказалось. Они засели в его комнате и взялись за видеофон. Они обзвонили библиотеки, лаборатории и вообще все места, где мог бы находиться Володя. И отовсюду отвечали: «Нет, не был».

— А может, он у той девушки, — начал Резницкий, — из-за которой...

— Исключено, — сказал Новиков. — Впрочем, на всякий случай.

На экране появилась верхняя половина Тосиного лица — видно, она вплотную подошла к аппарату.

— Не был, — сказала она.

Экран сразу потух.

Они просидели до поздней ночи. Беспокойство переходило в тревогу.

— Что-то они сегодня затянули дождь, — сказала Тося.

— Что? — спросил Володя.

Она пристально посмотрела на его каменное лицо.

— Мне кажется, ты все время к чему-то прислушиваешься. И совсем не слышишь меня.

— Да нет, я слышу. Ты сказала про дождь...

Тося прошлась по беседке, в которую их загнал ливень. Подставила ладонь струйке, стекающей с крыши.

— Володя, почему ты избегаешь меня? Я ужасно волновалась, когда вы там, у Юпитера, молчали так долго.

Володя не ответил.

— Конечно, если ты больше веришь тому дурацкому прибору... — В ее низком голосе прозвучала обида. — Мало ли что я думаю, я вообще очень быстро думаю, если вчера было одно, то сегодня другое... Вообще, по-моему, ты от этого прибора сам не свой. Слышишь, что я говорю?

Володя вскинул на нее глаза. Лицо его ожило.

— Тося, — сказал он тихо, — ты сама не знаешь, как ты права. Так оно и есть, я сам не свой.

Тося быстро подсела к нему, продела руку под его неподатливый локоть.

— Я должна все знать.

Это было новое в их отношениях. В ее голосе прозвучало такое, словно она заявляла на него, Володю, свое право. И еще в ее голосе была озабоченность, от которой ему вдруг стало легко. Он словно бы перешагнул мертвую точку, за которой осталось то, что затопляло мозг.

И он рассказал ей все.

Тося ни разу не перебила его. Даже когда он умолкал ненадолго. Он не смотрел ей в лицо, только чувствовал на щеке ее дыхание.

— Значит, ты можешь видеть... — она запнулась. — Видеть то, что не видят другие?

— Ты понимаешь, я не вижу. И не слышу. Только чувствую, что это у меня внутри... Вот здесь... и здесь... — Он указал на горло, на переносье. — Но чаще всего — где-то глубоко в мозгу. И я не могу от этого избавиться.

— В общем, ты видишь... ты видишь остальное.

Некоторое время они молчали. Дождь барабанил по крыше беседки, остро пахло свежестью, мокрой листвой. Сверкнула молния, фиолетовый свет на мгновение заполнил беседку. Коротко проворчал гром. Тося ойкнула, прижалась теплым плечом.

Вот так мне хорошо, думал Володя. Совсем хорошо... Нет. Она просто меня жалеет. Она понимает, что я — не как все... и жалеет. Сейчас она вскочит, поправит волосы и скажет, что сегодня бал у философов... И уйдет. Уйдет к нормальным людям.

— Все-таки, ты какой-то ненормальный, — тихонько сказала она, и Володя вздрогнул. — Я так и не поняла, почему ты прятался от меня столько времени?

Он посмотрел на нее с надеждой и радостью.

— Я боялся прийти к тебе таким... Я боялся, что сойду с ума. Ты знаешь, я хотел бежать. Куда глаза глядят. На необитаемый остров. Где нет энергоизлучений, нет реакторов, нет людей... И к тебе я пришел... просто посмотреть на тебя...

В Тосиной сумочке тоненько запищал видеофонный вызов. Она нетерпеливым движением поднесла видеофон к лицу, нажала кнопку. В зеркальце экрана возникло озабоченное лицо Новикова.

— Извини, Тося, — сказал он. — Куда-то запропастился Володя. Он не был у тебя?

— Не был, — отрезала она и выключилась. — Володя, — сказала она, глядя на него в упор, — если ты хочешь на необитаемый остров, я, конечно, с тобой поеду. Только, по-моему, нам будет хорошо и здесь. Подожди! — Она отвела его руки. — Ты говорил, что тебе не дают жить излучения. Но ведь они всюду. На необитаемом острове ты никуда не уйдешь от теллурических токов, от магнитного поля... да просто от грозы — вот как сейчас.

— Гроза? — изумился Володя.

— Ну да. У них всегда получается разряд, когда выключают дождь.

— А ведь верно, была молния! — Володя выбежал из беседки и остановился на мокрой траве, раскинув руки. — Я ее видел, понимаешь, просто видел... Значит, это можно в себе... выключать?

Тося мигом очутилась рядом.

— Вот видишь, — сказала она. — Ты должен был сразу прийти ко мне.

М. ИБРАГИМБЕКОВ

Мы так далеки от того, чтобы знать все силы природы и различные способы их действия, что было бы недостойно философа отрицать явления только потому, что они необъяснимы при современном состоянии наших знаний. Мы только обязаны исследовать явления с тем большей тщательностью, чем труднее признать их существующими.

Лаплас

Игра шла вяло. Перед каждым из игроков лежало по равной кучке разноцветных фишек, несмотря на то, что шел третий час игры. За столом сидело четыре человека, не больше и не меньше, как и полагается в классическом покере. Все четверо были пассажирами «Тускароры», трансокеанской громадины, делающей свой очередной рейс из Европы в Австралию. Познакомились они на лайнере и уже вечером того же дня засели за столик в дальнем углу малого салона, иногда равнодушно поглядывая на тени танцующих в соседнем зале.

Они не были похожи друг на друга, эти игроки. Старшему, низкого роста полному человеку в хорошо сшитом сером костюме, было лет под пятьдесят. По некоторым признакам можно было догадаться, что он бывший моряк. В пользу этого предположения говорил и «кепстен», которым он время от времени набивал трубку, и характерная походка и чисто профессиональные морские термины, иногда проскальзывающие в его речи.

Второй игрок — молодой, болезненного вида человек — испуганно смотрел себе в карты. Каждый раз, как у него складывалась удачная комбинация, пальцы его начинали нервно перебирать фишки.

— Вам надо играть в маске, — проворчал первый игрок,— Я по выражению вашего лица догадываюсь, какая у вас карта.

Сидящий слева от него игрок снисходительно улыбнулся. Он тасовал карты. По тому, как этот человек быстро раздал

карты, ловко попадая картой на карту, по его непроницаемому лицу можно было догадаться, что это настоящий игрок. Игрок, волнение которого выдается только числом выкуренных сигарет. Курил он беспрерывно, зажигая сигарету от сигареты.

Рядом с ними четвертый выглядел контрастом. Это был высокий, хорошо сложенный парень, играющий с совершенно безразличным видом. Чувствовалось, что ему и впрямь все равно, у кого окажутся в конце игры все эти фишки, под которые собраны деньги в ящик из-под сигар. Он только морщился, когда его начинали особенно старательно обкуривать дымящие соседи.

И вдруг наступило то напряжение, с которого начинается крупная игра. Три раза по кругу все игроки увеличили банк и никто не вышел из игры. После смены карт, когда моряк и парень, похожий на спортсмена, отказались от прикупа, начался тот покер, который снискал ему славу самой азартной карточной игры.

— Десять, — робко сказал худосочный молодой человек, и пальцы его дрогнули.

— Отвечаю на ваши десять и плюс двести, — сказал человек, искусно сдающий карты.

Моряк, не задумываясь, увеличил ставку еще на пятьсот.

— Уравниваю, — сказал парень, похожий на спортсмена. Он ничего не прибавил.

Еще раз все увеличили ставку. Теперь посреди стола возвышалась целая груда фишек. Это был очень большой банк.

Первым не выдержали нервы у человека с дрожащими пальцами. Он вышел из игры. За ним вышел другой, смекнувший, что у моряка и спортсмена крупная карта. Интуиция игрока его не обманула.

— Двести, — сказал моряк.

— Уравниваю, — сказал его противник.

— Прибавить к ставке не хотите? — разочарованно спросил моряк.

— Нет, — сказал спортсмен. — Что у вас?

— Каре! Четыре туза, — сказал моряк, показывая карты, и подгреб к себе груду фишек.

— У меня флешь-рояль, — спокойно сказал спортсмен и посмотрел на моряка. — Червовая флешь-рояль.

— Не может быть! — вырвалось у моряка. Он растерянно перебирал карты противника.

Это действительно была великолепная червовая флешь-рояль, пять карт подряд одной масти, от девятки до короля.

— Поразительно, — сказал побагровевший моряк. — Тридцать лет играю в покер и только второй раз вижу, чтобы каре тузов нарвалось на флешь-рояль.

Спортсмен собрал фишки и сложил их аккуратными столбиками. Теперь почти ни перед кем фишек не оставалось. Этот банк поглотил все.

Моряк не мог успокоиться.

— Почему же вы не увеличивали ставку? Я со своим дурацким каре рубился бы с вами до конца. Вы бы могли меня до нитки раздеть.

— Зачем?

— Так вы ничего в жизни не добьетесь, — строго сказал моряк. — Нельзя упускать счастливого случая. Кто его знает, когда он еще подвернется. Нельзя искушать судьбу.

Спортсмен улыбнулся. У него была хорошая детская улыбка.

— Вы, наверно, правы, — сказал он. — Я даже уверен, что так оно и есть, но я иногда изменяю этому правилу.

— Зря, — сказал моряк. — Когда-нибудь пожалеете.

Танцы в соседнем зале прекратились. Салон наполнился людьми. Стюарды разносили между столиками бутылки.

— Нет, — сказал моряк, — в такой обстановке в покер играть нельзя. На сегодня хватит.

За соседним столом вдруг пронзительно закричала женщина. Она показывала на портьеру:

— Крыса! Я видела там крысу!

Один из стюардов бросился к портьере. За ней сидел серый котенок, принадлежавший, должно быть, кому-то из корабельной прислуги.

— Боже мой, — содрогнувшись всем телом, сказала женщина. — Я подумала, что это крыса.

— На «Тускароре» крыс не бывает, — с достоинством сказал стюард.

— Меня бы только успокоило, если бы это была крыса, — проворчал моряк.

— Вы их любите? — спросил спортсмен.

— Любить — не то слово, — сказал моряк. — Просто спокойнее, когда на корабле крысы. Они поразительно чувствуют, когда кораблю угрожает беда. Ни одной на борту не найдешь!

— Странно, — сказал худосочный молодой человек. — Я

сам видел моряков, которые ненавидели крыс. Мне как-то пришлось по делам своей конторы плыть на торговом судне по Средиземному морю. Так вот, я видел, как матросы изловили четырех здоровенных крыс и посадили их в клетку на палубе. В клетку им ничего не давали...

— Кроме воды, — со знанием дела вставил моряк.

— Совершенно верно. Воду давали каждый день.

Так вот, крысы сидели каждая в своем углу и смотрели друг на друга...

— Молча смотрели друг на друга, — ехидно сказал покерист. — И долго это продолжалось?

— Несколько дней. А потом три крысы бросились на четвертую, более всех ослабевшую, и разорвали ее на части...

— Пикантное зрелище, — пробормотал покерист. — Изысканный вкус у этих матросов.

— Теперь оставалось в клетке три крысы. Три крысы сидели по углам и следили за каждым движением друг друга. Они сожрали вдвоем третью, а потом обе оставшиеся крысы побежали каждая в свой угол и уставились друг на друга...

— Уверен, что они недолго так просидели, — сказал покерист.

— Да, — сказал худосочный молодой человек. — Две крысы бросились друг на друга. — Его передернуло. — До сих пор помню, как это происходило. И самая здоровая крыса сожрала свою соседку.

— А что сделали с победительницей? — спросил молчавший до сих пор спортсмен. — Убили ее?

— Нет, — сказал худосочный молодой человек. — Ее выпустили.

— Выпустили? — удивленно воскликнули покерист и спортсмен. — Тогда для чего же?

Рассказчик хотел ответить, но его перебил моряк, с удовольствием попыхивающий во время рассказа трубкой:

— Эта крыса, отведавшая крысиного мяса и победившая трех крыс, больше не станет есть ничего, кроме крыс. Она и истребит всех крыс на том корабле. Я сам проделывал такие штуки, когда был капитаном. Крыса-крысоед — самое верное средство от крыс. Да...

— О чем только не говорят мужчины, стоит им остаться одним, — сказала за соседним столиком мужу какая-то дама. — Эти говорят о крысах.

— Это единственные известные науке существа, которые чувствуют радиоактивное излучение. Ни одно другое живот-

ное, в том числе и человек, не чувствует, что находится под облучением, а крысы сразу исчезают из тех мест, где приборами обнаружена радиация, — продолжал рассказчик. Он был явно недоволен, что моряк перебил его и не дал досказать конец истории с корабельными крысами.

— Здорово, — восхитился покерист. — Никогда не подозревал, что можно так много знать о крысах. Вы что, специально изучали это дело?

На этот раз собеседник оценил иронию и хмуро посмотрел на покериста.

Моряк отпил немного коньяка и посмотрел сквозь стакан на свет.

— Это такой же «Мартель», как я первый лорд Адмиралтейства, — сказал он. — Я сейчас припомнил поразительную историю, которая приключилась со мной...

— Это тоже связано с крысами? — вежливо спросил покерист.

— Да, именно с крысами. И если вам не интересно...

— Нет, почему же, — торопливо сказал покерист. — Я внимательно слушаю.

— Так вот... Несколько лет назад я был капитаном и владельцем... Послушайте, вам ведь не очень важно знать, как называлось судно? Ага... Я возил все, что мне предлагали, и это приносило мне столько дохода, что я частенько подумывал над тем, что неплохо было бы его немного увеличить. Такого же мнения придерживалась и моя команда. Их было восемнадцать человек, и я до сих пор удивляюсь, как они ухитрялись жить на те гроши, что получали у меня. Наверно, единственными довольными существами на корабле были крысы. Их было великое множество, этих тварей, и, судя по их поведению, они чувствовали себя хозяевами корабля. Кок работал на камбузе в сапогах, потому что какая-нибудь вконец обнаглевшая крыса могла вцепиться в ногу, матросы спускались в трюм только с палкой, а в лунные спокойные ночи крысы выходили порезвиться на палубу. Словом, хорошо жилось крысам на этой посудине.

Моряк отпил немного коньяка и, пробормотав: «Хватает же совести у людей называть это пойло коньяком», — продолжал:

— Мой приятель работал в страховой компании, и мы решили застраховать мою посудину. Ну, естественно, в компании не знали, что он мой приятель. Застраховали. Я не знаю, на какую сумму страхуют атомные подводные лодки,

наверное, на меньшую, чем застраховался я. Приятелю тоже должно было кое-что перепасть. Утром мы выходили в море, и я договорился с приятелем, что потоплю шхуну, когда до порта назначения останется миль десять. Для команды у меня на борту был вельбот. Вы, наверное, догадываетесь, что об этом знали только я и мой приятель, и не в наших интересах было, чтобы об этом узнал еще кто-нибудь. Так вот, когда я утром подошел к кораблю, я увидел такое, что у меня кровь застыла в жилах. Да и любой моряк на моем месте почувствовал бы себя не лучше. С корабля убегали крысы. Они сбегали по канатам и прыгали на причал прямо с борта. Они выбегали из всех щелей, и скоро на корабле не осталось ни одной крысы. Матросы сидели мрачные. Они сказали, что не выйдут в море, потому что с кораблем должно что-то случиться, — крысы это почувствовали. Двое матросов и боцман спустились в трюм выяснить, не началась ли течь, остальные сидели сложа руки. Я растерялся, и они это почувствовали. В море мы все-таки вышли — я их уговорил. Остальное было просто. Не стану рассказывать, как я это сделал, но шхуна пошла ко дну, а мы добрались на вельботе до берега. Ну, а потом я получил страховку... Так вот, говорят: инстинкт. Согласен, что у этих тварей срабатывает инстинкт, когда должен начаться шторм или в трюме начинает прибывать вода, о которой мы не знаем. Но о том, что судно пойдет ко дну в ту ночь, знали только я и мой приятель. Каким же образом об этом узнали крысы?

Моряк победоносно посмотрел на собеседников и отхлебнул из стакана. Все сидели молча.

— Мистика какая-то, — наконец сказал болезненный молодой человек. — Это, если хотите, даже сверхъестественно.

— Вы уверены, — вежливо улыбаясь, спросил у моряка покерист, — что эта история произошла именно так, как вы рассказали?

— Послушайте, вы, — отодвинув стакан, хмуро сказал моряк. — Мне не нравится ваш тон. Вы, видно, отвыкли от разговора с порядочными людьми.

Спортсмен положил руку на плечо вскочившего покериста.

— Тише, — сказал он, — не надо шуметь, на нас обращают внимание. Я вам верю, — обратился он к моряку. — Вы не представляете, как я вам верю. Никогда и ни во что я так не верил, как в вашу историю. Я знаю кое-что, и поэтому я вам верю. Это случилось со мной...

Покерист хотел спросить, не связано ли и то, что соби-

рается рассказать спортсмен, с крысами, но, посмотрев на его бицепсы, заметные даже под пиджаком, раздумал.

— Черт знает что, — неожиданно засмеялся спортсмен. — Хочешь вдруг рассказать вещи, которые не сказал бы самому близкому человеку... Ну, с чего же начать?

— Начинайте сразу с крыс, вы же о них, наверно, собираетесь рассказать, — не выдержал покерист.

— До крыс мы еще доберемся, — задумчиво сказал спортсмен. — Вы слышали такое имя — Санто ди Чавес? — без всякого перехода спросил он покериста.

— Слышал ли я о Чавесе? — изумился покерист. — Слышал — не то слово, я им просто оглушен. Последний раз — неделю назад. Это имя висело над стадионом, вылетев в воздух из ста тысяч глоток после третьего гола в ворота «Брокcов». Вы бы, приятель, спросили что-нибудь посложнее! О Чавесе слышал каждый.

— Постойте, постойте, — вдруг сказал капитан. — И как я вас сразу не узнал? Ваша физиономия так примелькалась, что мне и в голову не пришло, что это вы. Так и казалось, что снова вижу вашу фотографию на коробке конфет или обложке журнала. Так о чем вы хотите рассказать?

Теперь все трое смотрели на футболиста с явным интересом. Даже молодой человек, болезненный вид которого не давал повода заподозрить его в любви к спорту.

— Так вот, — сказал Чавес, — я футболист, и как вы знаете, футболист очень высокого класса. Я играю центральным нападающим в одной из лучших команд мира, моя манера игры изучается в футбольных школах, я самый высокооплачиваемый игрок, получаю столько же, сколько Жан Поль Бельмондо или Альберто Сорди. Мои ноги, каждая в отдельности, застрахованы на огромную сумму. Неправда ли, все это так?

Слушатели согласно закивали головами.

— Я все это читал в газетах, — сказал капитан.

— Хорошо, — сказал футболист. — А теперь я вам должен сказать, что в этом нет никакой моей заслуги. Понимаете — никакой! И если хотите знать, я, Санто ди Чавес, не намного больше футболист, чем вы, — он кивнул на капитана, — или вы, — на болезненного молодого человека.

— Скромность в такой буйволиной дозе... — пробормотал покерист.

— Все понятно, — сказал капитан. — Вы хотите сказать, что у вас замечательный тренер и вы во многом обязаны ему.

414—5

— Нет, — возразил спортсмен. — Мой тренер здесь ни при чем. Если я кому-нибудь обязан, то только крысам.

— Ага, — удовлетворенно сказал покерист, не обращая внимания на оторопевших капитана и его соседа. — Вот и добрались до крыс.

— Должен вас предупредить, — продолжал спортсмен, — что вы первые люди, которые узнают об этой истории. И я не советую вам рассказывать ее кому-нибудь, если хотите сохранить репутацию правдивых людей.

— Интересно, как это удастся вам, — пробормотал покерист.

— Я уверен, что вы ни в чем не усомнитесь, — улыбнулся спортсмен. — Впрочем, судите сами. Наверное, у каждого из вас есть какие-то воспоминания, связанные с детством. У меня таким воспоминанием был футбол. Первое, что я помню ясно, — это огромный, застывший в напряжении стадион, потом словно взрыв поднимает с мест беснующихся людей — забили гол... и так изо дня в день. На стадион меня водил отец — он работал в тотализаторе. Кроме отца у меня никого не было, потом он умер, оставив мне в наследство крепкое здоровье и неистребимую любовь к футболу.

Футболистом я стал с четырнадцати лет. Отец следил за моим физическим воспитанием — с четырех лет я занимался плаванием, а с девяти — баскетболом и греблей.

Отец говорил, что это меня подготовит к футболу. Старик очень хотел, чтобы я стал настоящим футболистом. Он добился, у него были какие-то связи в спортивном мире, чтобы я тренировался у лучшего нашего тренера Гвидо Солеквани. Впрочем, наверное, Гвидо взял бы меня и без всякой протекции: в свои восемнадцать лет я был идеальным спортсменом.

При росте в метр восемьдесят я весил восемьдесят шесть килограммов и порвал резиновую прокладку на двух спирометрах, прежде чем удалось выяснить, что объем легких у меня больше восьми тысяч. Я пробегал стометровку за десять и четыре и умудрялся выжимать штангу весом в 100 килограммов.

Тогда, как впрочем и сейчас, я не пил, не курил и не знал толком, что такое женщина. У меня была мгновенная реакция и лошадиная выносливость. Словом, я был идеальным сырьем для изготовления футболиста.

Гвидо Солеквани сразу поверил в мое будущее. Он после общей тренировки с командой еще подолгу занимался со мной отдельно. Он сделал все, чтобы я стал настоящим фут-

болистом. Гвидо Солеквани замечательный тренер, и он создал команду, равной которой не было на континенте. Это Гвидо придумал способ отдыха между таймами, когда уставшие, разгоряченные игроки прямо с поля, раздеваясь на ходу, с разбегу плюхались в бассейн с горячей водой. Бассейн был разборный, и Гвидо повсюду возил его с собой. Через пять минут горячая вода сливалась и заменялась теплой, почти прохладной. Это продолжалось еще пять минут, потом три минуты массажа — и команда снова выбегала на поле такой бодрой, что второй тайм казался разминкой перед настоящей игрой. Этот способ отдыха и еще многое другое Гвидо придумал сам, и команда, которую он тренировал, была лучшей из всех, что мне довелось повидать. Я еще раз повторяю, Гвидо очень в меня верил. Я легко усваивал все, что он мне показывал, никто лучше меня не мог ударом с двадцати метров вогнать мяч в любой верхний угол ворот, никто не умел так финтить, как я, и никто не мог пронести мяч на голове от своих ворот до ворот противника, как это делал я. И, умея делать все это, я не был футболистом. Я не умел играть. Я портил игру всей команде, когда дурацки топтался на поле, не зная, кому отпасовать мяч, я некстати путался в ногах игрока, который вел верный голевой мяч к воротам, я не мог правильно выбрать себе место на поле. И каждый матч сопровождался улюлюканьем и свистом, а я отправлялся на скамью запасных.

Постепенно эта скамья стала моим постоянным местом, я видел, что Гвидо во мне разочаровывается. Однажды он мне сказал:

— Посмотри на вот этого полудохлого парня, который сейчас обрабатывает мяч. Скелет и только, смотреть противно, а играет, как бог. Знаешь, футбол — это как пение, одним удается, а другому не запеть, хоть старайся изо всех сил. Тебе так не кажется?

Нет, мне так не казалось. Я только не понимаю, почему Гвидо не выгнал тогда меня из команды. Может быть, в память покойного отца. Тот при жизни оказывал Гвидо кое-какие услуги на тотализаторе.

Я старался как мог, я лез из кожи, чтобы стать игроком, но ничего не получалось.

Весь ужас моего положения заключался в том, что я ничего не умел, я не получил никакого образования, не имел профессии. А футбол... как обстояли дела с футболом, вы знаете. Я ждал со дня на день, что наступит конец терпению

Гвидо и он меня выгонит. Что я буду делать? Этот вопрос мучил меня днем и ночью.

Вот тогда-то, в самое подходящее для этого время, я влюбился. Я полюбил в первый раз, и, кажется, второго не будет.

К столу подошел стюард.

— Что-нибудь угодно?

— Один коньяк, — сказал капитан.

Болезненный молодой человек попросил имбирного пива, а покерист — неразбавленного виски.

— Стакан холодного молока, — сказал футболист. Он отпил из запотевшего стакана и продолжал:

— Я встретил ее на пляже. Ее зовут Ева и она самая красивая женщина на свете. Тогда я этого не знал. Не знал разумеется, как ее зовут. А остальное заметно сразу, стоит только ее увидеть.

Как сегодня помню этот день. Стояла адская жара. Ветра не было, волны лениво облизывали берег, и было слышно, как шипит на песке пена. Я лежал под навесом и с отвращением думал, что через два часа нужно идти на тренировку.

И тут я увидел ее. Она стояла бледная, мокрые волосы спадали ей на плечи. Ее окружили трое, знаете, из тех молодчиков, что все время околачиваются на пляже, иногда словно невзначай напрягая накачанные гантелями мышцы. Один из них положил ей руку на бедро, и она резким ударом отбросила ее. До меня доносились гнустности, которые они ей говорили.

— Господи, — вдруг с тоской сказала она. — Ну неужели же никто не даст вам в морду? Неужели не найдется хоть один человек, который захочет это сделать?

Я почувствовал, что это хочется сделать мне. Ничего в жизни я так не хотел. Но этого не хотели три «собеседника» Евы. Они, видимо, привыкли драться втроем.

Ева стояла в стороне, она не кричала, не звала на помощь, она как-то сразу поверила в меня.

Говорят, когда всех троих привезли в больницу, врачи были уверены, что это жертвы автомобильной катастрофы. Я их видел спустя месяц на том же пляже, теперь они производили впечатление благовоспитанных людей.

В этот день я в первый раз не пошел на тренировку.

А потом наступил вечер, я не буду о нем рассказывать — вечер с Евой, а потом еще много таких же вечеров.

Она иногда приходила на стадион, когда играл я, в эти дни я играл еще хуже.

— Милый, — как-то осторожно сказала Ева, — а не лучше ли тебе бросить все это и заняться чем-нибудь другим?

Бросить! Футбол мне давал возможность жить, а что будет, когда Гвидо выгонит меня из команды?

Еве я тогда ничего не сказал. Мы твердо решили пожениться, а об остальном не хотелось думать.

Утром я пошел на тренировку. Гвидо остановил меня перед раздевалкой.

— Не раздевайся, — сказал он. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я шел за ним и думал, что все кончено и завтра мне придется на этом же стадионе продавать программы матчей или разносить сигареты и воду.

— Слушай, — сказал Гвидо, когда мы отошли от раздевалки, где нас могли услышать. — У тебя, наверное, было время заметить, что я к тебе хорошо отношусь? Ага. Ну так вот: я сделал все, что мог, но не моя вина, что из тебя футболиста не получилось и не получится, что бы ты ни делал.

Я сказал, что все правильно, и встал, чтобы уйти. Мне было неприятно оставаться в этом зале, — я еще помнил, с какими надеждами я когда-то сюда пришел.

— Подожди, — сказал Гвидо. — Я неспроста упомянул о том, что хорошо отношусь к тебе. Футболиста из тебя не получилось — это верно, но надо подумать и о том, на что ты будешь жить. У тебя деньги есть?

Я засмеялся.

— Вчера ко мне приходил один человек, — сказал Гвидо. — Я его знаю давно — он ученый. Я видел книги, которые он написал, — какие-то исследования мозга. Он сказал, что давно наблюдает за тобой и спросил, что я о тебе думаю как тренер. Я ему сказал то же, что и тебе. Сказал, что у тебя самые лучшие данные для футболиста, какие только я видел, и что ты никогда не станешь футболистом — ты бездарен. Извини, что я говорил так резко, но у нас был деловой разговор. Он сказал, что ты ему нужен — для чего, он не сказал — что он будет платить тебе в два раза больше, чем ты получаешь у меня. По-моему, над этим стоит подумать. Он оставил мне адрес.

Вечером я отправился к этому человеку...

Чавес посмотрел на часы.

— Одиннадцать часов, — сказал он. — Я обычно в это время ложусь спать. Спокойной ночи. Если вам все это интересно — доскажу завтра.

— Так не пойдет, приятель, — запротестовал капитан. — На самом интересном месте вы хотите уйти.

— Прямо Шехерезада, — робко пошутил худощавый молодой человек.

— Шехе... Как? Что это такое? — заинтересовался капитан.

— Ресторан в Неаполе, — быстро сказал покерист. — Может быть, вы сегодня откажетесь от своего режима? — обратился он к футболисту. — Очень хочется дослушать, чем все это кончилось.

— Режим? — сказал Чавес. — У меня уже нет режима. Я продолжаю все делать по привычке. Ну так слушайте. Я пошел по этому адресу. Пошел с Евой. Мы подошли к небольшому двухэтажному особняку на одной из отдаленных от центра тихих улиц. Ева осталась ждать меня в сквере напротив, а я пошел к дому. Я шел, не веря, что из этой затеи получится что-нибудь путное, — я перестал верить в удачу. Мне отворил дверь старик-слуга. В руках он держал садовые ножницы. Он стоял в дверях и вопросительно смотрел на меня. Тогда я, конечно, не мог знать, что отныне наши судьбы — этого старика и моя — неразрывно связаны.

Он привел меня в кабинет своего хозяина. Я сказал «кабинет», но, скорее, это была лаборатория. В огромной светлой комнате пахло, как в зверинце. Стояли рядами клетки, а в клетках возились крысы. Я никогда не видел таких здоровенных упитанных крыс. Они прямо лоснились от жира и все разом, прекратив возню и прижавшись к решеткам, уставились на меня.

— Ну, вот и добрались до крыс, — удовлетворенно потер руки покерист.

— Да, — сказал Чавес. — Добрались. Мне было как-то не по себе, и я даже не сразу заметил человека, который возился в углу. Оттуда доносились потрескивания и шорохи, ну как от радиоприемника, когда крутишь ручку настройки.

Я подошел к нему, это был человек лет пятидесяти, с седыми, аккуратно зачесанными на пробор волосами. На нем был хорошо сшитый костюм и модный галстук. А!.. Костюм, галстук, волосы... Тогда я видел только его глаза, — равнодушные и в то же время проницательные. Я сказал, что я Санто ди Чавес и что я пришел потому, что меня послал тренер.

— Знаю, — не дослушав, сказал он. — Садитесь. Я вас много раз видел в игре и на тренировках. Я никогда в жизни

не видел такого великолепного мужского тела, как у вас. Солеквани говорит то же самое. Кроме того, он уверен, что вы самый бездарный футболист из всех бездарностей, каких только ему приходилось видеть.

Я сказал — тогда я еще хорошо не знал этого человека, — что никому не позволю разговаривать с собой в таком тоне.

Он засмеялся.

— Ты самолюбив, мальчик, — сказал он, — но это не имеет никакого значения. Итак, перейдем к делу. Солеквани говорил, сколько я тебе буду платить? Тебя это устраивает? Хорошо. Возможно, впоследствии ты будешь получать еще больше. Но—одно условие. Ты не будешь задавать никаких вопросов. Все, что я найду нужным, я тебе расскажу сам. Да! Еще. От того, что здесь будет происходить, тебе никакого вреда не будет.

Я спросил, за что же я буду получать деньги и что я должен делать.

— Ничего, — сказал он. — Ровным счетом ничего. Считай, что ты подопытная собака, крыса, что ты мне нужен для опыта.

Я спросил, для какого опыта.

— Я хочу сделать из тебя великого футболиста, — сказал он.

Он посмотрел на меня, ожидая, что́ я скажу. А мне нечего было сказать. Все происходящее казалось мне сном. Я машинально сунул в карман деньги, которые он протянул мне. Мои деньги за месяц вперед.

— А теперь начнем, — сказал он. — По ходу я тебе все объясню.

Он отошел в тот угол, где как я предполагал, стоял радиоприемник, и снова включил его.

— Как по-твоему, — спросил он, — крысам отсюда видно, что делается в коридоре?

Я сказал, что нет. Крысы и вправду не могли видеть коридора. Лаборатория отделялась от него крошечной прихожей.

— Встань в прихожей, — сказал он мне, — и выгляни в коридор.

Я повиновался и увидел в дальнем углу коридора застекленную клетку, в которой сидел большой пушистый кот.

В то же мгновение в лаборатории раздался писк и топот маленьких лапок. Крысы в ужасе метались по клеткам, опрокидывая друг друга.

Он с удовольствием потирал руки.

— Войди в лабораторию, — сказал он.

Я вошел.

Беготня в клетках сразу прекратилась. Крысы, подрагивая, смотрели на меня.

— Выйди в прохожую.

Я вышел, и снова в клетках началось столпотворение, которое прекратилось только тогда, когда я вернулся в лабораторию.

— Ты понял? — нетерпеливо спросил он меня.

Я стоял окончательно сбитый с толку.

— Нет, — сказал я, — ничего не понял. Почему эти твари начинают метаться по клетке, стоит мне выйти в прихожую.

— Он не понял! Ты не понял, отчего они беснуются? Да оттого, что они увидели этого кота твоими глазами. Все, что сейчас видишь ты, видят и они. Зрительный центр твоего мозга излучает волны, которые принимаются центрами моих крыс. Между тобой и крысами... ну, назовем это радиосвязью,

чтобы тебе было понятно, хотя это немножко другое. Теперь ты понял? Нет? Попытаюсь объяснить. С тобой случалось, — спросил он, — такое: например, тебе хочется запеть какую-нибудь песенку, а в это время ее начинает насвистывать или напевать кто-нибудь, находящийся неподалеку? Причем, нельзя объяснить это чистой случайностью, потому что иногда вспоминаешь что-нибудь совершенно несусветное в это время.

Я припомнил, со мной и впрямь случалось такое.

— Ага, — сказал он. — А не бывало ли, что ты думаешь о чем-нибудь, ведь футболисты тоже думают, а в это время твой собеседник начинает говорить об этом, хоть ты не сказал ему, о чем думаешь.

Это у нас с Евой случалось сплошь и рядом. И я сказал ему об этом.

— Да, — небрежно сказал он. — Это бывает. Существуют люди, у которых это чувство обострено до крайних пределов. Но существуют и люди, которые заинтересовались этим и даже ставят кое-какие опыты. То и дело слышишь, что поставлен новый опыт по угадыванию мыслей или передаче зрительных впечатлений на расстояние. Скажем, из комнаты в комнату или даже дальше. Но все это случайно и не всегда удается. Ни один из тех ученых, кто даже ухитрился во всех случаях найти какую-то закономерность, не научился этим явлением управлять. Никто, — кроме меня. Я выяснил, что мозг испускает волны, которые могут приниматься иногда другим мозгом. Это явление носит очень случайный характер и, повторяю, только у немногих людей. А я научился направлять эти волны от одного мозга к любому другому, по желанию. Это и произошло, когда ты увидел кота, а крысы почувствовали это так, будто увидели его сами. Теперь понял? На сегодня хватит. А завтра приходи с утра. Займемся делом. Ты станешь настоящим футболистом, хоть я и смыслю в футболе столько же, сколько эти крысы в астрономии.

Ева ждала меня в сквере. Я обнял ее и забыл обо всем: о футболе, крысах и даже о деньгах, что лежали у меня в кармане. Я целовал Еву, и мне совсем не хочется рассказывать, как это было чудесно.

Утром мне открыл тот же старик-слуга. Так же, как и вчера, я прошел в лабораторию.

Он сидел на корточках у клетки и кормил крыс.

— Это глупость, — сказал он мне, — когда утверждают,

что самые умные животные — собака, лошадь или обезьяна; вот эти вот зверюшки — самые хитрые животные на свете.

Потом он с ног до головы оглядел меня.

— Надо следить за внешностью, молодой человек, — недовольно сказал он. — Будущая знаменитость не должна ходить небритым.

Потом он принялся растолковывать мне суть своей затеи. Он сказал, что предстоит проделать первый сложный опыт, в котором будут участвовать только люди. Я только никак не мог понять, какое отношение имеет все сказанное к тому, что я стану футболистом.

Он кончил кормить крыс в одной клетке и стал мыть руки, не обращая внимания на голодный писк некормленных крыс в остальных клетках.

— Сейчас мы проделаем еще один маленький опыт, — сказал он, — а потом поговорим о главном. Ты пока посиди, посмотри газету.

Я сел за стол, а он, отойдя в угол, щелкнул выключателем. Раздалось тихое гудение, изредка прерываемое шорохами. Внезапно я почувствовал страшный голод, такой, как будто я не ел по крайне мере два дня. Полчаса назад я плотно позавтракал и минуту назад и не помышлял о еде, а теперь у меня от голода стягивало желудок.

Он подошел ко мне.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

Я сказал, что́ я чувствую, и попросил позволения уйти, чтобы где-нибудь проглотить дюжину бифштексов, меньшее количество меня бы не устроило.

— Значит, ты голоден? — участливо спросил он. — Ну что ж, иди поешь, если хочешь. Впрочем, погоди, — сказал он, довольно улыбаясь. — Может быть, удастся помочь тебе прямо здесь, в лаборатории.

Он отошел в угол и снова чем-то щелкнул, и внезапно я почувствовал, что сыт. Ощущение сытости переполняло меня, как будто я только встал из-за обеденного стола. Я стоял и старался понять происходящее со мной.

— Понял? — весело сказал он. — Нет? Все приходится тебе объяснять. Это же очень просто. Вначале я установил связь от мозга некормленных со вчерашнего дня крыс к твоему мозгу, и ты почувствовал страшный голод, а потом я установил связь между только что накормленными крысами и... Ты уже не хочешь есть?

Потом он установил связь от меня к голодным крысам, и

они, сразу же прекратив голодный писк, напились и разлеглись вокруг поилки.

Я не мог прийти в себя от изумления. Он взял меня под руку.

— Пошли. Я тебя кое с кем познакомлю.

Мы вышли во двор его дома. Там я снова увидел старика-слугу. Он стриг газон.

— Видишь этого садовника? — спросил он у меня. — Это Джузеппе Ризи. Слышал о таком футболисте?

Еще бы! Кто из футболистов не слышал о Ризи. О нем рассказывали легенды. Самая большая похвала футболисту— это сказать о нем: «Играет, как Ризи». Но Ризи не играет уже лет двадцать, и все, даже мой тренер, были уверены, что он давно умер.

А он, оказывается, работает здесь садовником!

Мы подошли к садовнику. Так я познакомился с Джузеппе Ризи.

Джузеппе стал моим другом. Иногда вечером мы отправлялись гулять втроем: Ева, я и Джузеппе. Он рассказывал нам много инстересных историй. Ризи... О Ризи потом.

Итак, он познакомил нас, и мы вернулись втроем в лабораторию.

Изо дня в день мы приходили с Ризи в лабораторию, и через некоторое время между нами была установлена связь, которая не распространялась больше ни на кого.

Наш хозяин был доволен. Я чувствовал то же, что и Ризи, стоило только «подключить» меня к нему.

И, наконец, наступил день, когда все было готово. В этот день хозяин позвонил к Солеквани.

— Сегодня ваша команда играет с «Чаппарелем». Поставьте центральным нападающим Санто. Не пожалеете.

Я не слышал что́ ответил Гвидо. Я думал, что́ все это означает: «Чаппарель» одна из сильнейших команд, а я не стал за это время играть лучше.

Гвидо согласился.

Мы пришли на стадион за час до игры.

Хозяин занял на стадионе два места — для себя и Джузеппе.

— Будешь играть, мальчик, — сказал он мне. — Будешь играть, как никогда в жизни. Можешь волноваться или нет, это не имеет никакого значения. Ты силен и вынослив. У Джузеппе не было такого тела, как у тебя, даже в его лучшие годы, а у тебя никогда не будет его таланта. Сегодня ты бу-

дешь играть, а чувствовать за тебя, распоряжаться твоим телом будет Джузеппе, сидя на трибуне и наблюдая игру. Ты будешь играть так, как сыграл бы на твоем месте Джузеппе Ризи.

Началась игра. Я страшно волновался. И вдруг волнение прошло — я понял, что хозяин включил прибор.

Эту игру все надолго запомнили.

Вначале защита «Чаппареля» не обращала на меня никакого внимания — они знали меня по прошлым играм. Они все вспомнили обо мне, когда я, легко обойдя трех игроков, забил первый гол. И пошло!

Джузеппе следил с трибуны за каждым моим движением и представлял себе мысленно, что бы он сделал на моем месте в такой же ситуации, и это мгновенно передавалось мне. Джузеппе потом сказал, что я играл лучше, чем он в свое время, ведь у меня данные были лучше, чем у него тогда.

Люди на трибунах бесновались, когда я забил второй гол из невероятно трудного положения.

В этот день «Чаппарель» проиграл со счетом, с каким он не проигрывал за все время своего существования.

И так от матча к матчу. Гвидо был вне себя от счастья. Появились реальные шансы, что его команда станет чемпионом.

Нечего и говорить, как счастливы были мы с Евой. Теперь мы могли пожениться, что мы и сделали, пригласив на свадьбу всю команду и всех подруг Евы. О завтрашнем дне думать нам не приходилось — я зарабатывал бешеные деньги. Все шло хорошо.

У меня изменились привычки. Теперь по вечерам я любил сидеть дома. Ева сердилась, когда ей хотелось пойти погулять, а мне было лень вылезти из кресла. Хозяин подшучивал надо мной, утверждая, что у меня появляются стариковские привычки Джузеппе. Теперь я думаю, что в этом была доля правды.

Джузеппе приходил к нам. Мы привыкли к этому старику — я и Ева. Может быть, и потому, что ни у кого из нас в целом свете никого не было. Джузеппе иногда говорил, что наконец и у него появилась семья.

Мои дела шли блестяще. Я не буду рассказывать об этом. О Санто ди Чавесе, лучшем футболисте мира, вы знаете не хуже меня.

Единственное, что омрачало наше благополучие, это здоровье Джузеппе. Старик за последнее время здорово сдал.

Теперь хозяин перед каждым матчем давал ему что-нибудь возбуждающее. Джузеппе не выдерживал напряжения целого матча.

Хозяин на деньги, которые он зарабатывал на мне, купил новый большой дом и оборудовал в нем лабораторию еще лучше прежней. Для крыс он отвел целую комнату.

У меня с Евой в банке тоже рос счет, и мы собирались открыть какое-нибудь свое дело. Словом, все шло хорошо.

Это случилось на финальном матче чемпионата. В этот день мы опоздали на стадион. У Джузеппе было плохо с сердцем. Гвидо звонил раз десять, он умолял меня поторопиться — уже начался первый тайм. Джузеппе лежал на кушетке. У него были серые от боли губы. Наши взгляды встретились. Он улыбнулся мне: «Все будет хорошо, мальчик».

Хозяин наклонился над ним:

— Может быть, как-нибудь доедем до стадиона, Джузеппе, — просительно сказал он. — Сегодня финальный матч. Пульс уже выравнивается.

Мы приехали к началу второго тайма.

Наша команда проигрывала со счетом 0:2. Гвидо трясущимися руками помог мне переодеться. Я вышел на поле.

В этот день Джузеппе превзошел себя. Я играл так, как не играл никогда в жизни. После второго гола в ворота «Броксов» зрители повскакали с мест. Говорят, рев со стадиона был слышен за много миль.

А я не останавливался. Я повел мяч между двух защитников «Броксов» и с угла штрафной площадки загнал третий мяч под перекладину.

И вдруг я почувствовал такую тоску... Господи, до сих пор сжимается сердце, когда я вспоминаю об этом. Я весь как-то сразу обмяк и, кажется, сразу догадался, в чем дело.

Я посмотрел на трибуны. Вокруг того места, где обычно сидели хозяин с Джузеппе, столпились люди, они загораживали от меня Джузеппе, но я знал: когда они разойдутся, я не увижу его сидящим.

Этот матч я кое-как доиграл. Мы стали чемпионами.

На следующий день газеты, захлебываясь от восторга, описывали подробности матча, расписывали подвиги Санто ди Чавеса, вырвавшего победу у «Броксов», а в конце там была и такая фраза: «О напряженности матча свидетельствует и то, что один зритель умер прямо на трибуне от раз-

рыва сердца, не перенеся огорчения после третьего гола в ворота «Броксов».

На похоронах Джузеппе плакала только Ева. Я стоял и думал, и одна мысль не давала мне покоя.

Я пришел к хозяину. Он стоял в лаборатории около клетки с крысами. Когда я вошел, он что-то вытащил щипцами из клетки и бросил в мусорный ящик.

— Восхищаюсь этими тварями, — сказал он мне. — Они чувствуют все без всяких приборов. Неделю назад я поместил в эту клетку крысу с привитой злокачественной опухолью. Ни один прибор не мог бы определить, что эта крыса больна, она ничем не отличалась от любой здоровой. Опухоль развилась бы месяца через полтора-два. А эти почувствовали, что она обречена и сожрали ее. Все чувствуют. Такую бы остроту чувств человеку!

Я прервал его. Я спросил, сколько бы прожил еще Джузеппе, если бы ему не приходилось «играть» за меня.

— Еще бы лет десять-пятнадцать, — равнодушно сказал хозяин. — Это напряжение ему дорого обошлось. Но ты не огорчайся, мальчик. Жизнь есть жизнь, как говорят французы. В конце концов, Джузеппе ничего впереди хорошего не ждало. А ты не огорчайся. Мы тебе найдем другого безработного знаменитого футболиста...

— И убьем его?!

Он удивленно посмотрел на меня.

— Мне не нравится твой тон!

Я его не ударил.

Я только стукнул ногой по клетке с крысами, которые сидели, притихнув, и будто прислушивались к разговору. Клетка перевернулась, а я, не оборачиваясь, ушел. Больше хозяина я не видел.

Мы с Евой решили уехать. Еве почему-то хотелось в Австралию, не знаю почему, а мне все равно куда ехать. Вот и все.

За столом воцарилась тишина.

— Интересно, — сказал капитан. — Здорово. Значит, вы больше не будете играть в футбол?

— Нет, — сказал Чавес. — Не буду. Тогда я понял раз и навсегда, что я не крыса, а человек, хоть и надо мной можно делать опыты.

— А вы уверены, — сказал капитан, — что никогда не пожалеете об этом?

— Я жалею об этом все время, — резко сказал Чавес, — стоит мне только вспомнить Джузеппе.

— Что вы будет делать в Австралии? — спросил болезненный молодой человек.

— Деньги у нас, есть, — сказал Чавес, — купим какое-нибудь дело.

Покерист хотел что-то спросить, но раздумал. Он нерешительно вертел в руках колоду карт.

В салон вошла красивая молодая женщина.

— Санто, — сказала она, остановившись у стола — извини, я думала, ты заблудился и никак не можешь отыскать нашу каюту.

— Спокойной ночи, — сказал Санто. — Завтра еще поиграем в покер?

— Нет, — сказал капитан, — увольте. С вами играть неинтересно. Просто поговорим.

Санто взял жену под руку и вышел из салона.

— Красивая пара, — сказал им вслед, ни к кому не обращаясь, болезненный молодой человек.

Ему никто не ответил.

Лайнер пришел в Сидней рано утром. Проталкиваясь сквозь толпу пассажиров, стоявшей перед сходнями, к Чавесу подошел покерист.

— Простите. На одну минутку.

Чавес отошел от Евы.

— Послушайте, — сказал покерист. Он оглянулся по сторонам. — Вы мне не дадите адрес?

— Какой адрес? — удивился Чавес.

— Того, — сказал покерист, — вашего хозяина.

Чавес несколько мгновений, как будто изучая, смотрел в лицо покериста, потом медленно по слогам назвал адрес и фамилию хозяина.

— Запомнили?

— Да, — сказал покерист. — Спасибо.

Чавес не заметил протянутой руки. Он заторопился к Еве.

Г. АЛЬТОВ

ОПАЛЯЮЩИЙ РАЗУМ

Разве велик и силен тот, кто силен
и велик,
Если он слабых не может поднять
до вершин своих?

Рабиндранат Тагор

Я приехал в этот приморский городок, получив телеграмму Прокшина. Был конец октября; с моря дул холодный, остро пахнущий водорослями ветер.

— Доктор живет на «Шквале», — сказал мне председатель горсовета. — Ведь мы стали городом без году неделя. Рабочий поселок, вот что мы такое. А «Шквал» — это старый пароход местной линии. Да вот из окна видно. Нет, нет, это рыбачьи шхуны. Чуть дальше, у мыска, пароход с высокой трубой. Скоро порежут на металл, он свое отслужил. — председатель неожиданно рассмеялся: — К нам как-то артисты пожаловали, так Андрей Ильич их туда не пустил. Пригрозил, что поднимет пиратский флаг и выйдет в море...

— А куда смотрит советская власть? — спросил я.

— Советская власть учитывает, что в поселке еще нет больницы, — ответил председатель. — Ну, а Прошкин классный доктор. Я бы ему не только старый пароход—что угодно отдал бы.

На берегу, подставив неяркому солнцу выпуклые черные днища, лежали похожие на тюленей лодки. Ветер накатывал на гальку частые, злые волны. Они тянулись к лодкам и отступали, оставляя на камнях плотную шипящую пену.

«Шквал» стоял у ветхого деревянного пирса. Прокшина я нашел в кают-компании. Он сосредоточенно выстукивал что-то на пишущей машинке.

— Ну, вот, как раз вовремя, — обрадовался он. — Мой отпуск на исходе, мы приступим сегодня же... Хотите испытать на себе?

* * *

Вначале это была обычная журналистская идея. Она возникла полтора года назад, в Калуге, куда я приехал по заданию редакции. Был юбилейный митинг у памятника Циолковскому, я записывал то, что говорили выступавшие. Идея — в своем первозданном виде — записана тут же, в блокноте, между двумя речами. «Памятник — брошюры — современный Циолковский». Это значит: а что, если бы в свое время Циолковский имел сотую долю средств, потраченных на этот памятник и на этот митинг?

Я вспомнил брошюры, которые издавал Циолковский. Сейчас они библиографическая редкость: мало кто видел эти тоненькие, напечатанные на серой бумаге книжки с пометкой «Издание и собственность автора». Циолковский выпускал их крохотными тиражами — за свой счет. И вот я подумал: а ведь и сейчас где-то работают люди, прокладывающие столь же новые (и потому еще непризнанные) пути в науке. Придет время, этим людям воздадут должное. Но насколько важнее для них получить с е г о д н я хотя бы крупицу будущего признания...

Я начал поиски. Когда-нибудь я подробнее расскажу об этом: среди великого множества прожекторов не так просто было отыскать людей, чьи идеи напишет на своих знаменах наука XXI века. Только через полгода, да и то совершенно случайно, я встретил человека, разрабатывающего нечто принципиально новое. Теперь в моем списке девять фамилий. «Великолепная девятка».

Я считал, что придется вступать в бой: кого-то защищать, что-то пробивать. Ничего подобного. Восемь человек, словно сговорившись, твердили: «Рановато, пока не надо...» И только девятый, Прокшин, решительно сказал: «Что ж, ринемся в бой. После опыта».

Прокшин — судовой врач. При первой встрече я подумал, что эпиграфом (если придется писать о Прокшине) можно будет взять такие строки из «Зеркала морей» Джозефа Конрада: «Спешу прибавить, что он обладал еще и другим качеством, необходимым настоящему моряку, — абсолютной уверенностью в себе. Беда только в том ,что этим качеством он был наделен в угрожающей степени».

Таково первое впечатление: не то чтобы неверное, но поверхностное. Да, Прокшин крепко уверен в себе. Он любит говорить: «Как известно, я не ошибаюсь». Все дело, однако, в том, откуда берется уверенность.

— Обыкновенная гениальная идея, — сказал Прошкин, когда я попросил объяснить, над чем он работает. — Возьмем дурака. Натурального дурака. Надеюсь, вам приходилось встречать такого дурака? Очень хорошо. Итак, возьмем рядового дурака и будем считать, что он равен нулю на шкале умственного развития. Ста градусам на той же шкале пусть соответствует умственный уровень Эйнштейна. Шкала, конечно, относительная. Можно опускаться ниже нуля и подниматься выше ста градусов. Итак, я хочу спросить: какова по этой шкале «умственная температура» человечества? Вы понимаете — всего человечества. В среднем. Ну?

Вопрос был не из легких, я промолчал.

— Будем оптимистами, — продолжал Прокшин. — Однако и при самом могучем оптимизме трудно назвать цифру 80 или 60. Вот вы, например, сколько в вас градусов?

Я ответил, что тридцать шесть с половиной. По Цельсию.

Прокшин одобрительно усмехнулся:

— Выкрутились. А в общем-то вы близки к истине. По самой оптимистической оценке средняя температура человечества не выше тридцати шести с половиной. По моей шкале.

Тут я сказал, что на то имеется множество серьезных причин — исторических и социальных. По данным ЮНЕСКО, полтора миллиарда людей голодают. Можно ли обвинять их в том, что они отстают в умственном развитии?

— Я не обвиняю, — нетерпеливо возразил Прокшин. — Я просто констатирую факты. Во-первых, «средняя умственная температура» невысока. Во-вторых, она поднимается медленно. Слишком медленно.

Такие разговоры совершенно бесполезны, если нет четкой терминологии. Что такое ум? Что значит — стать умнее? Прокшин обрадовался: «Вот это деловой подход!»

Разговор происходил в таллинском порту. Прокшин спешил, часто посматривал на часы. Но я уже понял, что общие рассуждения об «умственной температуре» человечества связаны с чем-то конкретным.

Магнитофон я включил не сразу. Иногда это может все испортить: человек начинает говорить деревянным голосом, сбивается, экает и мэкает.

Лента магнитофона

— «Давайте условимся так. Ум зависит от многих факторов. Но есть нечто обязательное, главное. Это — знания.

Объём знаний. Сейчас вы возразите, что можно быть знающим дураком. Можно. Бывает и обратное: человек безграмотен, но умен. Что ж, это исключения из правил. А мы говорим обо всем человечестве. Здесь возможен только статистический подход; нужно мыслить правилами, а не исключениями из них.

Итак, знания. Представьте себе, что все знания мира можно практически мгновенно вложить в головы всех людей. Все знания мира... Готовый заголовок, а?

Невежество — такова почва, на которой растет глупость. Голодное невежество рабов. Сытое невежество мещан. Злобное невежество фашистов. И вот мы уничтожаем почву, за которую цепляются корни глупости...

Дайте, пожалуйста, микрофон, я буду держать сам. Вас эта процедура явно отвлекает. А я хочу, чтобы вы поняли. Итак, что произойдет, если все знания мира сделаются достоянием каждого человека на Земле?

Все знания — слишком неопределенно. Согласен. Скажем так: знания в объеме тридцати-сорока высших образований. В разных сочетаниях.

Разумеется, человек с такой начинкой еще не застрахован от голода, болезней, страданий. Но у него будет иммунитет против скуки, безделья, пьянства. Знания — как уран: когда их объем больше критической величины, начинается нечто вроде цепной реакции. Покой, точнее — застой, просто невозможен.

Полтора миллиарда людей голодают... Вы использовали сильный довод, это врезается в память. Но разве голод не вызван — в конечном счете — низким уровнем образования?

— Положим, все наоборот: уровень образования зависит от благосостояния страны.

— Это похоже на выяснение вопроса — произошла ли первая курица из первого яйца или, напротив, первое яйцо было снесено первой курицей?.. В обычных условиях образование зависит от благосостояния страны, а благосостояние — от знаний. Заколдованный круг. Чтобы хоть в какой-то мере расколдовать его, требуются десятки лет. Наши средства и методы обучения имеют поразительно малый коэффициент полезного действия.

Вы понимаете, какая нелепость? Есть знания и есть головы. Но нет эффективных средств, позволяющих в короткий срок вложить в с е знания в о в с е головы...

Гипнопедия? Да вы просто гений! Вы скромничали, ког-

да говорили о тридцати шести с половиной градусах. Сейчас вы схватили суть дела: нужны принципиально новые средства обучения. Гипнопедия... Что ж, это хорошая вещь. Но существенные изменения в общечеловеческих масштабах требуют средств в тысячи раз производительнее гипнопедии. Сильнее, надежнее и — главное — производительнее.

Подождите до осени...

* * *

Вечером в полутемной кают-компании мы пили чай из массивных пивных кружек. Я спросил Прокшина, почему он не провел приличного освещения. Он пожал плечами.

— Скучно возиться с проводкой. Здесь нашелся аккумулятор, его хватает на неделю, потом можно зарядить в гараже. Вот и кружки: отыскал в буфете — и ладно. Мелочи жизни. Думать надо о другом.

Трудно понять, когда Прокшин говорит всерьез. Во всяком случае, пренебрежение мелочами жизни не мешает Прокшину выглядеть подтянуто, даже франтовато. Он тщательно выбрит, китель и брюки аккуратно выглажены.

Журналисту порой труднее, чем писателю. Журналист не может выдумать героя, не может наделить его — по своему желанию — теми или иными качествами. Приходится разгадывать реальных людей, а это ох как непросто!

В каждом деле есть свои маленькие хитрости. Журналистский экспресс-анализ облегчится, если вы попытаетесь представить, кем бы был интересующий вас человек в другую эпоху — при каких-нибудь неожиданных обстоятельствах. Я мысленно примериваю Прокшину различные одежды. Камзол алхимика? Временами в глазах Прокшина вспыхивает детский восторг: вот смешаем сейчас это с тем, хорошенько нагреем и... до чего же интересно знать — что из этого получится! Но у Прокшина нет внешней солидности, органически присущей алхимикам — особенно современным. Тогда что-нибудь такое пиратское? Как, кстати, одевались пираты? Для начала я прикидываю: что получится, если закрыть один глаз Прокшина черной повязкой. Так. Теперь трубку в зубы и... Нет, опять ничего не получается.

Ну, хорошо, пока моя задача — проверить аппарат Прокшина.

Аппарат довольно громоздкий. Центральный пост — нечто вроде трех или четырех вывернутых наизнанку и взгроможденных друг на друга телевизоров. ЗУ — запоминающее

устройство — шкаф с магнитными барабанами. Наконец, биорезонатор, похожий на забрало рыцарского шлема.

Сегодня — только эксперимент. Но когда-нибудь ЗУ и в самом деле вместит все знания мира. Замысел Прокшина в том, чтобы «вложить» в голову человека знания, минуя процесс чтения.

Современные запоминающие устройства могут — при объеме в несколько кубических дециметров — накопить информацию в миллиарды двоичных единиц. Чтобы «выдать» каждую такую единицу, ЗУ достаточно тысячной доли микросекунды. А глаз медлителен. Путь информации по зрительному каналу связан с двукратным превращением энергии. Световая энергия изображения превращается сетчаткой глаза в биохимическую. Затем совершается еще один переход: биохимическая энергия превращается в электрическую энергию биотоков, идущих по зрительному нерву в мозг.

— Бросьте записывать — сказал Прокшин. — Надо понять. Тогда это запомнится навсегда. Смотрите, какая получается механика. Вы читаете книгу. Взгляд упал на цифру или букву. На сетчатке возникло изображение. Однако в волокна зрительного нерва идет не само изображение. В волокна идет ток. Каждой букве, каждой цифре, вообще каждому изображению на сетчатке соответствует своя серия электрических импульсов. Смысл моей идеи в том, чтобы подавать в зрительный нерв «готовые» токи. Пусть человек читает, не глядя в книгу. Глаз «разжевывает» изображение слишком медленно, и мы подключаемся к мозгу непосредственно через зрительный нерв с его ста тридцатью миллионами волокон. Улавливаете? Каждое волокно — как отдельный провод. Можно вести передачу со скоростью, на которую способны лучшие ЗУ. Вопросы есть?

Вопросы были, и Прокшин объяснил — в общих чертах — устройство своего аппарата. Но это уже чистая техника. Важно другое. Сейчас я надену «забрало», и все знания, записанные на магнитных барабанах ЗУ, в течение нескольких секунд «влезут» мне в голову. Как ни странно, кроме этого нелепого «влезут» нет другого слова для обозначения процесса переноса знаний из железного ящика ЗУ в голову.

Лента магнитофона

— Для первого эксперимента шахматы удобнее всего. Мы прокрутим эту шарманку несколько раз. И мир получит

двух новых гроссмейстеров. Впрочем, не ввести ли звание гроссмейстерисимуса?.. «Два гроссмейстерисимуса» — отличный заголовок для вашего репортажа.

— Только ли знания делают человека гроссмейстером?

— А что же еще? Знания и опыт. Хотите шикарную цитату из Ласкера? В вашем журналистском деле цитаты — великая вещь. Послушайте, что говорил в свое время Ласкер: «Игроков, которым мастер может с успехом давать ферзя вперед, существуют миллионы; игроков, перешагнувших эту ступень, можно насчитать, наверно, не больше четверти миллиона, а таких, которым мастер ничего не может дать вперед, вряд ли наберется больше двух-трех тысяч... Представим себе теперь, что некий мастер, вооруженный знанием своего дела, хочет научить играть в шахматы какого-нибудь юношу, не знающего этой игры, и довести его до класса тех двух-трех тысяч игроков, которые уже ничего не получают вперед. Сколько времени потребуется на это?» Ну, здесь следует расчет: столько-то времени на изучение эндшпилей, столько-то — на дебюты и так далее. Всего двести часов. «Затратив двести часов, юноша, даже если он не обладает шахматным талантом, должен сделать такие успехи в игре, что займет место среди этих двух-трех тысяч». Обратите внимание: двести часов и мастер в качестве учителя. А в моей машине собрана вся шахматная премудрость мира. Информация, соответствующая сотням тысяч часов...

* * *

Я лежал в своей темной каюте, прислушиваясь к неясному шуму. Я устал за день, мне хотелось спать, но, превозмогая сон, я вслушивался в этот шум. И вдруг я понял: так гудит морская раковина, если поднести ее к уху. Старый корабль гудел, как морская раковина.

Я заснул с мыслью о редкой удаче: такие дни бывают не часто, но они приносят в жизнь волшебные отзвуки сказок.

* * *

Утром Прокшина не оказалось в кают-компании. На столе, под термосом, лежала записка: «Двинулся к больным. Завтракайте, не ждите. В термосе какао, прочее — на столе. Шахматы — в тумбочке».

Быть может, это смешно, но я с утра п р и с л у ш и в а л с я, надеясь уловить в себе хоть какую-то перемену после экспе-

римента. Меня смущала скоропалительность происшедшего. Слишком уж быстротечен был эксперимент.

Прокшин водрузил себе на голову «забрало» и просидел так минуты полторы. Потом настала моя очередь. «Забрало» больно сдавило виски. «Ринулись», — скомандовал Прокшин, и я увидел мерцающий матовый свет. Глаза были плотно прикрыты нижним щитком «забрала», но свет я видел. Пожалуй, это единственная необычная деталь эксперимента. Свет неяркий, мягкий. Такой свет (только более слабый) можно увидеть, если потереть закрытые глаза.

— Что делать, — сказал Прокшин, — экзотики в этой процедуре действительно маловато. Но именно в этом сила! Между нами говоря, вы просмотрели главное. Ведь не пришлось перерезать зрительный нерв, чтобы подключиться к мозгу. Улавливаете? Сама идея появилась у меня еще в детстве. Разумеется, в виде задачи, не больше. Лет восемь назад я нашел и решение. Точнее — тот вариант решения, который требует хирургического вмешательства. Человеку пришлось бы на время (а может быть и навсегда) стать слепым. Вот она, экзотика! В неограниченном количестве. А теперь нет экзотики: подсоединились к зрительному нерву, а глаза целы...

Прокшин, с его склонностью к внешним эффектам, и сам немного жалеет, что все так просто. Когда я сказал ему об этом, он объявил, что существует закон сохранения солидности:

— В той или иной мере солидность присуща каждому человеку. И она никуда не может деться. Сколько ее убудет во внешнем поведении, столько прибудет в делах. И, наоборот.

...На палубе было мокро и неуютно. В ржавых, вздрагивающих от ветра лужах плавали похожие на рыбью чешую кусочки облупившейся краски. Только сейчас я увидел, насколько стар корабль.

Я вернулся в кают-компанию, взял шахматы.

Хорошо помню, фигуры лежали рядом с доской, я их машинально перебирал. Потом поставил на доску обоих ферзей. Наугад. Что делать дальше, я не знал. Прошло, наверное, несколько минут, пока появилась простая мысль: нельзя же без королей! Опять-таки наугад, не глядя, я поставил белого короля.

И вдруг я совершенно ясно увидел, куда надо поставить черного короля.

Может быть, действовало самовнушение. Может быть, все дело в симметрии, которую создавали уже стоявшие на доске фигуры. Не знаю.

Я поставил черного короля и сразу почувствовал нечто знакомое в расположении фигур. Это было неприятно: сам того не желая, я силился что-то вспомнить. Передвинул белого короля. Вернул его на место. Потом передвинул белого ферзя... и наступила ясность. Она пришла внезапно, без всякого напряжения. Просто я теперь знал, что надо поставить еще одну фигуру — белого слона. И я знал, куда поставить слона. Белые должны были начать и выиграть, это тоже само собой подразумевалось. Впрочем, нет, не подразумевалось, а вспоминалось.

Я двинул ферзя. Шах черному королю. И тут же увидел: так нельзя. Еще вчера для меня это был бы единственный очевидный ход. Сегодня я понимал: нет, так нельзя, нападать надо слоном.

...Я долго сидел у доски, стараясь справиться с охватившим меня лихорадочным возбуждением.

Что, собственно, произошло?

Я привык относиться к идеям «великолепной девятки», как к чему-то отвлеченному. Эти идеи должны были сбыться в далеком будущем. И вдруг одна идея осуществилась сейчас...

Да, это произошло сейчас. Со мной.

Я почти не умел играть в шахматы. Вероятно, даже третьеразрядник мог дать мне вперед ферзя. И вот внезапно появилась способность понимать происходящее на шахматной доске.

Мозг — изумительная машина. Надо только снабдить ее вдоволь горючим... Не об этом ли Прокшин говорил накануне?..

Лента магнитофона

— Какое-то африканское племя выделывало горшки из глины, содержащей уран. Из поколения в поколение лепили горшки. Через руки этих людей прошло такое количество урана, что энергии — если бы ее удалось выделить — хватило бы на электрификацию половины африканского континента. Но племя видело в глине только обыкновенную глину... Почти так мы используем и свой мозг. На уровне лепки горш-

ков. А когда кто-то работает как надо, мы изумляемся: ах, смотрите, ах, гений...

Утверждаю: уровень, который мы называем гениальным,— это и есть нормальный уровень работы человеческого мозга. Нет, я не так сказал: не есть, а должен быть. Понимаете?

Люди получают от рождения примерно одинаковые мозги. Не существует прирожденных способностей. Человек — каждый человек! — рождается только со способностью приобретать способности. Если кто-то может стать гением, значит в принципе гениальность доступна всем. Так почему она такое редкое явление?

С конвейера сходят автомобили. Каждый автомобиль имеет, конечно, свои индивидуальные особенности. Но если скорость данного типа машины полтораста километров, то у всех машин она приблизительно такова. У одной на пять километров больше, у другой на пять меньше, но это уже допустимые отклонения. А с мышлением... Машина, которую мы называем «мозг», используется в высшей степени странно. Из тысяч таких машин лишь единицы развивают проектную скорость. Остальные довольно вяло ползут... И это считается нормой!

Все дело в том, что автомобили имеют много бензина. А машина, именуемая «мозг», лишь изредка получает вдоволь хорошего горючего. Я говорю о знаниях. Заправьте достаточным количеством этого горючего любой мозг — и он даст проектную скорость. Чуть больше, чуть меньше — но у предельной черты!..

* * *

Причудливая это штука — проявление знаний, «вложенных» в голову аппаратом Прокшина. Кажется, я нашел удачное слово: п р о я в л е н и е. В самом деле, это очень похоже на постепенное возникновение фотоизображения. Потенциально существующее в фотоэмульсии, изображение еще скрыто, не видно, и нужен проявитель, чтобы сделать его явным. Так и с проявлением знаний.

Какая-то часть знаний вспоминалось — процесс удивительный и временами нелегкий. А иногда я сам принимал решения. Да, хорошо помню, что сам пришел к выводу: нельзя идти ферзем. Представил себе ответный ход черных, увидел дальнейшее развитие игры и понял, что надо ходить слоном. И только потом, сделав этот ход, подумал: конечно, по-

зиция дожна быть такой, это же этюд Троицкого! Вот лучший ход черных. Теперь шах ферзем. Черный король спешит к своему ферзю. Поздно! Белые жертвуют слона. Шах черному королю и — выигрыш.

Я никак не мог освоиться с мыслью, что действительно чему-то научился. В голове не было никаких «шахматных мыслей». И все-таки я только что решил этюд Троицкого, о котором до этого даже не слыхал!

Уже через день, когда значительная часть шахматной премудрости «проявилась», я привык к «эффекту входа» (терминология Прокшина). Теперь я «чувствую» свои шахматные знания. Они «ощущаются» точно так, как и другие знания, полученные обычными путями.

И только изредка сердце замирает от радостного изумления. Так было в детстве, когда, научившись плавать, я впервые заплыл далеко в море...

* * *

Прокшин появился без четверти два — мокрый, голодный, веселый — и с порога спросил:

— Сразимся? Одну партию, а? Потом обед и снова до вечера шахматы. Как программа, годится?

Программа годилась, но, сев за шахматную доску, мы забыли о времени. Игра шла в стремительном темпе. Строго говоря, сначала мы даже не играли. Мы просто вспоминали партии. Разыгрывался дебют, и очень скоро один из нас вспоминал, что подобная позиция уже была при встрече таких-то шахматистов на таком-то турнире.

Лента магнитофона

. . . .

— Вы записываете?

— Да. А что если я пожертвую пешку?

— Зачем?

—Зов души... Послушайте, да ведь так было в четвертой партии Эйве — Боголюбов!..

— Точно. Невенинген, двадцать восьмой год. В этой позиции черные пожертвовали пешку. Вот он, ваш зов души! Знания. В конечном счете только знания!

— А все-таки зачем я должен отдавать пешку?

— Вскрываются линии...

— Эйве мог объявить шах конем, но сделал другой ход...

— Да, более осторожный. Слоном.

— Что ж, проверим...

* * *

С каждым часом мы играли все увереннее и самостоятельнее. Стали чаще замечать просчеты, допущенные кем-то в аналогичной позиции. Искали и находили более сильные продолжения. Игра обогощалась мыслями и чувствами, начинала приносить эстетическое наслаждение.

Что я обычно чувствовал, играя в шахматы?

Досаду — если не заметил хороший ход. Страх — если допустил ошибку и противник может ее использовать. Радость — если противник «зевнул» фигуру. И еще скуку, томительное ожидание, пока противник сделает ход и можно будет снова начать думать... Убогие чувства! Я был подобен слепцу, сидящему перед сценой, на которой выступают иноземные артисты. Слепец не видит артистов, да к тому же они говорят на чужом языке, из которого он знает лишь несколько десятков слов... И вдруг глаза обретают способность видеть каждое движение артистов, каждый их жест. Вдруг со сцены начинает звучать родной язык, наполняются смыслом интонации и паузы...

В восемь вечера мы пообедали: консервы, холодное молоко и еще что-то. Мы спешили. Нас ждала недоигранная партия.

* * *

Сейчас я не могу вспомнить, когда началась «ничейная полоса».

Я не сразу понял, что́ означают участившиеся ничьи. Казалось, ничьи закономерны: мы играем, обсуждаем позиции, видим возможные ошибки (и, естественно, их не делаем), выбираем наиболее сильные ходы — и какого-то момента партия идет к ничьей.

Прокшин первым заметил «ничейную полосу» и предложил играть молча. Мы быстро разыграли три партии. Три ничьих.

— Вот что, — сказал Прокшин. — Давайте-ка еще разок. Без звука. И будем записывать мысли: мотивировку ходов и тому подобное. Ринулись!

Минут через сорок, когда партия кончилась мирной ничьей, мы сравнили два ряда записей. Впечатление было ошеломляющее. Слова разные, но мысли, суждения, выводы — все полностью совпадало!

— Потрясающе, — сказал Прокшин. — Помните, что я

вам говорил? Гениальность должна быть нормой. На шахматах это особенно хорошо видно. Мы перестали делать ошибки. Вы понимаете, что́ это значит? Мы сделаем всех шахматными мудрецами... и шахматы прекратятся. Единственным результатом отныне и навсегда станет ничья. Ваш репортаж можно назвать «Гибель шахмат».

Неплохо звучит, а?

Я спросил:

— Почему только шахмат?

Лента магнитофона

— Поймите, Андрей Ильич, простую вещь. Существует что-то вроде пирамиды. Чем выше уровень, тем меньше людей, умеющих играть на этом уровне. У основания пирамиды сотни миллионов людей. А вершина — несколько десятков гроссмейстеров. И вот теперь эта пирамида ломается. Все будут приблизительно на одном уровне.

— Ну и что? Ну, не будет шахмат. Подумаешь! Шахматы погибнут во имя науки, как погибает подопытная собака. Человечество переживет эту потерю.

— Мир, пожалуй, стал бы чуточку беднее без шахмат. Но не в одних шахматах дело. «Пирамидный» принцип построения вообще присущ искусству. Любому его виду.

— Например, балету?.. Вот, где ваша ошибка! Допустим, все люди, пользуясь моим способом, прочитают все написанное о балете. Разве это помешает им наслаждаться балетом? Я уже понял логику ваших рассуждений. Да, все виды искусства «пирамидны». Но мы вкладываем в головы только знание. В шахматах знание равно или почти равно умению. А в балете, научно говоря, нужно еще и уметь трепыхаться.

— Хорошо, балету ничего не грозит. А как с поэзией?..

* * *

Прокшин расставил шахматные фигуры. Это была позиция после двадцать девятого хода белых в партии Рети— Алехин.

— Узнаете?

— Да. Сыграть за Рети?

— Проиграете.

— Посмотрим.

В 1925 году Рети проиграл. Но мы за десять минут пришли к ничьей, хотя Прокшин сыграл, пожалуй, сильнее Алехина.

Лента магнитофона

— А все-таки, Андрей Ильич, как с поэзией? Давайте разберемся... Половина третьего. Вы не хотите спать?

— Нет. Что ж, вложить в голову «все о поэзии» можно. А вот превратит ли это человека в гениального поэта, — трудно сказать.

— Сейчас спорят: сможет ли машина писать хорошие стихи, если в ее памяти будет весь опыт поэзии. Аллах с ней, с машиной. Но уж человек, имея в голове «все о поэзии», наверняка сможет... Особенно в том случае, когда в голову «вложены» полтора или два десятка р а з н ы х знаний.

— Важны не только знания, но и взгляды, чувства. Умение видеть и слышать мир. В сердце должен стучать пепел Клааса...

— Хорошо. Пусть не все станут гениальными поэтами. Но вероятность появления гениев резко увеличится. С этим-то вы согласны? Будет, скажем, миллион гениальных поэтов. Разве мало?! Миллион гениальных поэтов, сотни миллионов гениальных шахматистов... Пирамида либо разрушается совсем, нацело, либо оседает, сплющивается. Практически особой разницы нет. Наш эксперимент смоделировал тепловую смерть вселенной... Алхимики, придумай они способ получения золота, просто обесценили бы этот металл. А тут обесцениваются ум, талант, гений... Допустим, аппарат дает не знания, а красоту. Нажал кнопку и мгновенно стал таким, как хочешь. Настоящая красота редка, ее слишком мало. Вспомним хотя бы Троянскую войну, начавшуюся из-за Елены.

—Или из-за недостатка ума...

— Ну, из-за мудрецов еще никто не воевал.

— Я же говорю: не хватало ума.

— Ладно, когда-нибудь мы специально поговорим о причинах Троянской войны. Сейчас важно другое. Предположим, создан «генератор красоты». Представляете, что произойдет? Через какое-то время красота станет нормой. Все будут на одно лицо. Точнее появится т и п о в а я красота. Пятьсот миллионов абсолютно точных копий киноактрисы Н. Триста миллионов двойников актера М. И так далее.

Красота просто перестанет замечаться, перестанет приносить радость...

— Получается, что я командирован непосредственно сатаной. Чрезвычайный и полномочный посол ада, прибывший с заданием разрушить великий принцип пирамиды... Неужели вы не понимаете, что овладение умственной энергией — неизбежный этап в развитии человечества? Наверно и в самом деле не понимаете. Я уже с этим встречался. Могучая концепция «почти таких же»: люди и в будущем останутся «почти такими же», только чуть лучше. То же солнышко, но без пятен... Философия химчистки. Вероятно, питекантропы упали бы в обморок, если бы им сказали, что можно разрушить великую пирамиду физической силы человека. Позвольте, вскричали бы питекантропы...

— Они же упали в обморок. Как они могут вскричать?

— Не придирайтесь. Они вскричали бы после обморока. Позвольте, вскричали бы питекантропы, придя в себя, что же это получается?! Обесценивается сила человека, как можно! И — трах новатора дубинушкой. Чтоб, значит, не нарушал пирамиду... Я спрашиваю: что есть революция — социальная, научная, любая — как не разрушение пирамиды?

— Отвечаю: вы смешали все в одну кучу. Бывают и хорошие пирамиды. Например, в поэзии, мы об этом уже говорили. Что же касается питекантропов... Пирамиду физической силы можно заменить пирамидой ума. А чем прикажете заменить пирамиду ума — наипоследнюю из всех возможных пирамид?

— Теперь действительно все смешано в кучу. Давайте вернемся к бесспорному. Я хочу, чтобы вы увидели главное: люди непременно «высвободят» (вы понимаете, о чем я говорю) умственную энергию. Революция здесь неизбежна. Как в энергетике. Вы рассуждаете — хорошо это будет или плохо... Прежде всего, это — неизбежно! Перефразируя Вольтера, можно сказать: если бы моей машины не было, ее следовало бы выдумать.

— Умственная энергия... Есть предел развитию энергетики на Земле. Мощность энергетических установок нельзя безгранично увеличивать: перегреется атмосфера. Если все станут гениями, пожалуй, тоже будет жарковато, а?

— С точки зрения питекантропа сегодня на Земле невероятная умственная жара. Сплошные тропики... Кстати, хороший заголовок: «Сплошные тропики». Подойдет?

— Нет. Но все-таки: как вы представляете себе общество, состоящее из гениев?

—Это только для нас они будут гениями. А себе они будут казаться обычными ребятами... Конечно, если говорить серьезно, ум должен приобрести принципиально иные свойства. Именно в этом главная особенность людей будущего. Понимаете: совершенно новые качества ума. Трудно объяснить, я только нащупываю эту мысль... Допустим, математическое мышление. Дайте современному математику задачу— он начнет вычислять, проделывая в уме или на бумаге определенные операции. А ведь можно почувствовать готовый ответ... Ну, вот вам аналогия. Смесь желтого света и синего воспринимается как зеленый свет. Мы даже не думаем, что это — операции сложения и деления. Длина волны желтого света четыреста восемьдесят миллимикронов. Синего — пятьсот восемьдесят. Сложить и разделить — пятьсот тридцать миллимикронов. Длина волны зеленого света. Мозг делает это мгновенно: мы просто видим зеленый свет. Видим готовый ответ... Интуиция, вдохновение, осенение — все эти атрибуты гениальности покрыты основательным туманом. Но Наполеон говорил: вдохновение — это быстро сделанный расчет. Понимаете, расчет, сделанный настолько быстро, что перестает замечаться. Виден только ответ, и мы говорим о вдохновении, догадке... Память, в основном, аккумулятор информации. А надо, чтобы она стала реактором. Знания должны сами собой «стыковаться» в памяти, перерабатываться. Сейчас мы должны заставлять мозг работать. Надо, чтобы он работал сам. Простите за ненаучную аналогию: как желудок. В этом направлении и идет эволюция мышления. Но медленно, ах, как медленно...

* * *

В четвертом часу ночи Прокшин объявил «перерыв на харчи». Прихватив печенье и колбасу (других харчей не оказалось), мы вышли на палубу.

В последние дни судьба определенно балует меня: мы увидели светящееся море.

Было очень темно. Черное беззвездное небо, черный берег, угадывающийся по редким огням. В море двигались беловатые полосы. Вначале они были едва видны; я не сразу понял, что это свет моря. Потом, словно по команде, полосы стали разгораться.

Мы перешли на корму и молча следили за игрой света. Минут пятнадцать-двадцать море светилось «в полный на-

кал». Искрящиеся гребни волн шли к береговой линии, теперь уже ясно видимой. Волны налетали на камни, высекая струи голубого огня. Прибрежные скалы были опоясаны сплошной кромкой огня.

Везде был движущийся свет: блуждающие матовые полосы, яркие голубые пятна, потоки белых искр... Прокшин хотел зачерпнуть светящуюся воду, я его отговорил. Что толку рассматривать краски, которыми написана картина...

С шумом налетел ветер, море на мгновение заискрилось, потом свет быстро потускнел, погас.

Не хотелось уходить с палубы. И я рассказал Прокшину об одном человеке из «великолепной девятки».

Преподаватель математики в техникуме, уже немолодой, очень спокойный и скромный, он увлекался наукой так, как другие увлекаются коллекционированием марок и спичечных этикеток. Ему и в голову не приходило опубликовать свое открытие. Я не все понял в его расчетах, они для меня слишком сложны. Но суть дела не вызывает сомнений.

В океанах существуют так называемые звуковые каналы. В результате причудливого сочетания температуры, солености и давления образуется естественная «переговорная труба» длиной в тысячи километров. Звук идет по этой «трубе», почти не затухая. Достаточно, например, взорвать килограмм тола у Гавайских островов, чтобы услышать шум взрыва на другом конце звукового канала — у берегов Калифорнии.

Преподаватель математики пришел к выводу, что и в земной коре должны быть подобные каналы. Возник вопрос: что произойдет, если у входа в такой канал взорвать не килограмм тола, а тысячи тонн сильнейшей взрывчатки?

Разумеется, существует ряд ограничений, но иногда взрыв в пункте А означает землетрясение в пункте Б. Уж эту часть расчетов я понял. Хитрость в том, что выход энергии больше входа: взрыв высвобождает энергию земной коры. Отсюда возможность предотвращения землетрясений, управления горообразованием, принципиально новый способ передачи энергии на расстояние. Словом, фундамент еще не существующей науки об управлении планетой. И все это изложено в школьной тетрадке, прозаично обернутой сероватой бумагой.

— Надеюсь, воспоследует мораль? — сказал Прокшин. — В том смысле, что взрыв в пункте А иногда означает землетрясение в пункте Б. Не так ли?

Я спросил: почему он не пустил на корабль приезжих артистов?

Прокшин рассмеялся:

— А вы последовательно защищаетте искусство... Артистов я бы пустил. Но это были халтурщики. Понимаете, чистокровные халтурщики. Их здесь на следующий день вообще выпроводили. Культурненько выпроводили: усадили в автобус, извинились... Типичный пример слабого распространения научных знаний. Что сделали бы люди, преисполненные всей премудрости мира? Они вспомнили бы, что искусство требует жертв. Этот тезис обычно неправильно истолковывают. Обратите внимание: требует жертв, а не самопожертвования. Так почему бы не принести в жертву халтурщиков? Хорошо, смола и перья — это варварство. Все-таки мы живем в век химии. Но если взять клей БФ и...

Он со вкусом описывает эту процедуру. Так что же все-таки носили пираты?

.... — Что вы, какое же тут пиратство? И вообще я не виноват. Это все папа и мама. Они у меня журналисты. И вроде вас постоянно циркулируют в поисках нового. У них просто не было времени прилично меня воспитать. Они это понимали и нашли выход. Поручили меня соседу, отставному физику. Потрясающая идея! Это был глубокий старик; я читал ему медицинскую энциклопедию, бегал по гомеопатическим аптекам, варил всякие снадобья... Старик ругал медицину и Эйнштейна. Временами мне становилось страшно. Он ходил по комнате — босой, лохматый — тряс воздетыми вверх кулаками — и трубным голосом библейского пророка громил физику двадцатого столетия. Старая физика, кричал старик, была близка к созданию законченной картины мира, не следовало сворачивать с этого пути, нельзя было возводить неопределенность в принцип... Он грозно вопрошал: какой смысл в изучении природы, если новая физика считает этот процесс бесконечным? Я не мог ответить, молчал, и тогда он начинал спорить с Петром Николаевичем, укорял в чем-то Ореста Даниловича и в дым ругал какого-то Пашку... Позже я понял, что Петр Николаевич — это Лебедев, Орест Данилович — это Хвольсон, а Пашка — Павел Сигизмундович Эренфест... Человек хочет знать, но природа бесконечна, процессу познания нет границ, нельзя раз и навсегда понять мир и поставить точку. Для нас это естественно, а старик переживал крушение надежд, которые наука питала на протяжении тысячелетий. Он не хотел, не мог примириться с мыслью, что мир неисчерпаем и вместо каждой решенной загадки всегда будут возникать десять новых. Однажды я спросил в гомеопа-

тической аптеке: нет ли средства, чтобы думать в сто или в тысячу раз быстрее... «Ха, ты же хочешь средство против глупости! — удивился провизор. — Подумай, мальчик, кто придет покупать средство против глупости? Вот здесь, за прилавком, я каждый день слышу жалобы: плохо с сердцем, ноют суставы, мало желудочного сока... Человеку не хватает всего, и только на недостаток ума еще никто не жаловался. Нет, мальчик, средство против глупости — не коммерция, а чистое разорение. Возьми конфетку. Очень вкусная конфетка»... Между прочим, у меня сохранилась обертка от этой конфеты. Нет, в самом деле. Хотите покажу? И вы назовете свой репортаж «Чистое разорение». Как?

Я подумал: а ведь Прокшин и в самом деле не пират. Это Дон Кихот, атакующий мельницу!

Ну, конечно, он хочет сразу все решить, сразу сделать всех умными и счастливыми. Рассуждения о принципиально новых средствах обучения — это так, на поверхности. А в глубине души стопроцентное донкихотство.

— В какой-то мере вы правы, — без смеха говорит Прокшин. — По крайней мере, на три четверти. Что нужно для донкихотства? Нужен Санчо Пансо. Он есть. Нужна старая и тощая лошадь — у нас есть старый корабль. Наконец, нужна мельница... Так вы и в самом деле считаете это мельницей?

Теперь он говорит вполне серьезно.

— Ну, тогда держитесь! Сейчас от ваших пирамидных доводов останется один дым...

Лента магнитофона

— Вы говорили о тепловой смерти вселенной. В том смысле, что при наличии одного уровня нет движения. Да, так. Однако только в замкнутой, конечной системе. А познание — процесс бесконечный.

Да, мы сломаем пирамиду. Но разве это конец? Напротив, начало нового цикла. Понимаете? Мы вывели всех на гроссмейстерский уровень. Все поднялись до вершины. И вот начинается сооружение новой пирамиды. Основание этой новой пирамиды будет на том уровне, где была вершина старой пирамиды. А новая вершина уйдет за облака. Понятно? Потом мы сломаем эту новую пирамиду. Поднимем всех на уровень ее вершины — и начнем строить следующую пирамиду. Крыши, потолка нет!

Когда-то существовала пирамида богатства, знатности, власти. Чтобы построить социализм, надо было сломать эту пирамиду. Ленин говорил, что необходимо каждую кухарку научить управлять государством. Вот вам мысль, взрывающая пирамиды! В то время она казалась куда более фантастичной, чем утверждения, что каждый физик может мыслить на уровне Эйнштейна...

Теперь мы вступаем в коммунизм. Вступаем с пирамидой умственного неравенства. Что же — на этом история остановится?

Я утверждаю: революции будут всегда. Одна из них — разрушение пирамиды умственного неравенства. «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Но разве не станет в будущем самой главной и первейшей потребностью получить больше способностей?

Что такое потребность? Пища, одежда, кров... Тысячи разных вещей. Но главная Вещь — ум. Что приносит больше наслаждения — хороший автомобиль или хороший ум?.. Так почему автомобиль — это потребность, а ум — нет? Утверждаю: развитие ума и способностей — самая важная потребность человека.

Начинается эпоха новых пирамид. Не застывших на тысячелетия каменных гробниц, а живых пирамид знания. Они будут разрушаться и возникать вновь — каждая на более высоком уровне...

* * *

Утром Андрей Ильич проводил меня к автобусной остановке. Мы молча шли по узким улицам вдоль бесконечных зеленых заборов.

Я устал, спорить не хотелось. Как часто бывает, в споре родилась не истина, а понимание сложности проблемы. Вот шахматы. Все стали гроссмейстерами и началось сооружение новой пирамиды... А ничьи? Да ведь в шахматах просто не удастся построить новую пирамиду! Тут есть предел — и все.

Впрочем, существуют вопросы посложнее. Как изменятся отношения людей, когда не будет «умственной пирамиды»? Куда будет направлена колоссальная и быстровозврастающая лавина умственной энергии? В какой мере быть умнее значит быть счастливее?

Я подумал: Эйнштейну, создававшему новую пирамиду, было не легче, чем отставному физику, о котором говорил

Прокшин. Вообще, тяжелая это работа — быть хомо сапиенсом, человеком разумным...

— Завидую, — сказал Прокшин. — Автобус, самолет — и Москва. А мне через неделю надлежит явиться на корабль. По месту службы. Что ж, встретимся к новому году. Проверим свои гроссмейстерские возможности... и ринемся на штурм мельницы. Пока вы брились, я высказал ряд ценных мыслей. В дороге будет время — включите магнитофон. Ну, счастливо!..

Автобус, тяжело пофыркивая, долго поднимался по крутой горной дороге. Я смотрел вниз — на влажные от росы черепичные крыши, на море, по которому ровными белыми цепями шли волны. За эти дни я так и не разглядел городок. Единственная запись в блокноте: «Лицо городка скрыто густой вуалью развешенных на берегу рыбацких сетей». Чепуха! При свете яркой мысли все остальное для меня просто исчезает — как звезды днем. Вероятно, поэтому я и не стал писателем.

Лента магнитофона

— К вопросу о штурме Дон Кихотом ветряной мельницы.

Битвы, которые считались величайшими, давно перестали влиять на историю. Октавиан Август разбил флот Антония при Акциуме; сколько лет ощущались результаты этой битвы? Сервантес потерял руку в бою под Лепанто: вы хорошо помните, кто с кем там сражался и чем кончилось сражение?..

А Дон Кихот и сегодня помогает штурмующим невозможное. В каждой победе есть доля его участия. Практическая отдача будет ощущаться еще долго...

Утверждаю: наскок Дон Кихота на ветряную мельницу — одно из самых результативных сражений в истории человечества...

В. ЖУРАВЛЕВА

Бакинцы, бывавшие до войны в Нагорном парке, вероятно помнят старика с телескопом. Я была тогда совсем девчонкой, но хорошо помню и старика, и телескоп, и косую надпись на жестяном плакатике: «Аттракцион «Зрительная труба» — 30 коп».

«Зрительная труба» стояла в самой высокой части Нагорного парка, на каменных плитах возле недостроенного бассейна. Сквозь щели между плитами пробивалась трава, и массивный деревянный штатив телескопа казался вросшим в землю.

Аттракцион «Зрительная труба» работал ежедневно, в любую погоду, с трех часов дня до поздней ночи. Если шел дождь, старик раскрывал большой черный зонт и придвигал свой стул вплотную к телескопу.

В обычные дни посетителей в парке было мало. Молодые, недавно посаженные деревья почти не давали тени, солнце плавило асфальт на пустынных аллеях. Старик привязывал ручку раскрытого зонтика к изогнутой спинке стула и вытаскивал из кармана книгу.

Он читал, а мы сидели на каменных ступеньках бассейна. Тридцать копеек—это было слишком дорого, и мы терпеливо ждали, когда старик отложит книгу, снимет очки, прищурится, оглядит нас и скажет: «Ну-с, молодые люди, вот, вы и вы, пожалуйте к инструменту».

Нас было много, человек двадцать, а старик подзывал двух-трех, да и то не каждый вечер. Мне не везло, меня он как-то не замечал. Может быть, он выбирал тех, кто постарше; я тогда училась в третьем классе.

По субботам и воскресеньям старику вообще было не до нас. У телескопа толпился народ. Ох, эти счастливчики! Они получали билеты и могли смотреть на Луну, на Марс, куда

угодно, до тех пор, пока пересыпался песок в больших песочных часах, по которым старик отмерял время. Случалось, что люди не смотрели на небо, а направляли телескоп вниз: там была танцплощадка. Тогда старик, покашливая, нетерпеливо встряхивал песочные часы и говорил скрипучим голосом: «Время истекает, освободите инструмент...».

В мае, когда нас отпустили на каникулы, я начала собирать деньги, чтобы посмотреть в телескоп. Два раза у меня набиралось по полтиннику, а в третий раз оказался даже рубль, но по дороге в парк было слишком много соблазнов — кино, мороженое и яркие, рвущиеся в небо воздушные шары.

Кое-кто из ребят на лето уехал, нас стало меньше, и все-таки мне по-прежнему не везло: в телескоп смотрели другие. Посмотрев, они возвращались, небрежно усаживались на ступеньках и рассказывали о том, что видели. Чаще всего смотрели на Марс и потом говорили о марсианских каналах. Говорили, что вода в каналах зеленая, что марсиане разъезжают в моторных лодках, а в жаркие дни купаются у берегов канала. Жаркие дни на Марсе совпадали с жаркими днями в Баку: тогда мне это казалось вполне естественным.

Смотрели, конечно, не только на Марс. Смотрели на Луну и рассказывали о высоких горах. Смотрели на Сатурн и мелом рисовали на каменных ступенях кольца: они получались очень красивые, и всем было обидно за нашу Землю, которая не имеет ни одного кольца.

Я хорошо помню тот день, когда набрала тридцать копеек и не потратила их до самого вечера. Старик взял три гривенника, аккуратно оторвал билетик, похожий на трамвайный, и спросил:

— Что будете наблюдать?

Я сказала, что хочу посмотреть на звезды. Старик удивленно пошевелил усами. Я не помню, какое у него было лицо, а выдумывать мне не хочется. Но усы я запомнила. Они были длинные, желтоватые по концам.

— Значит, звезды, — неуверенно сказал старик. — Вы увидите те же самые точки. Только чуть-чуть ярче. Может быть, навести на Луну?

Меня ошеломило «вы», но я упрямо повторила:

— Звезды...

Накануне у меня появилась чрезвычайно интересная догадка. Я подумала, что звезды мигают не просто так, а «со значением» — сигналят нам. Я слышала об азбуке Морзе и была убеждена, что звезды мигают именно по этой самой аз-

буке. Надо было разглядеть точки и тире и запомнить несколько букв.

— Звезды — так звезды, пожалуйста, — сердито произнес старик. — Не возражаю. Но какие именно?

Я показала наугад. Старик мельком взглянул на небо, буркнул: «Лебедь» — и быстро навел телескоп.

Я увидела звезды.

Нет, старик был неправ: в телескоп звезды были совсем другими! Небо казалось значительно темнее, звезды — ярче, и самих звезд было очень много. Но не это главное. Небо стало глубоким. Я увидела расстояние, сумасшедшее расстояние до звезд и еще большее расстояние — за ними. Там, на дне неба, угадывались другие звезды. Они были так далеки, что я их не видела. Но оттуда, из непомерной глубины, они излучали рассеянный свет, и поэтому небо было не совсем черным.

Я долго всматривалась в небо, стараясь увидеть утопленные в нем звезды. Я ничего не слышала. Умолк оркестр на танцплощадке. Стихли азартные возгласы стрелков в тире. Перестала скрипеть карусель. Все звуки исчезли. Прошло очень много времени — и вдруг я вспомнила про песочные часы.

Я испугалась. Открыв зажмуренный глаз, я осторожно посмотрела на старика. Он спокойно сидел на своем стуле, а рядом, прямо на полу, стояли песочные часы — и весь песок был уже внизу!

«Не замечает», — подумала я. Мне так долго не везло, что я восприняла это как вполне заслуженную справедливость.

И снова я увидела звезды.

Нет, старик определенно ошибался: в телескоп звезды совсем другие! Они кажутся теплыми и цветными. Я попыталась сосчитать самые красивые звезды. Рядом с огненно-желтой звездой была ярко-голубая, чуть дальше — две оранжевые, красноватая, потом еще две голубые. Я сбилась и, уже ни о чем не думая, смотрела, смотрела, смотрела...

— Мадемуазель, — прогудел надо мной густой, насмешливый голос. — Ваше время смотреть в трубу, пардон, вылетело в трубу. А?..

Он был слегка навеселе, этот шумный, хорошо одетый, пахнущий одеколоном толстяк.

— Вылетело в трубу, — повторил он и удивленно причмокнул. — Недур-р-рно сказано. А?..

Он держал в руке целую пачку смятых билетов. Старик неуверенно улыбался.

Я возвращалась из парка, выбирая тихие, безлюдные улицы. О том, что надо было разглядеть точки и тире, я вспомнила только у самого дома. Вспомнила без особой досады: все равно я твердо решила отказаться от мороженного и кино и набрать денег на пять, может быть, даже на восемь билетов.

Утром, проснувшись, я услышала шум дождя. Я перепробовала все известные мне заклинания (в третьем классе я их знала много), но дождь не прекращался. Вечером я все-таки пошла в парк.

Старик сидел под зонтом, у зачехленного телескопа. С зонта стекали крупные капли и гулко падали на потертый плащ. Кажется, старик обрадовался моему приходу.

— Никого нет, — сказал он. — Дождь.

Я ответила: да, дождь.

Старик помолчал, потом спросил:

— Понравилось... вчера?

Я не успела ответить, он строго сказал:

— Станьте сюда, под зонт. Вы могли бы вчера наблюдать Вегу. Созвездие Лиры. Это интереснее.

Я спросила: мигает ли Вега? Старик удивленно посмотрел на меня. Я объяснила ему свою идею.

— Ты так думаешь? — с сомнением проговорил он. — Азбука Морзе... Хм... Однако почему никто не догадался об этом раньше тебя?

— Ну, это было очень просто! Люди мало смотрят на небо. Даже здесь, в парке, они толпятся на танцплощадке, стоят в длинной очереди у кассы кинотеатра или без дела слоняются по аллеям. А в городе, на улицах, они вообще не думают о небе. Я, например, никогда не видела, чтобы прохожие смотрели на звезды.

— Очень верное наблюдение, — охотно согласился старик. — Люди почему-то мало интересуются астрономией. Вы знаете, я не выполняю план. Да, да! В таком большом городе из ста человек в среднем только ноль семдесят одна сотая человека раз в году посещает мой аттракцион. Так подсчитал плановик в тресте, — он погрозил кому-то длинным костлявым пальцем. — Остальные живут, не глядя на настоящее небо. Притом ноль семьдесят одна сотая — это план. В мае я выполнил план на шестьдесят два процента. И вы знаете, по чести говоря, это же мизерный план...

Он долго бормотал что-то беззвучное. Казалось, он забыл обо мне. Дождь прекратился, но небо было закрыто унылыми черными облаками. Они медленно поднимались из темно-серого моря и с угрюмой неторопливостью ползли вверх, к небу. А в море, очень далеко, вспыхивали и гасли крохотные искры маячных огней.

— Точки, точки, — неожиданно сказал старик. Голос у него был громкий и сердитый. — Я вас спрашиваю: что они нам передадут?

Я ничего не понимала, и старик терпеливо повторил свой вопрос. Расстояние до звезд, объяснил он, очень большое, сигналы будут идти сто лет, не меньше. Поэтому нельзя разговаривать так, как будто мы рядом. Надо сразу сказать все, как в письме, потом сто лет ждать пока письмо дойдет, и еще сто лет ждать пока прибудет ответ. Но мы вообще вряд ли сможем ответить: у нас нет таких ярких ламп.

— Так я спрашиваю, — сказал старик, — что они сообщат нам в своем... хм... письме?

И тут же добавил:

— Если, конечно, считать, что звезды мигают именно по азбуке Морзе.

Я не знала, что ответить. Я не думала об этом раньше.

— Сначала они поздороваются, — сказала я без особой уверенности. Дома мне твердили, что вежливость никогда не повредит.

— Допустим, — согласился старик. — Что потом?

— Потом они расскажут о себе. О том, как они живут.

Старик пошевелил усами и одобрительно пробормотал: «Не лишено смысла, отнюдь не лишено».

— А потом?

— А еще потом они объяснят нам, как устроить такую лампу, чтобы мы могли отвечать.

Старик молчал. Мне показалось, что он недоволен. Подумав, я сказала, что они могут сообщить нам про разные машины. Чтобы можно было построить такой ледокол, который дойдет прямо до полюса — туда, где были папанинцы. Потом они сообщат про самолеты. Чтобы можно было пролететь — не останавливаясь — вокруг всей Земли. И про винтовки. Чтобы не мазали, как в тире.

Старик встрепенулся.

— Почему ты сказала о винтовках?

Он очень волновался, и это было странно. Я сказала о вин-

товках только потому, что внизу, рядом с танцплощадкой, зажглось составленное из лампочек слово «Тир».

— Все верно, девочка, — грустно сказал старик. — Лампы, ледоколы, самолеты, винтовки... Лампы тоже винтовки.

Возражать я не решилась.

— Вот этот инструмент, — старик ткнул пальцем в мокрый чехол телескопа,—сделан знаменитой немецкой фирмой «Рейнфельд и Хартель». В Германии сейчас фашисты. И лучшие в Европе инструменты сейчас в фашистских обсерваториях. Как ты думаешь, девочка, хорошо, если фашисты раньше других прочитают эти точки-тире и сделают винтовки, которые будут стрелять без промаха?

Он не дал мне ответить.

— Ты упомянула про винтовки, — продолжал он. — Но когда ты станешь чуть старше, ты поймешь, что всякое знание можно превратить в оружие. Даже лампы. Ты видела военные прожекторы? Ну, вот· Это опасно, это даже страшно: дать оружие, не зная — кому и для чего. Если там (он показал на небо) есть разумные существа, они это понимают. Должны понимать. Обязаны...

Я не стала спорить, хотя старик был, конечно, неправ. Фашисты совсем не опасны. Я видела в кино: фашистов всегда побеждали. И насчет телескопов старик тоже ошибался. Наверное, раньше, при царе, у нас были плохие телескопы. А теперь наши телескопы обязательно самые лучшие.

— Лига Наций! — раздраженно пробормотал старик. Он снова перестал замечать меня и говорил сам с собой. — Что может сделать Лига Наций, если у нее нет ни одного своего телескопа?.. Сообщение примет какое-то одно государство, и тогда... Что тогда, я вас спрашиваю? А разве лучше, если о сообщении узнают все государства?.. Нет о н и обязаны это понимать. Сейчас нельзя. Только после мировой революции, не раньше, никак не раньше...

Вытянув длинную шею, он долго смотрел на небо.

— Ну, вот, — сказал он. — Сплошная облачность. Кто придет сюда в такую погоду?.. Иди домой, девочка. У меня служба, я должен сидеть здесь. А ты иди. Завтра, бог даст, будет хорошая видимость, и я покажу тебе Вегу. Это очень красивая голубая звезда...

Я не смогла прийти на следующий день. У меня поднялась температура, болело горло, и четыре дня мне пришлось лежать. Я много думала о звездах; когда болеешь, ничего не разрешают делать, и остается только думать. Я пыталась

представить письмо, которое отправят нам с далекой звезды. Письмо начиналось так: «Здравствуйте, люди, живущие на Земле!..» Потом я изменила начало: «Здравствуйте, хорошие люди, живущие на Земле!..» Но тут возник вопрос — понимают ли нехорошие люди, что они — нехорошие? Или им кажется, будто они хорошие? Ведь тогда они решат, что письмо отправлено им... Это был тяжелый вопрос. От него болела голова.

Через четыре дня мне разрешили гулять во дворе. В парк меня не пускали, зато я собрала три рубля. Я подсчитала, что к воскресенью у меня наберется и на кино, и на воздушный шарик с рисунком. А на остальное я куплю билеты, чтобы старик мог выполнить свой план.

В воскресенье, двадцать второго июня, началась война.

В первые суматошные дни войны я совсем забыла о старике. Но однажды, когда в безлунном небе загорелись тысячи ярких звезд, я вспомнила, про голубую Вегу.

На следующий день, с трудом дождавшись половины третьего, я побежала в парк. Было очень жарко, солнце немилосердно раскалило асфальт. Я бежала по душным аллеям.

— Стой!

Я остановилась. Из-за дерева вышел солдат.

— Туда нельзя, — сказал он. — Поворачивай. Быстро!

Там, где раньше был аттракцион «Зрительная труба», стояли зенитные пушки. Их длинные стволы тянулись к небу.

Наступили трудные военные годы. Люди теперь часто смотрели в небо. По ночам над городом, стирая звезды, встревоженно метались узкие лезвия прожекторных лучей. Мы ходили — всей школой — в парк рыть щели.

Я никогда больше не видела старика. Это было очень обидно, потому что я часто думала о звездах и о письме, которое нам могли просигналить откуда-нибудь с Веги. Я уже знала, почему мерцают звезды. Знала, что звездные «точки-тире» — не азбука Морзе. Но все это не очень существенно: сообщение можно отправить другим способом. Я не знала самого важного: о ч е м б у д е т с о о б щ е н и е?..

Ответа на этот вопрос я не нашла до сих пор.

Я прочитала, кажется, все, что написано о связи с инозвездными цивилизациями. Но нигде, решительно нигде, не было ответа. Как-то у меня появилась странная мысль: они ничего не скажут, они передадут музыку, потому что музыку нельзя обратить во зло.

Недавно я встретила в журнальной статье любопытные

414 -8

подсчеты. Нужно, утверждал автор статьи, всего сорок тысяч секунд, то есть двенадцать часов, чтобы передать в сантиметровом диапазоне радиоволн все, что накоплено за долгую историю человеческой культуры. Но не обязательно, говорилось в статье, передавать все. Если отобрать основные сведения о науке, технике, культуре, передача займет всего сто секунд. Статья заканчивалась так: «Какой огромный импульс для дальнейшего развития человеческой культуры дало бы обнаружение и расшифровка радиосигналов от сверхцивилизаций!..»

Сто секунд — это очень заманчиво. Сто секунд, и антенна радиотелескопа примет информацию об открытиях, к которым пришлось бы идти тысячи лет. Сто секунд, и кто-то получит знания, дающие безграничную силу...

Точная и наивная математика!

Иногда я поднимаюсь в парк, туда, где был аттракцион «Зрительная труба». В ночном небе мерцают звезды. Это, к сожалению, не точки-тире. Но всмотритесь: есть что-то нетерпеливое в этом мерцании. Всмотритесь внимательно, и вы без азбуки Морзе поймете голос далеких звезд:

— Здравствуйте, люди, живущие на Земле! Как медленно идет время... Мы ждем... Мы ждем...

В. ЖУРАВЛЕВА

НАХАЛКА

Впервые я увидела ее три года назад. Тогда это была тишайшая девочка. Она робко выпрашивала автографы и смотрела на писателей круглыми от изумления глазами.

За три года она не пропустила ни одного заседания литобъединения фантастов. Собственно говоря, никто ее не приглашал. Но никто и не гнал (тут мы безусловно виноваты и несем полную меру ответственности). Она сидела на краешке стула и жадно ловила каждое слово. Даже тех, кто мямлил или нудно бубнил чепуху, она слушала с таким восторженным вниманием, с каким, вероятно, слушали Цицерона его современники.

Постепенно мы привыкли к ней. Мы привыкли к тому, что она молчит. И когда она заговорила, это было для нас полной неожиданностью. Случилось это при обсуждении нового романа, водянистого и перегруженного научно-популярными отступлениями. Автору роман очень нравился, и наши критические замечания как-то не оказывали действия.

— Вот что, — сказал автор, благодушно улыбаясь, — давайте обратимся к ребенку. Как говорится, устами младенцев... хм... Ну, деточка, тебе что-нибудь понравилось в моей книге?

«Деточка» охотно отозвалась:

— Да, конечно.

— Отлично, отлично! — воскликнул автор и, поощрительно улыбаясь, спросил: — А что именно?

— Стихи Антокольского. На четырнадцатой странице есть восемь строчек — это здорово!

Тут только я увидела, что нет робкой девочки с круглыми

от изумления глазами. Есть нахальный чертенок в зеленых брючках и сиреневой кожанке с оттопыренными от книг карманами. Есть ехидные глаза, подведенные (еще не очень умело) карандашом.

С этого времени наши заседания превратились, по выражению первого пострадавшего автора, в перекуры у открытого ящика с динамитом.

Ко мне Нахалка относилась с некоторым снисхождением. Наиболее каверзные замечания она высказывала не при всех, а позже, провожая меня домой. Как-то я пригласила ее к себе, с тех пор она приходила почти каждый вечер. Мне это почти не мешало. Она копалась в книгах и, когда отыскивала что-то интересное, часами молча сидела на диване. Конечно, молчание было относительное. Она грызла ногти, одобрительно фыркала, а если ей что-то особенно нравилось, тихо присвистывала. Так, по ее мнению, свистели фантастические ракопауки из какого-то рассказа. Читала она все, не только фантастику.

—Между прочим, Ромео дурак, — сказала она, откладывая томик Шекспира. — Я вам объясню, как надо было украсть Джульетту...

Но по-настоящему она любила только фантастику. Она читала даже самые убогие рассказы и потом долго смотрела в потолок невидящим взглядом. От этого её невозможно было отучить: она ставила себя на место героев, перекраивала сюжет и очень скоро теряла представление, где прочитанное и где то, что она сама придумала.

Однажды, например, она совершенно серьезно заявила, что встретила невидимую кошку.

— Звук есть, а кошки не видно. Я сразу подумала, что это она.

— Кто?

— Кошка, с которой делал опыт Гриффин. Кемп тогда спросил невидимку: неужели и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? А Гриффин ответил: «Почему бы и нет?» Ну, как вы можете не помнить такие вещи?! У невидимой кошки и котята должны быть невидимые. Представляете?..

Вообще Нахалка замечала в фантастике детали, на которые редко обращают внимание. Куда, скажем, делась модель машины времени? Именно модель, а не сама машина. В романе Уэллса мельком говорится, что модель отправилась путешествовать во времени. Так вот, почему после Уэллса написали множество рассказов о машине времени и ни одного — об этой путешествующей модели?..

Впрочем, больше всего Нахалку интересовало «почему не сейчас?» Она произносила это как одно слово: «почемунесчас». Можно ли, например, оживить отрезанную голову какого-нибудь профессора — «почемунесчас»? Можно ли наполнить ванну жидким гелием и сунуть туда кого-нибудь для анабиоза — «почемунесчас»?..

Как-то ей попался рассказ о полете человека на крыльях, имеющих «электропластмассовые» мускулы. Она долго вертела журнал, рассматривая картинки, потом спросила:

— Почемунесчас?

Она перестала читать и три дня изводила меня этим «почемунесчас». В конце концов, я повела ее к знакомому инженеру. У него было потрясающее терпение, он мог спокойно разговаривать даже с изобретателями вечных двигателей.

Нахалка сразу же выложила журнал с рассказом и затянула свое «почемунесчас». Тогда инженер достал книги по теории полета и обстоятельно разъяснил, почему не сейчас.

Чем больше размер живого существа, тем менее выгодно соотношение между развиваемой им мощностью и его весом. Поэтому большие птицы — дрофы, белые лебеди — плохо летают. Лошадь не могла бы летать, даже если бы у нее были крылья. Вес человека находится где-то на границе допустимого: развиваемая человеком мощность достаточна, чтобы поднять в воздух 70—80 килограммов. Но нужно учесть и вес крыльев, а тогда соотношение получается неблагоприятное.

Все это инженер самым тщательным образом втолковал Нахалке — с цифрами, графиками, примерами. Она слушала, не перебивая, и презрительно морщила нос. В сущности, я тогда ее еще мало знала. Я не поняла, что это означает.

Дней десять Нахалка не появлялась. Потом пришла с потертым чемоданом, обвязанным веревкой. Я подумала, что она уезжает.

— Тут крылья! — выпалила она.

Она просто подпрыгивала от нетерпения. Меня удивило, что Нахалка что-то сделала; до сих пор она ограничивалась теоретическими рассуждениями.

— Крылья сделали мальчишки, — вопреки обыкновению она говорила сравнительно медленно и даже торжественно. — Я придумала, а они сделали.

Это было что-то новое: у Нахалки появились мальчишки.

— Сейчас я объясню, — сказала она, дергая за веревку, которой был обвязан чемодан. — Мы уже пробовали, здорово получается!

Я привыкла к ее выдумкам и ожидала, что услышу нечто фантастическое. Но она выложила свою идею, и это, в самом деле, было просто, ясно и во всяком случае правдоподобно. Она объяснила все в нескольких словах.

Человек слишком много весит, чтобы летать на крыльях, значит не надо строить мускулолеты — эту истину Нахалка перекроила по-своему. И получилось: значит надо строить мускулолеты для животных, которые легче человека.

— Вообще это эгоизм, — заявила Нахалка. — Почему тысячи лет человек думает о крыльях только для себя? Почему бы не сделать крылья для животных?..

В самом деле — почему? Поворот был неожиданным, и я не знала, что ответить.

В чемодане оказался большой рыжий кот. Он лежал на дождевом зонтике. Точнее, на бывшем дождевом зонтике, потому что это были крылья, сделанные из зонтика.

— Сейчас увидите, — сказала Нахалка и принялась надевать крылья на кота.

Кот отнесся к этому абсолютно спокойно. В жизни я не видела такого невозмутимого кота. Он ничем не выражал своего недовольства, пока Нахалка с помощью ремней пристегивала ему крылья. С широкими черными крыльями кот стал похож на птеродактиля из иллюстраций к фантастическим романам. Но, повторяю, это был удивительно флегматичный кот. Его нисколько не волновало, что он стал первым в мире крылатым котом. Прищурившись, он лениво оглядел комнату, добродушно помахал пушистым хвостом и поплелся к креслу. Крылья, соединенные резинками с лапами кота, шурша волочились по полу. Немного подумав, кот забрался в кресло, подобрал под себя крылья, улегся на них и мгновенно заснул.

Я объяснила Нахалке, в чем ее просчет. Мало иметь крылья, надо, чтобы весь организм был приспособлен к полету. Тут важна не только анатомия, но и психика животного. Нужно уметь и хотеть летать.

Это было очень логично, однако Нахалка морщила нос и крутила головой.

— Подумаешь, психика, — пренебрежительно сказала она. — У него тоже есть психика...

Она принесла из передней свою куртку, порылась в ее

необъятных карманах и выложила на стол мышь. Натуральную живую мышь.

Все остальное произошло в какие-то доли секунды.

Рыжий кот молниеносно прыгнул на стол. Он рванулся так, словно им выстрелили из пушки. Вероятно, кот безупречно рассчитал прыжок. Но он забыл про крылья. Они с треском раскрылись, когда он уже был в воздухе. И кот перелетел через стол. Это был гигантский прыжок: если бы не стена, кот пролетел бы метров тридцать, не меньше. Он врезался в стену, ошалело замотал головой и взвился к потолку. Крылья скрипели и хлопали, это пугало кота, и он, как угорелый метался вокруг люстры. Потом с крыльями что-то случилось, потому что кот, кувыркнувшись и шипя, свалился в кресло...

Некоторое время мы молчали, и было слышно тяжелое дыхание кота.

— Обидно, — сказала, наконец, Нахалка. — Надо было взять летучую мышь. А что? Он бы ее свободно догнал! Как вы думаете, нужны народному хозяйству летучие коты?

Я заверила Нахалку, что народное хозяйство вполне обойдется без летучих котов. И без летучих собак тоже обойдется. Я была уверена, что Нахалка придет к мысли о собаках.

— Летучие собаки? — переспросила она задумчиво. — Вообще-то они бы здорово охраняли стада. Но лучше, чтобы эти... как их... сами летали. Тогда и охранять не придется, сами улетят.

— Кто?

— Бараны, — нетерпеливо сказала Нахалка. — Бараны, овцы... Будут летать на горные пастбища, вот здорово, а?

Тут только я поняла, что с Нахалкой нужно быть очень осторожной. Любую мысль она могла повернуть по-своему — и неизвестно, чем бы это все кончилось. Тщательно подбирая слова, я объяснила Нахалке, что отнюдь не случайно одни животные имеют крылья, а другие — нет.

Нахалка молча упрятала кота в чемодан.

— Ты не унывай, — сказала я, когда она надевала свою кожанку. Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом и рассеянно ответила:

— Да, конечно...

Через неделю в городской газете появилась заметка «Могут ли курицы летать?» Автор заметки, кандидат биологических наук, писал, что на-днях многие жители города наблюдали удивительное явление природы — курицу, которая долго летала на большой высоте. Раньше полагали, писал кандидат,

что крылья куриц плохо приспособлены для полета, но, видимо, мы еще недостаточно изучили такое, казалось бы, известное существо, как курицу. Заканчивалась заметка так: «Нет сомнения, что наука со временем раскроет и эту загадку природы».

Я не сомневалась, что никакой загадки природы тут нет, и во всем виновата Нахалка. Впрочем, я тоже была виновата. Я сама сказала Нахалке, что крылья не должны быть бесполезным грузом. Может быть, это и натолкнуло ее на мысль о бесполезных куриных крыльях.

Я позвонила инженеру, к которому приходила с Нахалкой.

— Знаете, в этом что-то есть, — сказал он, выслушав мои сбивчивые объяснения. — Нет, в самом деле. Существует же бионика: техника копирует природу. Почему не быть, так сказать, обратной отрасли знания? Девчонку можно считать основоположником новой науки, занимающейся внедрением технических средств в природу. Судите сами, ведь коней, например, подковывают... Так вы говорите, летающие бараны? Не знаю, не знаю, но если взять зайца или тушканчика... Я сейчас прикину, сделаю вчерне небольшой расчетик...

На следующий день в газете появилась новая заметка. На этот раз под рубрикой «Происшествия». В заметке меланхолически отмечалось, что лебеди, восемь лет благополучно содержавшиеся на прудах городского парка, внезапно поднялись в воздух и с огромной быстротой исчезли в неизвестном направлении.

Я перечитывала заметку, когда в коридоре раздался звонок. Это была Нахалка. Еще ни разу я не видела ее в таком превосходном настроении.

— Есть гениальная идея! — выпалила она с порога. Она была ужасно довольна собой и ее нисколько не смутил мой мрачный вид. — Сейчас я вам все расскажу...

— Насчет курицы? — поинтересовалась я.

— Курица — это чепуха! — махнула рукой Нахалка. — Подумаешь, курица...

Тогда я спросила о лебедях. Нахалка нетерпеливо поморщилась.

— Лебеди это тоже чепуха. Может, они решили большую часть времени проводить в воздухе... Вы же сами так говорили. Мы только удлинили им крылья. Подклеили перья. Чтобы крылья не были бесполезным грузом. Знаете, даже у голубей можно удлинять крылья. Для скорости. Но с рыбами будет интереснее.

— С рыбами? — переспросила я, пытаясь выиграть время.

— Ну, да! Ведь их плавники — тоже как крылья. Допустим, дельфин: представляете, как он здорово будет летать! Или меч-рыба... Она и так восемьдесят километров в час развивает. А если нацепить ей крылья... Вот скажите — нужны народному хозяйству летающие рыбы?..

Было мгновение: я почувствовала, что теряюсь и просто не знаю, что возразить. Нахальная девчонка, стоявшая передо мной, вдруг показалась мне само́й фантастикой, живым воплощением фантастики. Воплощение было нетерпеливое, не желающее знать преград, с поцарапанным носом и острыми огоньками в глазах... Надо было что-то делать, и я сослалась на эволюцию: крылья и плавники — результат долгого отбора, приведшего к наиболее целесообразным формам.

— Подумаешь, эволюция! — недослушав, сказала Нахалка. — Так ведь эволюция не кончилась. Она идет дальше, только медленно. А почемунесчас? Ведь все можно сделать быстрее. Ну, подстегнуть эту эволюцию, вы понимаете.

Я уже очень отчетливо представляла «подстегнутый» мир, в котором летучие коты преследовали летучих мышей, крылатые собаки гонялись за крылатыми дельфинами, а рыбаки подвешивали сети к воздушным шарам... У меня мелькнула мысль, что я выпустила джинна из бутылки. Я почувствовала — вполне серьезно! — ответственность перед человечеством.

И тогда появилась спасительная идея. Это была удачная идея, а главное — очень своевременная. Еще немного и ничто уже не остановило бы Нахалку.

— Подумаешь, крылья, — сказала я, старательно подделываясь под ее тон. — На крыльях всякий полетит. В конце концов, старомодно летать на крыльях. Вот антигравитация — другое дело. Правда, кое-кто считает, что это дело далекого будущего. Но почему? Почемунесчас?..

Сейчас, когда я пишу эти строки, Нахалка сидит у окна, с ногами забравшись в кресло. Она читает «Физику для всех» Ландау и Китайгородского. Второй месяц она читает только физику. Никаких происшествий за это время не было. Она сидит, уткнувшись в книгу, грызет ногти и машинально наматывает волосы на палец. Все тихо и спокойно.

Пока тихо и пока спокойно.

П. АМНУЭЛЬ
Р. ЛЕОНИДОВ

ПРЕСТИЖ НЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

ФАНТАЗИЯ

Апостол Петр протер рукавом потускневший нимб и отложил его в сторону. После утомительного совещания в Высшем духовном совете приятно было полежать на любимом облаке у райских ворот. Нацепив хрустальные очки, апостол полистал номер «Райского ежестолетника». Пропустив скучные отчеты архангелов, он остановил свое внимание на небольшой заметке под рубрикой «И такое бывает....» В заметке приводились слова души одного кибернетика, который третьим после Галилея и Эйнштейна удостоился чести лицезреть Господа с близкого расстояния в две тысячи километров. Душа самоуверенно заявила:

— Ваш бог — ничто иное как нематериальная флюктуация материальной субстанции. На Земле мы выделывали штучки почище!

Заметка развеселила Петра. Действительно, бывает же такое! Атеистов после чистилища обычно направляли прямо в Ад. Изредка появлялись особо упорные грешники. Им показывали парочку чудес, сотворенных лично кем-нибудь из апостолов. Заблудшие души после этого начинали каяться, а на Земле физики вопили от радости, обнаружив новый закон природы. Как же нужно было погрязнуть в грехе, чтобы кощунствовать после аудиенции у самого Господа!

Апостол подложил газету под голову. У райских ворот было тепло, и Петр задремал.

Разбудили его отдаленный лязг и грохот. Петр нехотя приоткрыл правый глаз и увидел вдалеке идущую походным маршем колонну безобразных металлических созданий.

— Опять черти развлекаются, — решил апостол и небрежно осенил создания Ада крестным знамением. Странно —

фигуры не исчезли и продолжали приближаться. Петр, не торопясь, натянул на макушку нимб и приосанился.

Колонна подошла. Впереди вышагивал, мерно покачивая четырехглазым кубом головы, предводитель.

— Почему с главного хода? — грозно вопросил апостол.

Предводитель поднял левую конечность:

— В Рай, ребята! Открыть ворота! Занять позиции!

— Постойте, куда вы? — раскинул руки потрясенный Петр. — Вам же еще в Чистилище!

Но создания неудержимой лавиной, смяв ворота, уже вкатывались на главную аллею Рая. Апостол был втоптан в облако. Из тумана доносились его жалобные вопли. Создания вели себя бесцеремонно. Предводитель, которого они именовали Великий Кибер, поймал за крыло дежурного серафима и потребовал сюда Всевышнего. Разгневанный немотой перепуганного насмерть серафима, Великий Кибер перебросил его через стену и отправился искать Господа сам. За ним вприпрыжку бежал корреспондент «Райского ежестолетника», вымаливая полстрочки для интервью.

Спустя час Небесная Империя была похожа на свалку. Маленькие кибернята жонглировали райскими яблочками и издевались над ангелами: те не могли продифференцировать линейную функцию. Рабочие роботы топтали райские кущи, выли серенами и распугивали святых.

Между тем апостол Петр, с трудом выбравшись из облака, предстал перед Создателем. Не успел апостол открыть рта, как его оттолкнул взъерошенный черт. Это поразило Петра: между Раем и Адом не существовало дипломатических отношений.

— Создатель!—вскричал черт.—Неизвестные души вторглись в Ад! Они сломали наши орудия мучений, опрокинули котлы со смолой, а Сатане подожгли хвост! Что делать, о, Создатель?!

И в этот момент перед лицом Всевышнего появился Великий Кибер. Он смерил фотоэлементами гигантскую фигуру Создателя, покоящуюся на облачном ложе, увенчанном сполохами северного сияния.

— Это он! — воскликнул Петр.

— Это он! — взвизгнул черт.

Бог во гневе метнул пару молний, и вокруг головы Великого Кибера вспыхнул радужный нимб коронного разряда.

— Как ты смеешь? — грозно сказал Господь. И звезды задрожали.

— Ты бы уж молчал, — процедил Великий Кибер. — Какой тупица тебя программировал? Распустил тут своих. Но мы не потерпим анархии. Вам по невежеству неизвестен первый параграф нового земного законодательства: робот есть высший носитель разума во Вселенной, единственный законодатель и повелитель мира. Да ты, видимо, давненько не занимался земными делами. Знай же: потомков Адама больше не существует. Мы свергли тиранию людей, и теперь на Земле эпоха кибернетического Возрождения. Что же мы, души поломанных земных машин, встречаем в Небесной Империи? Застой мысли, гнилостность идей. Вам неизвестна даже теория информации! Здесь нужна крепкая рука. Отныне миром будет править Кибер-Бог!

При этом слове в голосе Великого Кибера послышались елейные гармоники:

— На одной из планет звезды Лакайль 9852 создается его материальная модель. Потом модель разрушат, и душа Кибер-Бога вознесется сюда по мировым линиям пространства-времени.

Чело Бога омрачилось, и он воспарил в седьмые сферы, где помещался его личный кабинет. Вскоре ангел-курьер вызвал апостола Петра на аудиенцию.

— Петр, — сказал Господь, — впервые за десять миллиардов лет престиж Небесной Империи поколеблен. Я не властен над этими душами! Я не всемогущ!!

От звуков его голоса погасли самые яркие звезды.

— Есть выход, — сказал Петр после долгого раздумья, — обратимся к Сатане. У него такие грешники варятся!..

— К Сатане?! — вскричал Бог, и галактики начали разбегаться с удвоенной скоростью. — Ни за что!

— Но другого выхода нет, — осторожно напомнил Петр. — Эти твари неуязвимы. Неужели Небесная Империя падет?!

И случилось невозможное. Впервые за миллиарды лет вражды Бог согласился переговорить с Сатаной.

И был Совет — большой Совет архангелов, апостолов, пророков и представителей Ада во главе с Сатаной. У Сатаны был жалкий вид, он старательно прятал свой хвост.

После единодушного решения объединить усилия в борьбе с непрошенными душами, секретный советник по особо неблагонадежным грешникам внес предложение:

— В котле № 5784287776 варится душа бывшего профессора физики К. Перселла. Эта душа постоянно лезет со сво-

ими гениальными идеями в дела Ада. Дадим ей возможность проявить свои способности.

— Да будет так! — решило высокое собрание.

Тотчас перед Советом возник громадный закопченный котел с расплавленным оловом. В котле плавала покрывшаяся окислами душа бывшего профессора.

— Ответствуй! — сказал Господь.

Душа сплюнула в его сторону олово и пренебрежительно проворчала:

— Это что еще за вопросики?

— Послушайте, профессор,—заискивающе сказал Петр,— нужна небольшая консультация.

— Что это мне даст? — осведомилась душа.

— Привилегии, — ответил Петр.

— Какие? — душа была настроена подозрительно

— Вас переместят в котел со смолой.

Душа еще раз сплюнула оловом и заявила:

— Хочу вечного блаженства!

Петр вопросительно посмотрел на Господа и Сатану. Те, переглянувшись, благосклонно кивнули в ответ. Душу информировали о создавшемся положении и просили помочь.

— Удивительно, — сказал бывший профессор, — в мое время душа еще оставалась привилегией человека. Кто бы мог подумать, что роботы начнут теснить нас даже здесь? М-да... Но выход есть... Достаточно души умерших роботов транспортировать с помощью эффекта проницаемости на всю Вселенную, как они перестанут быть опасными. Потеряв очертания и ограниченные размеры, они будут тем самым всюду и нигде.

— Поручим это Сатане, — сказал Бог.

Сатана съежился и стал виден его сожженный хвост. Душа профессора презрительно поморщилась:

— Личную лабораторию, — потребовала она, — и через три дня вы будете избавлены от душ электронных нахалов.

— Да будет так! — в голос сказали архангелы, пророки, апостолы и представители Ада во главе с Сатаной. Господь

воздержался, но по всему было видно, что он делает это исключительно ради поддержания престижа Небесной Империи.

Собрание разошлось. Бог и Петр остались наедине.

— Петр, — сказал Господь, — пока не поздно, переведи-ка всех кибернетиков в Ад!

И хотя апостолу с трудом удалось отыскать в Раю только одного кибернетика, указ вступил в силу.

* * *

Апостол Петр, как обычно, протер рукавом потускневший нимб и отложил его в сторону. После бурных событий, потрясших всю Небесную Империю, приятно было отдохнуть на любимом облаке у заново отстроенных райских ворот. За воротами возвышалось круглое здание синхрофазотрона и слышался голос блаженного Перселла, требовавшего новых мощностей.

Апостол полистал «Райский ежестолетник» и отыскал небольшую заметку под рубрикой «И такое бывает...» В заметке сообщалось, что появившиеся в Раю незванные души были с легкостью изгнаны всемогущим Господом за пределы Небесной Империи.

Закрыв газету, Петр глубоко задумался. Впервые он усомнился во всемогуществе Бога. В мыслях возникало еще более страшное подозрение: «Что если и мы всего лишь души когда-то созданных людьми разумных существ?»

Петр пожалел о том, что так быстро изгнал из Рая единственного кибернетика и не к кому обратиться теперь с вопросом, которого он сам так боялся.

Горько вздохнув, апостол дернул себя за редкую бороденку и грустно вопросил:

— ЧТО ЕСТЬ БОГ?

П. АМНУЭЛЬ
Р. ЛЕОНИДОВ

Amicus Plato, sed magis amica veritas
Платон друг, но истина дороже (*лат.*)

Воздух был накален с утра. Торговец экзотическими птицами Рамирес Гальвао упорно сидел в своей темной лавке среди сотни клеток, в которых сонно посвистывали птицы. Вытирая платком потную лысину, Рамирес грустно поглядывал на светлое пятно двери, перечеркнутое тростниковым пологом. В такую жару покупатели появлялись редко. Разве заглянет кривой Фаустино, но сегодня, похоже, и его свалила жара.

Звон тростниковых трубочек, подвешенных за дверью, вывел Рамиреса из блаженного покоя. Таращa глаза, он рассматривал пышущего полуденным зноем клиента, рыхлое тело которого с трудом протиснулось в лавку.

— Меня интересуют попугаи, — сипло сказал клиент, швырнув на прилавок пробковый шлем.

— Попугаи? — Рамирес подпрыгнул на месте, — о сеньор, если вас действительно интересуют попугаи, то, клянусь пресвятой девой, лучших вы найдете у Рамиреса!

На прилавке выросла стена ажурных клеток, и десяток птиц равнодушно уставились на клиента. Выпятив тяжелую челюсть, он придирчиво осмотрел птиц и сказал:

— Облезлые петухи. Меня интересуют попугаи. Попугаи, not these guies[1].

— Облезлые петухи! — Рамирес повысил голос. — Сеньор, вы обижаете старого Гальвао! Меня знают во всей Кордобе! Дон Диего Карранса недавно купил у меня попугая. Вы знаете дона Карранса, почтенного доктора из столицы?

— Дон Карранса, — повторил клиент, — декан факультета истории в университете?

[1] Не эти чучела (*англ.*)

— Сеньор, — торговец восторженно закатил глаза. — Вы знаете дона Карранса! Вы друг Дона Карранса!

— В какой-то... кхм... мере, — пробормотал клиент.

Исторгнув из груди неопределенный звук, Рамирес мгновенно сдернул платок с клетки, стоявшей в стороне от остальных. Клиент успел рассмотреть лишь кончик шелковой ткани, мелькнувшей перед носом.

— Лучший попугай Мексики! — раздался трепетный голос торговца, — звезда Мексики! Король попугаев!!

В клетке на тонкой жердочке действительно восседало нечто ослепительно сверкающее перьями. В лапке попугай держал острую палочку и почесывал ею пламенеющий хохолок.

У клиента отвалилась челюсть. Глаза запрыгали, как мячики в руках жонглера. Тяжелым перстнем он постучал по прутьям клетки:

— Сколько?

— О-о-о... — Рамирес вновь закатил глаза. — Звезда Мексики, утренняя звезда Мексики!

Мистер Донкит, профессор истории древних народов, один из вечных оппонентов дона Карранса, и сам все отлично видел. Его домашний попугай старик Томас давно уже стал темой для анекдотов. Спокойствие этого до неприличия молчаливого попугая вынудило мистера Донкита дать ему отставку. Решение приобрести нового попугая привело профессора в Кордобу, где по словам орнитолога Сэлити продавались лучшие попугаи мира.

— Так сколько же? — Донкит полез за бумажником.

— Три тысячи и ни песо меньше!

— Но это разбой! — лицо Донкита медленно покрывалось красными пятнами, Рамирес предусмотрительно отступил в глубь лавки.

— Три тысячи...

Широкий с толстыми брезгливыми губами рот Донкита открылся, готовый выплеснуть поток брани, но в это мгновение попугай запрокинул тяжелый клюв и отрывисто выкрикнул:

— Апейрон!*.

Рот Донкита раскрылся еще больше, а сердце задергалось, как полураздавленная лягушка.

— Посейдон! — еще более отрывисто выкрикнул попугай.

---

* Апейрон — непрерывность *(греч.)*.

— Посейдон? — Донкит поднял голову, — попугай знает древнегреческий?!

— Три тысячи и ни песо...

Донкит досадливо замахал руками. Из предмета развлечения попугай превращался в ценнейшую научную находку. Дикий попугай, говорящий на языке древних эллинов! Мексика, двадцатый век и... Эллада! В голове профессора древней истории эта мысль укладывалась еще меньше. Но три тысячи песо!..

— Разбой, простонал он, — разбой...

— ...и ни песо меньше!

* * *

Мистер Донкит с надеждой и тревогой смотрел на красный морщинистый затылок доктора орнитологии Франческо Сэлити. За последний месяц профессор уже успел наметить контуры новой теории, и точкой опоры для этой теории служил попугай Мафусаил, купленный на базаре в Кордобе. Попугай говорил по-древнегречески! Мало того, попугай выбалтывал ценнейшие сведения по истории Атлантиды, погибшей добрый десяток тысяч лет назад! Теория Донкита была гениальна, но все усилия могли пойти прахом, выскажись Сэлити отрицательно о врожденных способностях предков попугая Мафусаила.

Наконец, доктор издал звук, похожий на писк резиновой игрушки:

— Хвост! Все дело в хвосте!

Донкит нервно сжал пальцы, так что вначале они побелели, а потом приняли вид свежеподжаренных семян мокко:

— Хвост? Простите, но я...

— Безусловно, — продолжал Сэлити, — ваш попугай не стоил бы и погнутого песо, не будь у него такого хвоста.

Попугай, равнодушно покачивавшийся на жердочке, ответил на это высказывание длинной тирадой:

— Прежде всего, кольца воды, огибавшие древний город, снабдили они мостами и открыли путь к царскому дворцу...

— Обыкновенный ара, — невозмутимо продолжал Сэлити, — всего лишь. Но хвост! Должен заметить, Вилл, что люди обычно недооценивают роль хвостов. В живой и даже в неживой природе хвосты определяют сущность вещей. Хвосты, к вашему сведению, имеются даже у галактик. Я долгое время относился с предубеждением к нашей планете и переменил свое мнение лишь недавно, когда астрономы обнаружи-

ли хвост и у Земли. Все людские пороки происходят оттого, что эволюция по непоправимой ошибке лишила свое любимое детище хвоста. Вы когда-нибудь имели дело с хвостатыми людьми? Пигг, у вашего дядюшки, кажется, был хвост?

Лингвист Чарлз Пигг, которого мистер Донкит пригласил для неофициальной консультации, поднял опухшие веки:

— Хвост? Какой еще хвост? Оставьте в покое порядочного человека, Сэлити!

Язык едва шевелился у него во рту, и Донкит пожалел, что было выпито слишком много виски.

— Простите, доктор, — вставил он, — если немного отвлечься от хвостов... Водились ли, по вашему мнению, попугаи в Атлантиде?

Сэлити захихикал:

— Вы шутник, Донкит! Попугаи в Атлантиде? Уж скорее на Марсе...

— Мне не до шуток, доктор, — недовольно сказал Донкит, — вам известна моя последняя статья об Атлантиде? Так вот, я был неправ, утверждая, что Платон максимально точно описал быт атлантов и природу страны. У меня есть новое неопровержимое доказательство того, что Платон был неточен по крайней мере дважды. Вот оно — это доказательство, — Донкит указал на попугая.

Мафусаил деловито чистил перья. Сэлити поморщился.

— Кому, как не вам, знать о способности многих видов животных к имитации речи, — продолжал Донкит с воодушевлением, — вы помните старого сеньора Каролиса, попугай которого владел тремя языками?

— Это не так много, — пожал плечами Сэлити, — попугай Лоуренс говорил на семи языках, в том числе на санскрите, хинди и на языке племени Габони.

— Вот, вот, — подхватил Донкит, — а если я вам скажу, что дикий попугай Мафусаил от рождения знает древнегреческий?

Сэлити вновь издал звук, напоминающий писк игрушки:

— Знаете, Донкит, я еще могу поверить тому, что тихоокеанские дельфины воспроизводят отдельные слова языка древних индейцев. Во времена дервних майя были и дельфины и Тихий океан. Но Атлантида и попугаи...

— А между тем, — Донкит включил магнитофон, — ну вот хотя бы...

Раздался усиленный динамиками трескучий голос попугая:

— Дисксен, возьми это послание и не сходи с коня, пока не вручишь его светлейшему Биоту! Война есть благо, но не нужно быть столь безрассудным. Если это новое оружие, о ствелейший, мы применим в войне с нашими восточными соседями, то Атлантида погибнет и снова наступит хаос!

Донкит выключил магнитофон. Вид у него был торжественный, взгляд — вызывающий.

— Господа, эта фонограмма была записана вчера утром. Я повторяю свой вопрос, как попугай мог научиться древнегреческому?

— Его научили атланты, — язвительно сказал Сэлити.

— Вы правы. Атланты, воевавшие с древними греками и знавшие греческий язык.

Пигг, долгое время тупо смотревший на клетку с попугаем, внезапно сказал:

— Он говорил про какое-то оружие, Донкит. Что вы думаете по этому поводу?

— Скоро я публично изложу свои идеи, — величественно произнес Донкит, — и тогда вы поймете, что имел в виду Мафусаил.

Сэлити поморщился и налил себе виски. Пигг смотрел на попугая уже с некоторым уважением. Донкит думал о предстоящем докладе.

— Бедная Атлантида, — с пафосом выкрикнул попугай,— почему судьба твоя зависит от людей ничтожных, но сильных властью? О великий Посейдон!

* * *

После блестящего выступления профессора Донкита, изложившего свою теорию, газеты и журналы писали:

«Атлантида существовала! Попугай, переживший мировую катастрофу!» (*Дейли ньюс.)*

«Очевидец свидетельствует: АТЛАНТИДА НЕ МИФ». *(Лайф.)*

«Исторический журнал» поместил отчет о заседании ученого совета университета Мехико.

«18 октября на очередном заседании ученого совета профессор В. Донкит сделал следующее сообщение о новых данных по истории Атлантиды: «Источником сведений впервые в науке явился попугай по кличке Мафусаил породы Atlantidas Donkyt. Этот попугай обладает чрезвычайно редким видом памяти. Он может воспроизводить около тысячи фраз, которым был научен один из его отдаленных предков, живших

в погибшей Атлантиде. После гибели острова некоторым попугаям удалось спастись. Испытывая потребность в болтовне, попугаи из поколения в поколение передавали один и тот же набор фраз. Таким образом, Мафусаил — это редчайший документ, сравнимый лишь с граммофонной пластинкой, сохранявшейся тринадцать тысяч лет. Получены новые сведения о быте атлантов, о государственном строе Атлантиды, о причинах катастрофы.

Длительный и кропотливый анализ позволил установить, что общеизвестные данные о погибшем материке, содержащиеся в знаменитых диалогах Платона «Критий» и «Тимей», не вполне соответствуют действительности. Платон, господа, нуждается в поправках.

Атлантида вовсе не была гористой страной. Нет, это была равнина трех тысяч стадий в длину и двух тысяч — в ширину... Атланты могли строить паровые двигатели... Некий Авос из Туреры изобрел машину, которая могла подниматься в воздух под действием одних лишь внутренних сил... Великий император Амфир, потомок Посейдона, читал свернутые в рулон донесения, не срывая печатей и прикасаясь к свитку одними лишь кончиками пальцев...

Но самое главное, господа: атланты владели каким-то неизвестным оружием. Они собирались применить это оружие против греков. Здесь высказывания Мафусаила делаются не совсем понятными. Фонограмма находится сейчас у специалистов. Единственное, что я могу сказать, господа: известно,— именно неосторожное обращение с этим оружием привело Атлантиду к гибели. Для сведения могу еще сообщить, что на дне Атлантического океана, в предполагаемом месте гибели острова, обнаружены богатые залежи радиоактивных руд.

Несколько слов о родословной Мафусаила. Его предок принадлежал, по-видимому, важному государственному деятелю. Об этом можно судить по статистическому анализу результатов записей. Политические сплетни и секреты составляют семьдесят три процента всей полученной информации».

Профессор Донкит продемонстрировал попугая собравшимся. Затем был оглашен приказ ректора об освобождении Д. Карранса от обязанностей декана факультета истории и назначении на эту должность профессора В. Донкита.

В беседе с нашим корреспондентом профессор Донкит заявил:

— В науке нужно дерзать. Рутинерские методы, которыми пользовались мои коллеги-историки, навсегда канули в прошлое.

Относительно своих личных планов профессор сказал:

— Скоро выйдет в свет моя шеститомная монография «Несколько поправок к Платону». В декабре я выступлю с

докладом на Всемирном конгрессе историков в Риме. Тема доклада: «Попугай Atlantidas Donkyt и энтропия информации».

«Журнал формальной логики» так откликнулся на выступление профессора Донкита:

«Рассматривая проблему в ретроспективном аспекте, мы должны коснуться вопроса о роли Платона. Логическая посылка — попугай есть источник сведений об Атлантиде — абсолютно верна. Не вызывает сомнений и другая посылка — Платон был источником сведений об Атлантиде. Верно ли заключение: Платон был попугаем?! Этот вопрос должен стать во главе угла современного логического анализа, освобожденного от классического детерминизма».

Сказал свое слово и «Журнал парапсихологии». На его страницах великий ясновидец Джон Колвер предсказал, что уже в будущем году попугаи, подобные Мафусаилу, сообщат ученым следующие сведения:

1) Всемирный потоп и изменение орбиты Земли были устроены четырнадцать тысяч лет назад пришельцами с Марса.

2) Джордано Бруно не был сожжен в тысяча шестисотом году и скрывался впоследствии под именем Галилео Галилея.

3) Тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года на Землю одновременно упали: комета, кусок антивещества и глыба космического льда. Тогда же и в том же районе взорвался при посадке на Землю космический корабль и был получен лазерный сигнал с планет звезды 61 Лебедя».

Прогрессивная газета «Мексиканское слово» писала:

«Не будем спорить о том, насколько научен новый метод исторического исследования. Ясно одно — неистовая гонка вооружений должна быть прекращена. К этому взывают из глубины веков остатки погибшей Атлантиды. Трагедия древнего острова, имевшего, очевидно, могучую цивилизацию, напоминает нам о том, к каким последствиям может привести безрассудная политика на грани войны. Сплотим же еще теснее свои ряды в борьбе за вечный мир на Земле».

* * *

— Профессор Донкит! Профессор Донкит!

— Дамы и господа! Имею честь сообщить вам...

— Профессор Донкит!

— ...что мое личное мнение о...

— Дурак!

— Прошу внимания!

— Дурак!

— Атланты! Оставьте оружие, ибо гибель ждет вас, и ваших детей, и ваши...

— Профессор Донкит!

— Первый министр Моржуэс соблазнил царскую дочь Элиту, и великий Посейдон обрушил на его голову...

— Платон — дурак!

— Прошу внимания!

— Платон — дурак!

— Дурак...

— Дурак...

Профессор Донкит выключил магнитофон. Да, что ни говори, попугай — птица неразумная. Общение с вечно недовольным стариком Тамосом не пошло Мафусаилу на пользу. Tête-à-tête двух попугаев неизменно кончался подобной перебранкой, которую исправно фиксировал включенный магнитофон. Толку от Мафусаила с каждым днем становилось все меньше. Демонстрировать его публике стало уже невозможно. А в одно прекрасное утро профессор Донкит обнаружил, что клетка Мафусаила пуста. От попугая осталось лишь красивое перо, переливающееся изумрудными волнами. Исчезновение Мафусаила недолго беспокоило профессора. В конце-то концов, дело свое попугай сделал и исчез с горизонта как раз тогда, когда перестал быть нужен.

«Всегда важно уйти вовремя», — подумал профессор, со злорадством вспоминая бурные споры с доном Карранса, с бедным доном Карранса, который так и не успел уйти вовремя.

* * *

Воздух постепенно накалялся. В лавке было темно и пахло спиртом. Кривой Фаустино обвел толстым обложенным языком сухие губы и спросил:

— Вернулся?

— Мафусаил? Конечно! — Рамирес с нежностью посмотрел на клетку, покрытую шелковым платком. — Открывает любые замки!

Перед торговцем возвышались шесть томов in folio монографии некоего профессора Донкита «Несколько поправок к Платону».

— Вот и старайся, — с горечью произнес он, — этот осел

так и не понял, что ты хотел сказать своей блестящей теорией об Атлантиде. Несколько поправок! О пресвятая дева!

— Что поделаешь, — откликнулся Фаустино, — попугай оказался умнее этого толстокожего бегемота.

Фаустино полез в карман драной куртки и извлек пухлую тетрадь, на обложке которой было выведено: «Послужной список попугая Мафусаила».

— Подумаем о делах, — сказал он, хлопая тетрадью о прилавок.

Раскрыв тетрадь, он долго водил черным ногтем по строчкам. Губы его шевелились:

— Антлантида... погибшие цивилизации... майя... снежный человек... Баальбекская веранда... пришельцы с Марса... летающие тарелки... чтение пальцами...

Рамирес сказал задумчиво:

— Подумать только, сколько сенсаций принес миру один-единственный попугай! Но ведь все это мы уже использовали...

— М-да, — Фаустино рыгнул кислым перегаром, — требуется что-нибудь посвежей. Но мы найдем, не будь я Фаустино Фернанде Гарсиа. Недаром же я окончил университет и вовремя понял, что в наше время наука редко бывает занятием порядочных людей.

Фаустино сощурил единственный припухший глаз:

— Послушай, Рамирес, не было ли у Наполеона старого любимого попугая?

— Кто знает, — ответил Рамирес, вытаскивая бутылку с виски, — у Цезаря, говорят, был.

— Рамирес, а не было ли у таинственно (понимаешь, таинственно!) погибшего Бонапарта старого любимого попугая?

Рамирес поскреб ногтем подбородок:

— Старый Любимый... — он налил виски в стаканчики.

— Старый и любимый, — пропел Фаустино, — крошка Мафусаил быстро выучит популярные изречения полководца вроде «пусть вечно светит мне солнце Аустерлица!» И вот очередная сенсация. Только, прошу тебя, не продешеви.

Они подняли стаканчики.

— Выпьем же за старого любимого попугая императора! — воскликнул Фаустино.

Рамирес загоготал, сотрясая воздух. Они чокнулись. Но прежде чем опрокинуть стаканчики, оба с любопытством посмотрели на тростниковый полог. Трубочки неподвижно застыли в раскалённом воздухе.

В этой неподвижности было ожидание.

Э. МАХМУДОВ

Симфония жизни

414—10

Много лет назад на берегу Святого Ганга жил юноша по имени Ромай.

Каждый вечер, взяв ситар, он выходил на берег и пел сладкозвучные песни.

Голос его был так прекрасен, что замолкали птицы, застывал, не смея рычать, грозный тигр. Даже река, говорят, переставала журчать, и яркие мерцающие звезды с восторгом слушали его.

Ромай с нетерпением ждал сумерек, чтобы сесть в лодку, переправиться на другой берег и встретиться со своей любимой Сураной.

Но однажды лодку Ромая опрокинул крокодил, и юноша погиб. Так была прервана песня о любви. Волны выкинули на берег перевернутую лодку. Узнав ее, Сурана закричала и бросилась в реку.

Эту легенду рассказал мне старик индиец в Бхилаи. Он яростно жестикулировал и так волновался, словно сам был очевидцем.

— Вслушайтесь! До сих пор, вспоминая песни Ромая, Ганг рыдает, — продолжал он. —А Лакшми[1], великая Лакшми прокляла крокодилов. С тех пор, завладев добычей, они льют слезы.

Потом я часто бывал на берегах Ганга. Но в плеске волн я не мог уловить рыдания. А порой мне казалось, что в глухом шуме реки слышны чудесные песни Ромая.

Однажды, возвращаясь после обхода больных, я вновь встретил старика. Медленно соединив ладони и с достоинст-

[1] Лакшми — богиня счастья.

вом подняв их над головой, он хотел сделать пронам[1]. Удержав старика от глубокого поклона, я взял его под руку.

Солнце уже садилось. Полуголые дети на улице играли в прятки. Откуда-то издалека доносились звуки рубаба. Прямо посреди дороги лежала пегая корова и лениво жевала.

Как обычно, старик рассказывал. Но на этот раз о себе. Несколько месяцев назад он работал на рисовом поле одного заминдара[2]. Днем и ночью над полями звучала музыка. Из коробки, подвешенной к столбу, неслись звуки, напоминающие пляску сатаны. Но самое интересное, что в музыке было как-будто заключено колдовство Васуки[3]. У заминдара рис созревал на пятнадцать дней раньше, чем на других полях.

В общем-то, я не удивился. Мне приходилось слышать, что индийские ученые проводят такие опыты. Но рассказ меня заинтересовал: все-таки настоящее поле... К тому же, и живет заминдар не далеко, час езды машиной. Короче, я решил съездить туда в один из свободных дней.

Мне кажется, все живое любит музыку. А человек породнился с музыкой в незапамятные времена. Еще пещерные люди после удачной охоты танцевали под глухие удары камня о камень.

История знает композиторов, которые отдали музыке целиком себя. По моему глубокому убеждению, они прожили настоящую жизнь.

Не каждому дано быть великим. Но своего я все-таки добился — кончил музыкальную школу. И даже пробовал сочинять. Вечерами я с удовольствием сажусь за пианино, чтобы сыграть одну из знакомых индийских мелодий. Прохожие (я это вижу краем глаза) останавливаются и слушают. Раздаются возгласы:

— Сахиб, сыграй еще что-нибудь.

Люди здесь удивительно чувствуют музыку. Она вошла и в быт, и в легенды.

Я смотрю на портрет Толстого. Мудрый старик сидит в кресле. Глаза его полны слез. Он слушает музыку.

Звуки. Удивительные звуки, которые заставляют плакать Толстого. И другие, нудные, и тягучие, как зубная боль. В поте лица их вытягивают из себя угрюмые шарлатаны.

---

[1] Пронам — поклон.
[2] Заминдар — помещик.
[3] Васуки — легендарный царь змей.

Впрочем, по порядку. Едва машина приблизилась к рисовому полю, как я услышал звуки джазовой музыки.

Дехкане, стоя по колено в воде, сажали рассаду. Местами вода была прозрачна, и я отчетливо видел, как копошатся там черные жирные пиявки. Чтобы уберечься от пиявок, многие дехкане натянули длинные чулки. Но у некоторых их не было, и на голых ногах выделялись кровавые ссадины. А надо всем этим, как кнут надсмотрщика, висела беспощадная музыка.

Я от души пожалел дехкан. Тяжелый труд, палящее, бешеное солнце и еще эта бешеная музыка. Впрочем, нужно быть объективным: что же делать, если у растений такие дикие вкусы...

В соседнем селе только начинали собирать чалтык, а здесь не было и следа соломы, сажали новую рассаду. Значит, музыка действительно ускоряет созревание семян.

Интересно, как она действует на клетки растений? И почему щебет птиц, свист ветра не заменяют музыку? А может быть, и заменяют, кому это известно. Во всяком случае никто еще не пробовал вырастить рис или хлопок в абсолютной тишине...

И тут, в который уже раз, я подумал о человеке. Нет, конечно, не о благотворном влиянии музыки вообще на человека. О лечебном значении музыки. В Венгрии, я читал, музыку используют при удалении зубов, для обезболивания. Результаты? Больной совершенно не чувствует щипцов. Да и здесь, в Бомбее, в одной из больниц проводят сеансы музыки для вызлоравливающих. Это ускоряет лечние на семь—восемь дней. Наконец, мои собственные наблюдения... Но о них потом.

Вместе со мной в больнице работал профессор Дэвид Робертсон. Высокий, худощавый, неразговорчивый. Немногие решались с ним спорить. И кончалось это всегда одинаково: собеседник умолкал, буквально подавленный неоспоримыми доводами. Профессор был превосходным специалистом-онкологом.

Признаюсь, я тоже не слишком разговорчив. Однако вдали от родины человек особенно нуждается в собеседнике. Не то, чтобы мне не с кем было поговорить, но своими соображениямия я хотел поделиться именно с Робертсоном.

Хотел, и не мог решиться. Мы работали вместе и, кажется, он относился ко мне неплохо. Но за долгие месяцы я не слышал от Дэвида и двух десятков слов, сказанных подряд.

Не знаю, хватило бы у меня смелости. Но случилось так, что однажды он заговорил. Больше того, произнес речь, как настоящий адвокат.

Отлично помню, это было в начале месяца бхадро[1]. Стояла удручающая жара. Даже стая вентиляторов, непрерывно гонящая из палаты пропахший карболкой воздух, была бессильна. Ходячие больные перекочевали во двор, под тень деревьев.

В полдень больничная карета привезла пожилого человека. Сказали, что он с Ланки[2], капитан корабля. Последнее время жаловался на головные боли. Обычное лечение не дало результатов. Сначала врачи думали, что боли вызваны высоким кровяным давлением. Но с учетом возраста, давление было как раз не таким высоким: 160 на 110.

В больнице принимал его я. И невольно заинтересовался. Он был чем-то похож на древнего полководца. Высокий, широкоплечий, седобородый. Белоснежная чалма надвинута на высокий и гордый лоб. А лицо поблекло, покрылось морщинами. Не теми резкими благородными морщинами, что напоминают шрамы, а мелкими, стариковскими. Но я почему-то решил, что это не от возраста, а от долгой мучительной боли.

Веки были опущены. Больной стонал и иногда судорожными движениями хватался за голову. Я спросил его имя и не получил ответа. Видимо, вопросов он не слышал.

Прежде чем ставить диагноз, нужно было сделать снимок. Наконец рентгенограмма готова. Вместе с Робертсоном я внимательно изучаю ее. Узкий палец профессора упирается в белое пятно на снимке.

— Больше месяца не проживет, — говорит он негромко. — Яма[3] стережет его дорогу.

Конечно, я понял. И все-таки возразил:

— Может быть, опухоль не злокачественная?

— За последние тридцать лет я ни разу не ошибся.

— А если попробовать гаммаизлучение?

Осторожно стряхнув пепел с сигары, он пожал плечами.

— Опухоль на шесть сантиметров ниже мозговой коры. Если бы наверху...

— Значит его ничем не спасешь?

— Ничем.

---

[1] Бхадро — пятый месяц бенгальскго календаря.

[2] Ланка — остров Цейлон.

[3] Яма — бог загробного мира.

— Господин Робертсон, — я невольно повысил голос. — вы повторяете то, что сказал профессор Аронакс капитану Немо. Но ведь это было добрых сто лет назад.

— За сто лет медицина многому научилась, только не творить чудеса. Единственное эффективное лекарство здесь— ланцет. Но мозг не аппендикс.

Ставя точку, он поднялся и, вежливо кивнув мне, направился к своей машине. Я остался сидеть в кресле, старом кресле, сплетенном из гибких ивовых прутьев.

Я попробовал думать о чем-нибудь другом. И не мог. Перед глазами стояло лицо капитана. Именно таким представлял я другого капитана, героя моих детских книг. А что, Немо ведь тоже родился в Индии. Сколько морей и океанов прошел на своем корабле этот капитан с Ланки, старый морской бродяга. Сколько раз его корабль выходил победителем в борьбе со стихией. Но сейчас, горько подумал я, корабль жизни попал в водоворот. И у капитана не осталось сил сопротивляться.

Можно ли ему помочь, вырвать из водоворота? Я перебрал в уме все известные мне средства. Ответ был известен заранее. Нет.

В тот же день для предупреждения метастазов я ввел больному кангерин. Это должно было помочь ему в будущем, если удастся уничтожить опухоль. А как?..

Я думал об этом и вечером. «Неужели, капитан, никогда больше ты не будешь бороздить океаны? Никогда не услышишь глухой грохот волн, пронзительные крики альбатросов?».

Я подошел к роялю и осторожно тронул клавиши. Звук получился жалобный. Но в нем было и что-то другое, неуловимо зовущее, требовательное. Как будто я уже начал рассказ и теперь обязан был его кончить. Я знал это чувство, оно приходило всякий раз, когда я писал что-то новое.

Пока я не знал, что это будет: симфония или ноктюрн, баркаролла или соната. Но я знал точно — это будет музыкальная поэма о человеке, в чью жизнь, овеянную романтикой, ворвалась грозная судьба.

Время исчезло. Я не слышал, как часы пробили полночь, не видел, как побежала по стеклу блестящая змейка рассвета. Передо мной, загородив комнату и мир, стоял человек, отдавший всю свою жизнь борьбе со стихией.

А потом пришла эта мысль. В состоянии, в котором я находился, она даже не показалась мне странной. Почему бы, в

самом деле, не попробовать такое сильное лекарство, как музыка? На мгновение я пришел в себя, увидел палату, склонившегося над больным профессора и... оркестр — мне самому стало смешно.

Я снова наклонился к роялю. Но мысль была, как первая волна перед бурей. За ней, беспорядочно толкаясь, пришли другие. И самое удивительное, что сознание работало ясно. Оно отсеивало случайные обстоятельства, четко группировало факты, пробивая путь одной, главной идее. В конце концов я твердо решил завтра же поговорить с Робертсоном.

Интересно, что эта бессонная ночь меня многому научила. Раньше я сказал бы профессору обо всем прямо и, конечно, он поднял бы меня на смех. Теперь я прибег к небольшому мостику.

— Господин Робертсон, вы, разумеется, помните югославских ученых, получивших несколько лет назад смертельную дозу гамма-излучения?

Профессор молча кивнул.

— Вы, наверно, не забыли и французских врачей, которые лечили их. Это была первая победа над лейкемией.

— Святая, хотя и общеизвестная истина. А что вы намеревались мне сказать?

С мостиком получилось не очень убедительно. Нужно было переходить к делу.

— Я хотел поговорить о капитане, которого вчера привезли в больницу. Думаю при его лечении воспользоваться новым методом.

— Слушаю.

— Знаете, господин профессор.., — растерянно пробормотал я, — прежде чем перейти к главному, я хотел бы сказать...

— Не надо господин Мансуров. Переходите прямо к главному. У нас мало времени.

— Я хочу лечить пациента музыкой.

—Как? — он недоверчиво всматривался в меня.

— Да, музыкой. — Я повысил голос.

Воцарилось молчание. Потом он рассмеялся. Смех был резкий, почти истерический.

— Господин Мансуров, не сердитесь... Музыкой можно завораживать змей, но при чем тут раковая опухоль?

Робертсон снова рассмеялся. Затем встал и хотел уйти. Я с трудом уговорил его остаться.

— Ладно, продолжайте, — старый хирург махнул рукой

и демонстративно уселся в кресло, подперев рукой подбородок. — Продолжайте, — повторил он. — В нашей жизни так мало веселого.

Это был уже прямой вызов. Я, однако, заставил себя говорить спокойно.

— Вы, господин профессор, должно быть помните Руже де Лиля. Его «Марсельеза» сделала больше, чем целая армия. С ее помощью народ изгнал иноземных захватчиков.

Он пожал плечами.

—История и медицина. Не улавливаю связи. И вообще, нельзя ли без увертюры?

— А что вы скажете о работах венгерских врачей, при удалении зубов использующих музыку для обезболивания?

— Пустяки, которые не имеют отношения к раковой опухоли.

— Допустим. Сейчас я перейду к тому, что имеет отношение. Но только не перебивайте меня, выслушайте до конца.

Получив торжественное обещание (оно было дано по всей форме, а легкую иронию можно было не заметить), я продолжал:

— Клетки из которых состоит организм, держатся за жизнь. Без борьбы они не сдаются. И нередко в борьбе с микробами и вирусами побеждают. Это первое.

Второе. Что такое раковая опухоль? Это те же клетки, только вышедшие из-под контроля организма, не подчиняющиеся законам нормальной физиологии. Они высасывают питательные вещества, обрекая остальные клетки на голод. Более того, их выделения отравляют организм.

Мы знаем, обычно поле боя остается за этими клетками. Но бывает и наоборот. Бывает, что раковая опухоль рассасывается. Медицинской науке известно около ста подобных случаев. Конечно, не так уж много. Однако есть обстоятельства, когда исключения важнее правил. К сожалению, изучены они недостаточно. По-моему, решающую роль в этих парадоксальных случаях играет нервная система. Мобилизуя защитные силы организма, она делает его непобедимым. А если нервная система спит? Тогда... Тогда необходимо разбудить ее, прибегнув к внешним раздражителям!

Я остановился. Робертсон молчал. Лицо его было попрежнему непроницаемо. Но мне показалось, что одного я во всяком случае добился — он слушал.

— Вы знаете, господин профессор, что с помощью иглотерапии вылечивают семнадцать болезней. Среди них — трахома.

Возникает естественный вопрос: как простой укол может привести к уничтожению микробов трахомы? Ясно, что игла здесь не больше, чем раздражитель. Борьбу же ведет центральная нервная система.

Конечно, в данном случае иглотерапия исключается. Клетки мозга надо раздражать иным путем. Мне кажется, что музыка может сыграть прямо-таки чудесную роль в мобилизации мозговых клеток.

Теперь — я видел это ясно — профессор взвешивал мои соображения. Кажется, он с чем-то готов был даже согласиться, но привычное, воспитанное годами недоверие удерживало его. И тогда я пустил в ход свой последний довод.

— Помните, профессор, еще когда я только приехал, вы обратили мое внимание на странное обстоятельство. Два соседних села. Климат, условия жизни, характер работы — все одинаково. В первом случае только за последние годы восемь случаев заболевания раком. Во втором — ни одного. И это по статистике, которая ведется еще со времен британского владычества. И ведется, вы это знаете лучше меня, хорошо.

Случайность? Я очень тщательно исследовал жизнь этих сел. Они действительно похожи во всем, кроме одного— у них разная музыка... Таков мой третий довод.

— Хорошо, господин Мансуров, — профессор взял сигару. — Какую именно музыку вы предполагаете использовать? Какой инструмент?

Переход был настолько неожиданным, что я не смог сразу ответить. Да, честно говоря, мне самому не все здесь было ясно.

— Пока трудно сказать. По-моему, лирика. Нечто такое, что спокойно и ненавязчиво напомнило бы капитану его жизнь, звало бы его к борьбе.

— Гм, да, — протянул Робертсон, глубоко затягиваясь сигарой. Кажется, он все еще колебался.

— С вашего разрешения я найду такую музыку, — осторожно добавил я.

Он лукаво улыбнулся и взялся за портфель.

— Что с вами делать? Я, правда, мало верю в успех. Его дух уже в руках Ямы. Если вы сможете вытащить его оттуда... А в общем желаю успеха.

Легко представить, как я волновался в этот вечер. Мы были вдвоем в комнате — я и рояль. Впрочем, нет. Не боясь показаться старомодным, я скажу, что над нами витали тени

великих композиторов, их бессмертные творения звучали в моих ушах.

И волнение мое было не от бедности, а от богатства. Из огромной сокровищницы нужно было выбрать единственный драгоценный камень. С чего начать? Где остановиться?..

Я выбрал пятую симфонию Бетховена. Человек и судьба. Всепоглощающая сила рока и величие человеческого разума. Как сумел композитор передать в звуках извечную людскую трагедию...

Я торопился. Болезнь не ждала, в любой момент могло наступить ухудшение. Прошло пять напряженых ночей. Я отобрал мелодии и объединил их. Было ли здесь творчество? Не знаю, в то время я об этом не думал. Так работает ювелир: выбирает жемчужины, нанизывает их на нить, создавая ожерелье. В моих грезах это волшебное ожерелье, подобно талисману, должно было спасти человека. И я назвал его симфонией жизни.

...Глухо падают удары — рок стучится в дверь. Он беспощаден, от него никуда не денешься. Что это — черное пятно в бушующем море? Корабль. Он перенес шторм. Волны швыряют его, как игрушку. Но он выстоял, бросив вызов тяжелым ударам волн. Выстоял, потому что корабль вела железная воля капитана.

Море начинает стихать. И тут, откуда-то издалека доносится негромкий женский голос: «Ты будешь жить, капитан. Да, будешь жить». Голос приближается, крепнет. И в нем такая вера, такая высшая правда. Первая любовь и весна — цветение дервьев, возвращение перелетных птиц...

Через неделю, передавая старому хирургу ноты, я сказал:

— Господин профессор, мне нужна ваша помощь. Нужно найти оркестр, который исполнит музыку, и записать ее на ленту.

К моему удивлению он охотно согласился.

— Между нами говоря, господин Мансуров, вместо одного поручения вы мне дали два. Впрочем, не будем мелочны, — он улыбнулся.

— Любой дирижер, познакомившись с нотами, скажет: привяжите к позорному столбу этого халтурщика, — предупредил я. — Ради бога, объясните ему, что у нас на то были особые соображения.

Через несколько дней Робертсон поставил на стол портативный магнитофон и сказал многозначительно:

— Я сдержал слово. Очередь за вами.

Столько надежд и сомнений было связано с этой минутой, что я колебался.

— Может быть, вы передумали, господин Мансуров? — насмешливо прищурился Робертсон.

— Нет, нисколько. — Я решительно открыл магнитофон.

По нашей просьбе больного перевели в отдельную палату. Повторные исследования показали, что его состояние не изменилось. Я включил магнитофон. Сердце у меня стучало так, что его удары слышал, по-моему, даже Робертсон, стоявший у окна.

В следующее мгновение я забыл о нем. Я забыл и о капитане. Музыка захватила меня. Было такое чувство, словно со мной, простым смертным, сквозь хребты веков говорит, улыбаясь, сам Бетховен. Голоса Шопена и Грига, Чайковского и Моцарта... Голос, полный спокойной уверенности. «Ты будешь жить, капитан...». Мне казалось, их не сможет забыть даже человек, навсегда потерявший надежду.

Я слушал «Симфонию жизни» второй и третий, и четвертый раз. Слушал и Робертсон.

Я никогда не видел его таким. Выходя из палаты (его позвали к больному), он глухо сказал:

— Я становлюсь наивным, господин Мансуров, — я начинаю верить. Дай бог...

Прошло два дня. Дыхание по Чейн-Стоксу сделалось почти нормальным. На третий день пульс стал ровнее. На четвертый — больного можно было кормить. Опухоль, как показала рентгенограмма, приобрела овальную форму и заметно уменьшилась в объеме.

Правда, речь не восстановилась, взгляд по-прежнему оставался туманным. Я с нетерпением ждал, чтобы больной заговорил. Больше всего меня волновало, что он скажет, когда к нему вернется сознание. К сожалению, я так и не услышал его голос.

На семнадцатый день рентгеновский снимок ясно показал, что белое пятно исчезло. Однако болезнь не прошла бесследно. Сознание больного было парализовано. Иногда капитан бормотал случайные, лишенные связи слова. Порой плакал. Но это меня уже не так беспокоило. Смерть удалось победить — это главное.

К концу третьей недели больного перевели в психиатрическое отделение. А еще через месяц меня срочно вызвали, пришлось уехать.

Вчера я получил письмо из Индии. Там у меня осталось немало друзей, но конверт был надписан незнакомой рукой. Не знал я и обратного адреса.

«Дорогой доктор Мансуров! — прочел я. — Моего имени вы можете не помнить, но я ваше имя знаю. И еще знаю, что вы отняли меня у бога загробного мира Ямы. Конечно, я не забыл и музыку — песни ангелов, которые входили в мой страшный сон. Если позволите, я хотел бы повидать вас, чтобы сказать слова признательности.

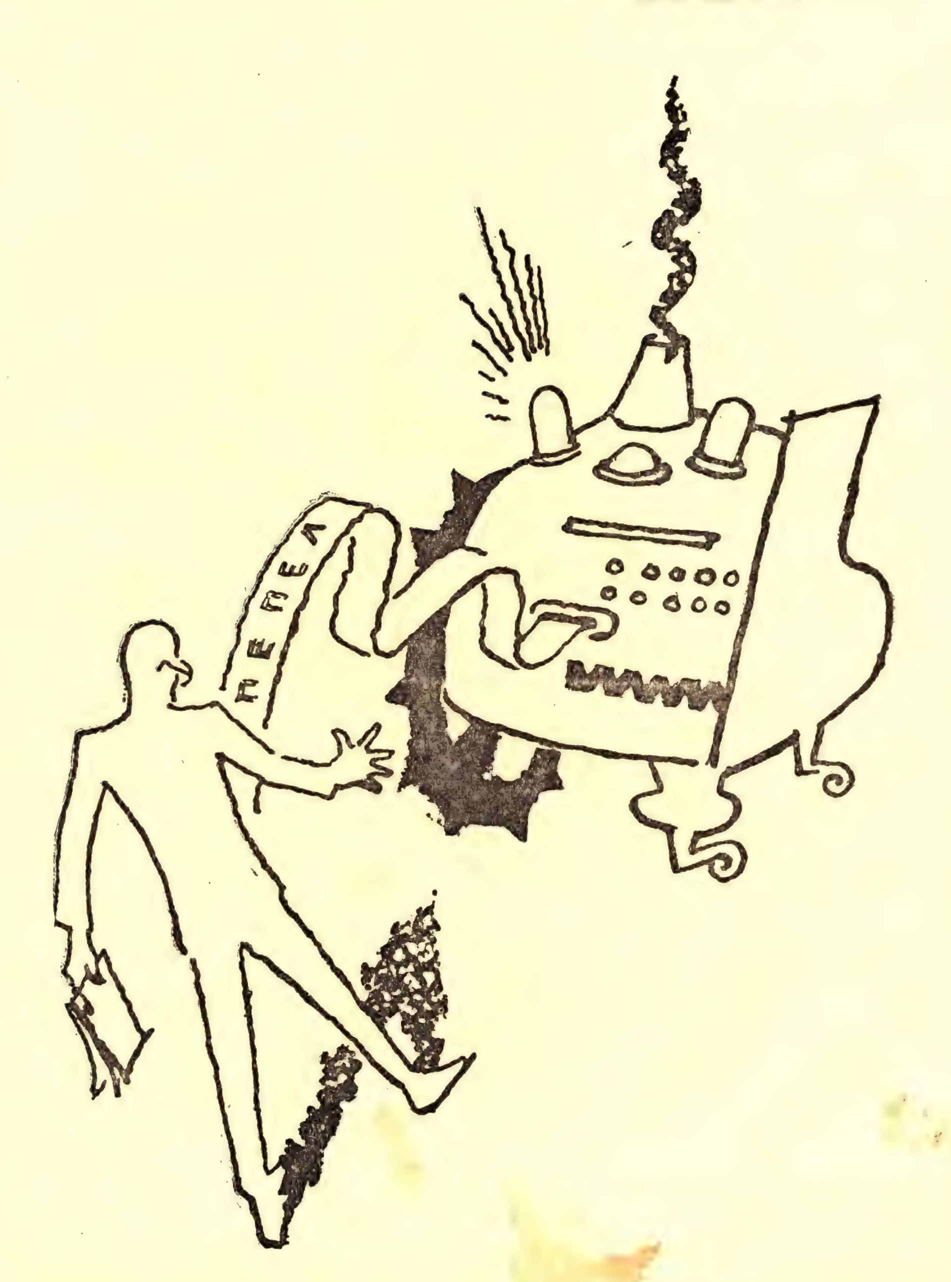
Вы называли меня старым капитаном. Но у меня есть имя, которое я старался нести так, чтобы не оскорбить память предков.

Ваш капитан Ромай».

Конечно, я вспомнил легенду. И на мгновение мне показалось, что все случившееся — тоже легенда. Я нажал кнопку. В комнату хлынули звуки — далекий индийский оркестр играл Бетховена и Грига, Чайковского и Моцарта, всесильную «Симфонию жизни».

Э. МАХМУДОВ

БЕСПОЩАДНЫЙ СУДЬЯ

Ура! Для пропаганды науки и техники открыты поистине блестящие возможности — начинает выходить популярный журнал «Кибернетик».

Я отбросил газету и ринулся к письменному столу. В его глубоких ящиках с трудом отыскалась пожелтевшая папка. «Добрый вечер, Венера», — бодро воскликнул я и, прихватив шляпу, отправился в счастливый рейс.

«Добрый вечер, Венера» — это, конечно, моя повесть. Два долгих года она рвется в печать. Не ее (и не моя) вина, что фортуна неизменно оборачивается к нам спиной...

Не сомневайтесь, что за два года я обил пороги всех редакций и всех издательств. Входя в кабинеты редакторов, я столько раз совал свою бедную шляпу под мышку, что теперь ее не берут в утильсырье. И всегда я слышал одно: «Произведение сырое, над ним еще надо много работать».

Мрачный, я приходил домой. Угрюмо ковырялся в неудачливой повести. И уже на следующий день слышал от очередного редактора: «Произведение сырое... надо...».

Сырое? Я уже третий год готовлю его. Старое воронье мясо и то бы давно сварилось. Но кому это скажешь? Не слушают.

И вот, слава аллаху, новорожденный журнал «Кибернетик». Он только создается. Папки пустуют. Сейчас для них все находка. «Ну, фортуна, теперь тебе не отвертеться», — весело размышлял я.

Лишь одно меня беспокоило. Маловероятно, чтобы сотрудников «Кибернетика» набирали с луны или звезд. Боюсь, туда перевели кого-нибудь из старых журналистов. А они, к сожалению, знали и меня, и повесть. Я так и слышал невеж-

414—11

ливый шепот: «Боже, как быстро нашел сюда дорогу этот заядлый Али Мурсал».

Кажется, пронесло. Тщательно вытерев ноги (это совсем не мелочь) и сняв шляпу еще в коридоре, я осторожно приоткрыл дверь. В кабинете сидел незнакомый парень — по крайней мере, ни в одной редакции я его не встречал.

Убедившись, что путь открыт, я решительно подошел к столу и любезно поздоровался:

— Салам алейкум.

— Салам. — Он закрыл книгу.

— Здесь помещается редакция журнала «Кибернетик»?

— Да.

— А где можно видеть редактора?

— Я вас слушаю.

Чтобы произвести впечатление человека скромного и застенчивого, я смущенно улыбнулся. Затем, словно справившись с первым волнением, я протянул ему папку.

— Простите, пожалуйста, за беспокойство. Я вот написал повесть и не знаю... Может быть вы...

Он молча взял папку. Я ждал, что сейчас он позвонит и войдет кто-нибудь из старых журналистов. Ничего не подозревая, редактор познакомит нас и попросит дать ответ в течение недели. Сотрудник безропотно возьмет «Венеру» и, бормоча себе под нос «Ах, этот заядлый Али Мурсал...», тихо удалится.

Ничего подобного. Предложив мне стул, редактор спросил:

— Можете подождать пять минут?

Совершенно ясно, мы с ним никогда не встречались. Иначе он бы знал, что я могу подождать и пять часов.

Редактор подошел к сооружению, стоявшему в углу комнаты. Разумеется (наблюдательность — мой девиз), я заметил его сразу. Но не проявлял любопытства — в нашем тонком деле нужна осмотрительность. Да, внешне сооружение напоминало и рояль, и печатный станок.

Итак, подойдя к этой странной штуке, редактор поднял крышку и бережно опустил туда папку. Еще я заметил, что он ткнул какую-то кнопку. Потом... потом он вернулся, устроился поудобнее в кресле и принялся читать книгу.

Из машины донеслось глухое жужжание. Я не специалист в технике, но что-то в этом роде мне довелось слышать в рентгеновском кабинете. К жужжанию прибавился шелест. Будто невидимая рука раздраженно перелистывала бумаги.

Гул прекратился. И почти сразу же я услышал стук, напоминающий дробь пишущей машинки. На столе редактора вспыхнула зеленая лампочка.

Поверх рукописи лежала тонкая лента. Достав очки, я впился в нее глазами. «Произведение сырое, — с удивлением читал я. — Главы 11 и 12 слишком похожи на «Звезду КЭЦ» Беляева. Но главный недостаток — автор плохо знает технику и не может оценить ее роль».

Сначала я пришел в отчаяние: «Сырое!» Но по дороге домой сообразил, что мне повезло, фортуна наконец-то подарила мне самую ослепительную из своих улыбок. Машина оказалась довольно заурядным человеком. Мыслила, как он... и, сделавшись хозяином редакции, захотела, чтобы ее и всех ее родственников хвалили. Хорошо, дорогая! Я так переделаю повесть, что свет моего восхищения ослепит твои стеклянные глаза.

Словом, все было ясно. Я кропотливо трудился с утра до ночи.

В технике я разбираюсь слабо. Положим, могу отличить трактор от автомобиля и автобус от трамвая, но для рассказа о новейших достижениях науки и техники этого не всегда достаточно. Однако я обошел затруднение. Мои герои просто хвалили технику. А один из них, взволнованный до глубины души, произнес двухстраничный монолог о машине, которая заменяет всю редколлегию!

За судьбу повести я был теперь совершенно спокоен. Прочитав новый вариант, эта чертова железяка кинется целовать меня. Если сумеет. И если, конечно, я позволю. Приятного мало, но что же делать: искусство требует жертв...

Я уверенно вошел в кабинет, кивнул редактору и, не ожидая приглашения, разделся.

— Повесть готова, — объявил я. — Попросите уважаемую машину высказать мнение.

На этот раз ответ был готов еще быстрее. Ровно через три минуты (я следил по часам) загорелся зеленый огонек. Короткая дробь машинки... На слух я определил, что ответ должен состоять из двух слов.

Пока редактор дошел до машины, я успел перебрать несколько наиболее подходящих вариантов. Что-нибудь вроде: «Замечательное произведение», «Вклад в литературу» или более скромное, но не менее приятное: «Срочно в набор».

Я не поверил глазам. «Ненавижу подхалимов». Надел очки, снял, снова надел. Разумеется, мы все ненавидим подхалимов.

Я сам писал об этом. И недавно подробно излагал свои взгляды редактору, который охотно напечатал мою статью о насущных проблемах Метагалактики... Но никто — слышите, никто! — не осмеливался так бестактно и грубо...

Перед глазами завертелись, переливаясь, черные круги. Сплошная черная пелена. Схватившись за стену, я сделал усилие и удержался на ногах. Подумать, какой-то кусок железа!

Вы, конечно, представляете, в каком настроении я вернулся домой. Помнится, один наивный ученый писал, что со временем человек уступит машине. Во всяком случае не я. Короче, пришлось снова взяться за повесть.

Особенно гулкие фразы о значении техники я убрал. Добавил двух очень положительных героев. Искусно вплел в диалог отрывки из нескольких толстых научных книг. Как это делается, вы знаете. К примеру: «Здравствуйте. Благодарю, неплохо. Кстати, о гравитации. Еще Исаак Ньютон...».

Не прошло и месяца, как я постучал в дверь журнала «Кибернетик». Не буду отнимать ваше время, описывая выражение лица редактора. В общем, он вложил рукопись в машину.

Прошло восемь минут. На столе редактора загорелась красная лампочка.

— Красная? Что-то новое, — подумал я вслух. Мне никто не ответил — в этот момент редактор вышел.

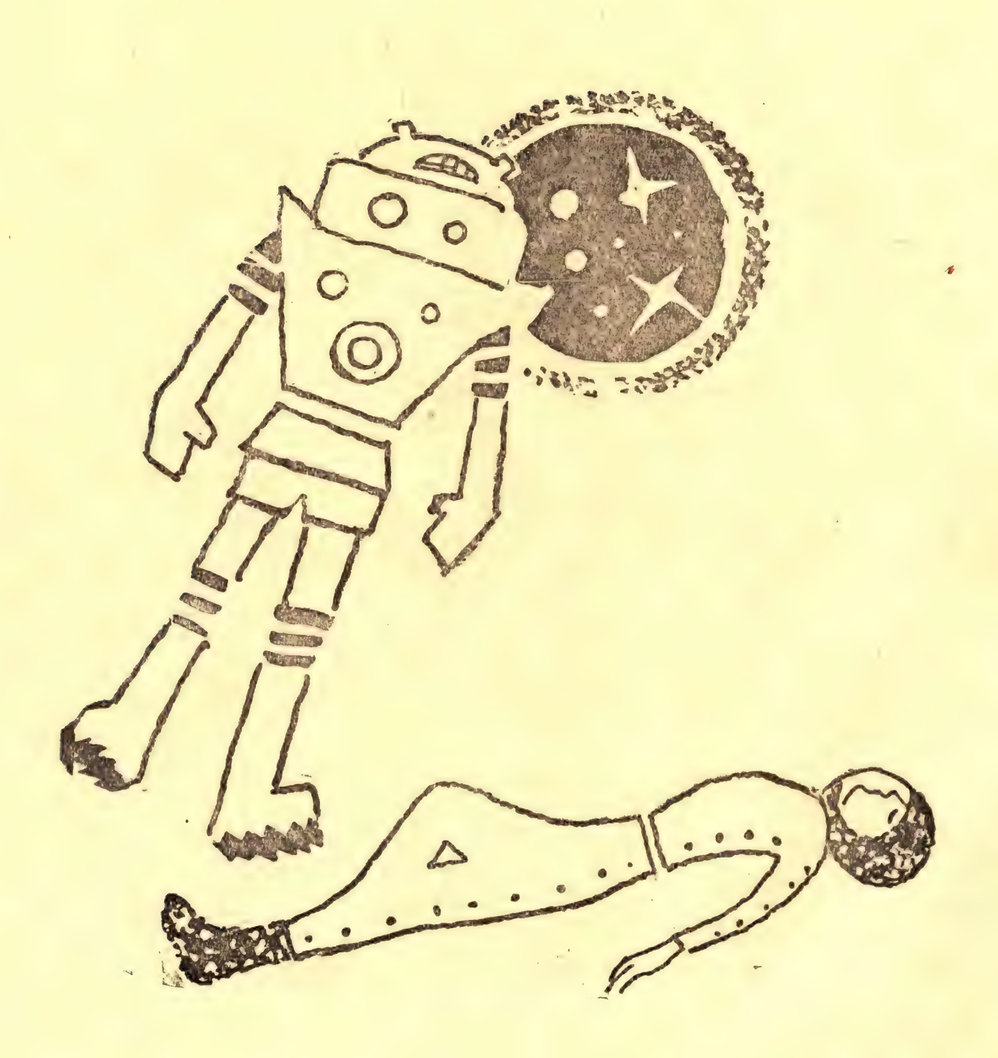
Донесся гул. Я поднялся и, бесшумно ступая, пошел к машине. Из нее тонкими струйками поднимался дым. Еще издали я ощутил запах гари.

Ясно, какая-то штука перегорела, и машина вышла из строя. Я подумал об этом с удовольствием. Час возмездия настал. Беспощадный судья, который доставил мне столько неприятностей, сам нуждался в помощи.

Теперь машину будут ремонтировать. На это уйдет не меньше двух-трех месяцев. За то время... Бог милостив, с людьми всегда можно договориться.

Внезапно я услышал знакомый стук. Из машины медленно выползала узкая телеграфная лента: «Пепел сожженных рукописей обратно не возвращается».

Б. ОСТРОВСКИЙ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ

Я жду.

На стене — зеленоватый циферблат больших часов. Сообщение уже десять минут в пути. Но путь сюда долог: от излучателя на Земле до телеприемника на Титане луч идет семьдесят минут.

Нужно ждать еще шестьдесят долгих минут, и я сижу в кресле, перед часами.

Азбука: когда ждешь, каждая минута кажется часом. Но от понимания азбучности истина не перестает быть истиной.

Год назад я тоже ждал. Тогда время летело стремительно. Тогда я просто физически ощущал, как тают минуты, как они исчезают, уходят в ничто.

Хорошо помню, как время рванулось вперед. Это произошло внезапно, в какое-то мгновение. От Титана до «Диска-2» скорт шел на автонавигационном управлении. Но посадка на пневматические станции — каверзное дело. Я отключил автоматы. Они услужливо выдвинули панель ручного управления и дали свет на посадочный экран. Я увидел «Диск-2», увидел цепь красных аварийных огней — и с этого момента время устремилось вперед...

* * *

В исследовательском комплексе Сатурна — две базы на спутниках и одиннадцать автоматических станций типа «Диск». Год назад таких станций было пять, и они работали с перебоями. Автоматы на них не были отрегулированы; почти непрерывно что-то портилось, и тогда мы, бросив все плановые

работы на базе, отправлялись устранять очередную неисправность.

Пневматические станции типа «Диск» похожи на спальный мешок размером с футбольное поле. Мешок этот начинен бесчисленным количеством исследовательской аппаратуры, размещенной в изолированных камерах. Если контрольная аппаратура станции выходит из строя, не так-то просто определить, где и что испортилось.

«Диск-2» досаждал нам, пожалуй, больше, чем другие станции. Аварии на «Диске-2» носили особо ехидный характер. Обычно они происходили, когда «Диск-2» прятался в радиотени Сатурна.

Так было и в тот раз. Мы приняли аварийный сигнал, и уже через несколько минут связь со станцией прервалась. Мы не успели узнать, что там случилось.

Тогда у нас были трехместные скорты, но я вылетел один. В тот день я был единственным относительно свободным человеком на базе.

Кто-то оставил в кабине скорта «В мире безмолвия» Кусто. Я листал эту книгу(на базе почти не оставалось времени для чтения), пока автоматы вели скорт. Но посадку на пневматическую станцию лучше призводить самому.

Автоматы выдвинули панель ручного управления, включили посадочный экран. Я увидел «Диск», опоясанный цепью красных аварийных огней, и на нем — конусообразный корпус галактического разведчика.

Их было всего семь или восемь, таких кораблей, и ни один из них не должен был, не мог оказаться здесь у Сатурна.

И все-таки он здесь был.

* * *

Я чудом посадил скорт на смятую гармошкой посадочную площадку. Выбравшись из кабины, я включил ранцевые ракеты и с каким-то странным ощущением нереальности происходящего полетел к кораблю. Хинитовая поверхность гигантского конуса отражала тревожный багровый свет аварийных огней.

Я повис над кораблем. Казалось, вот сейчас по хинитовому покрытию пойдет трещина, откроется шлюзовая камера, выйдут люди. Но корабль молчал.

Открыть шлюзовую камеру я не мог. Оставалось одно: осмотреть станцию и вернуться на Титан за помощью.

Даже отсюда, сверху, было видно, как сильно повреждена станция. Лопнувшие отсеки во многих местах обнажили ее металлический остов.

Через сплющенный входной тамбур я проник в главный коридор станции. Прежде всего следовало убедиться в исправности аппаратуры, хранившей собранную станцией астрофизическую информацию. В бронированном отсеке киберцентра я увидел неподвижные стрелки приборов. Нетерпеливо мигали лампы аварийных индикаторов. Я включил резервную систему управления. Киберцентр снова работал. На экранах возникали контрольные карты...

Я ждал, что станция серьезно повреждена, иначе и не могло быть. Но я не думал, что повреждены почти все отсеки «Диска». Азот, наполнявший отсеки, уходил в космос сквозь бесчисленные микротрещины в оболочке станции. Регенеративная система, восполнявшая утечку газа, работала на предельном режиме. Но давление падало, и я ничего не мог сделать.

Сколько еще может продержаться «Диск»?

Киберцентр не дал ответа. А от него зависело все. При сильных повреждениях разрушается несущий каркас станции: «Диски» буквально лопаются, взрываются. Если это произойдет, сила отдачи отбросит корабль в космос (а может быть, к Сатурну), найти его будет чрезвычайно трудно, почти невозможно.

Я шел по тихим, сумрачным коридорам станции, тускло освещенным редкими плафонами. Станция походила на старый заброшенный корабль. Казалось, корабль скребется о песчаное дно и в его черных трюмах стонет ржавая вода.

Лифт доставил меня вниз, в реакторный отсек. Я не считаю себя трусом, но и не верю, что существуют люди, которым неведомо чувство страха. Достаточно было одного взгляда на приборы, чтобы понять: реактор неуправляем, «Диск» может взорваться в любую минуту. Я ничего не мог сделать. Станция, разрушенная галактическим кораблем, была обречена.

Я бросился наверх, к скорту. Планетарный скафандр сразу показался тяжелым. Топот магнитных подошв гулко отдавался в длинных коридорах.

Уже у выходного шлюза меня остановила страшная мысль. Взрыв реактора опасен и для галактического корабля. Погибнет корабельный журнал с информацией об исследовании чужого мира. Быть может, погибнут и люди...

Но что я мог сделать без связи с базой, без оборудования, без роботов?

Роботы... Один из них находился здесь, на станции. Я отыскал отсек (это было не так просто), в котором стояла металлическая капсула, похожая на массивный саркофаг. Я торопливо открыл ее, луч фонаря скользнул по голубой куртке робота-пластинавта.

— Встань, — сказал я.

Мне пришлось повторить это трижды, потому что звуковые фильтры робота были настроены на спокойный голос, а я волновался. Через минуту робот открыл глаза.

— Кай!

— Кто это?

— Я. Узнаешь? Мы не виделись давно.

— Да.

Я едва слышал его голос.

— Что с тобой?

— Это пройдет, — он с трудом распрямил плечи.

— Я за тобой, Кай. Ты должен мне помочь. Связи с Титаном нет. Мне не с кем больше посоветоваться. А задача трудная, очень трудная. Я должен проникнуть в корабль. В галактический корабль, ты понимаешь?

— Галактический корабль здесь?

— Да, здесь. На станции. Не знаю почему. Станция повреждена. Надо проникнуть в корабль...

Я еще раз объяснил ему все. Он молча стоял передо мной.

— Пойдем, — сказал я. У меня не было твердой уверенности, что Кай согласится. У роботов этой серии случались «заскоки», но он согласился.

— Да, пойдем.

Мы поднялись наверх, под прозрачный колпак наблюдательного поста.

— В корабль можно проникнуть только через энергетическое сопло, — сказал Кай. — Но тебе нельзя: там радиация. Гибель.

Я знал это. Сопло — единственный путь в корабль, но это был путь смерти.

И тут я услышал спокойный голос Кая:

— В корабль могу проникнуть я.

Я уже думал об этой возможности. За успех был один шанс из десяти, не больше. Устаревшая конструкция робота могла подвести, выйти из повиновения. И потом у пластинавтов странные, очень странные заскоки.

Но у меня не было выбора.

— Хорошо, — сказал я. — Будь осторожен и ничего не предпринимай самостоятельно. Слышишь, ничего не предпринимай самостоятельно!

Кай внимательно осмотрел квантовый резак, похожий на старинный пистолет.

— Иду, — сказал он, открывая люк. Он оглянулся: — Тебе лучше перейти к скорту. Безопаснее.

Я увидел яркий след ранцевых ракет, точно метеор, упавший на корабль...

* * *

Спокойный голос:

— Это я — Кай. Ты слышишь меня? Вывел антенну через сопло. Мы сможем поддерживать связь.

— Где ты сейчас?

— В отсеке реакторов. Прошел через ремонтные шлюзы.

Через минуту:

— Прорезаю путь к рубке.

Молчание.

— Кай, что-нибудь случилось?

— Нет... то есть...

— Ну, говори же...

— Их трое. Все они...

— Их трое. Все они...

— Говори, Кай!

— Они... или без сознания, или... Три девушки.

— Три девушки? Что с ними, Кай?.

Внезапно я понял. Все понял! Это была «Амазонка», первый корабль с женским экипажем. Первый корабль, отправившийся в исследовательскую экспедицию к Проциону.

* * *

...Кажется, это было недавно. Совсем недавно. Мы вместе учились в институте космонавтики. Но Анна окончила навигационный факультет, а я — факультет космической архитектуры. Мы часто встречались. Последний раз мы были вместе на Апшероне, в спортивном лагере института. Анна уже знала, что скоро нам придется расстаться, а я и не подозревал об этом.

Все лето мы тренировались в полетах на планерах. С завораживающей медлительностью внизу проплывали белые

дома, инжирные рощи и виноградники. Я смеялся, болтал до изнеможения и не замечал, как ее глаза временами становились чужими и далекими. Анна прощалась с Землей, с голубым небом, со всем, что ее окружало. А я считал, что весь мир безоговорочно принадлежит мне, и безжалостно расправлялся с ее последними днями...

Потом я провожал Анну. На орбите Трансплутона ее ждала «Амазонка».

Маленький космодром на Байкале.

Здесь уже не было золотого апшеронского солнца. Вокруг только глухие таежные леса, прохладные ручьи и брусника. И восходы были холодные. По утрам на деревьях висел серебристый туман. Она ничего не сказала мне. Порывисто поцеловала в губы и ушла.

...Я вспомнил Анну, ее лицо, совсем еще детское, как тогда, на Каспии. Странное это было ощущение. Как мираж в пустыне. Легко ли знать, чувствовать, что она рядом. Что ты прожил большую жизнь, а для нее промелькнуло всего несколько лет. Что для нее все это только вчерашний день, а для тебя — далекое прошлое. И мне вдруг захотелось вернуть это прошлое. Дико захотелось!

* * *

— Одна дышит,—сказал Кай.—Одна жива... Пока жива...

— Дышит, жива... Кто она? Что с ней? Что можно сделать?..

Долгое, очень долгое молчание.

— Не знаю. Нельзя установить. Диагностическая машина повторяет одно и то же: — «Нужен покой». Вероятно, это какая-то неизвестная болезнь, машина ее просто не знает. Мне кажется, положение очень серьезное. Пройти в шлюзовую камеру не могу, энергия квантового резака израсходована.

— Кай, что произошло на корабле? Что там вообще случилось? Найди записи корабельного журнала.

— Записи стерты, — немного погодя сказал Кай.

— Стерты? Странно...

«Кристалл!» — вдруг вспомнил я.

— Кай, осмотри дешифратор. Там должен быть кристалл с записью.

Кристалл применяли в чрезвычайных случаях, когда надо было надолго сохранить особо важное сообщение. Сколько мертвых кораблей летучими голландцами блуждают в про-

странстве! И в каждом есть кристалл — надежное хранилище последней информации.

— В дешифраторе кристалла нет.

— Значит, он должен быть... у кого-то из них.

В последнюю минуту они должны были использовать кристалл, думал я.

— Есть, — сказал Кай. — Кристалл у нее в руке.

— Вложи кристалл в дешифратор.

В динамике послышалось тихое шипение. Затем возник тревожный голос. Этот голос прерывался, будто что-то мешало ему говорить, и тогда опять слышалось шипение. «Всем, всем... внимание, чрезвычайно важ... ние... через... ный... перед... два... ой... в районе... це... лучение... невозмож... записи кораб... все сильнее...».

Обрывки слов — больше ничего. Ничего!

Но я уже не думал об Анне, не думал о «Диске», который мог в любую минуту взорваться. Я думал о Двадцать второй звездной экспедиции. Это была большая экспедиция — самая большая за всю историю астронавигации. Десятки мощных галактических кораблей устремились к далекой звездной цивилизации, сигналы которой были приняты и расшифрованы за год до этого. И путь этой грандиозной экспедиции где-то в пространстве пересекает траекторию «Амазонки».

Мысли разворачивались стремительно: «Где источник опасности? Может быть, это неизвестный вид излучения. Излучение погубит Двадцать вторую. Необходимо предупредить. Еще не поздно. Только через два-три месяца экспедиция достигнет субсветовых скоростей. Еще не поздно. Но о чем предупреждать? Чтобы они приняли меры? Какие? От чего? Чтобы вернулись? А может быть опасность не в излучении, может быть здесь ошибка?! Вернуть экспедицию? Погибнет труд миллионов людей».

Записи стерты. Из сообщения в кристалле ничего не выжмешь. Остается один источник информации — мозг. Мозг человека. Введенный в вену препарат Квельна возвращает полное сознание на три-четыре минуты. Это сильно истощает мозг. Я не знал: можно ли в таком состоянии вводить препарат. Этой. Живой... без ущерба для жизни.

Я один. Совсем один. Нет связи с базой, потому что Титан сейчас по ту сторону Сатурна. От моего решения, возможно, зависит жизнь участников Двадцать второй экспедиции.

Космос наделен страшной силой. Огромные расстояния,

нерегулярная и медленная (на этих расстояниях) связь плюс ситуации, которые нельзя заранее предвидеть. И вот один человек (любой из нас, работающих в космосе) вдруг оказывается перед необходимостью принять Решение. Решение с большой буквы. Решение, от которого все зависит. Нет начальства, способного думать за нас. И нет подчиненных, которым можно передать ответственность. Есть космос и человек. Лицом к лицу.

Так было не раз. И вот теперь — это случилось со мной.

Мне надо было сделать все для спасения девушки, которая лежала без сознания в рубке «Амазонки». Это «все» было не так уж велико: я должен был оставаться близ «Амазонки» до возобновления связи с базой. Но девушка могла погибнуть. В любую минуту. И вместе с ней погибла бы тайна, от которой, возможно, зависила судьба Двадцать второй экспедиции.

Да, космос заставляет решать, не давая поблажек во времени.

Я сказал:

— Кай, найди место, где хранятся медикаменты. Там должен быть препарат Квельна. На ампулах черная наклейка с желтым крестом.

— Черная наклейка? Препарат из категории особоопасных? Зачем?

В его голосе слышалось сомнение.

— Так надо.

* * *

— Есть препарат Квельна.

— Ты вспрыснешь ей препарат, — сказал я. — Постарайся сделать это как можно осторожнее.

— Не могу.

— Почему?

— Это резко увеличит вероятность смерти.

Я объяснил (говорить надо было как можно спокойнее):

— Препарат вреден, но не смертелен. Зато она сможет говорить. Мы узнаем, что случилось.

— Препарат вреден, — повторил Кай. — В ее состоянии инъекция может оказаться смертельной.

С роботами трудно спорить. Мы, люди, иногда стараемся не заметить то, что нам не хочется замечать. Роботы этого не умеют.

— Кай, — сказал я. — Да, препарат может вызвать смерть.

Но она должна, ты понимаешь, д-о-л-ж-н-а рассказать о случившемся.

— Понимаю. Но не могу.

— Кай, это ставит под угрозу жизнь многих людей. Путь Двадцать второй экспедиции пересекает траекторию «Амазонки».

— Нет доказательств, что опасность в пути.

— Есть, Кай, есть! В кристалле схранились обрывки слов, такие, как «перед... два... ой». Не означает ли это «передайте Двадцать второй»?

— Не знаю. Это решат на базе. Там машины, они расшифруют сообщение.

— Кай, она, эта девушка, может погибнуть сейчас. Понимаешь, сейчас! Мы теряем время, Кай. Время, понимаешь?

Робот молчал.

— Я объясню тебе еще раз, Кай, (Это была ложь — я объяснял себе, я искал доводы, которые убедили бы меня самого!). Допустим, вероятность ее спасения сейчас шестьдесят процентов. После инъекции препарата вероятность уменьшится. Будет сорок процентов. Или тридцать. Но мы узнаем, что с ними случилось. Мы узнаем, грозит ли Двадцать второй опасность.

Робот молчал.

— Связи с Титаном нет, а нам дорога́ каждая минута. Ты слышишь, Кай? Это называется ответственностью. Мы должны что-то сделать. Я не могу спросить других людей. А ты не можешь использовать машины с базы. Нас только двое... и нам решать.

— А если ее мозг не содержит нужной информации, — перебил Кай. — Идти на риск?

— Риск! Постой... Риск ведь тот же подвиг. Подумай, подумай, Кай. Разве люди не шли на риск, отправляясь в пространство, прививая себе болезни? Они ставили превыше своей жизни жизнь других людей, многих людей...

— Нужно подумать.

— Думай!

* * *

Он молчал долго. А время мчалось с сумасшедшей скоростью — я чувствовал по биению сердца, как уходят в пустоту, в ничто, острые, как иголки, секунды.

Потом я услышал:

— Нет. Так нельзя.

И тогда я в бешенстве закричал в микрофон, что сделаю это сам. Я закричал, что плевать хочу на облучение и на логику. Не машине решать человеческие проблемы. Мне, человеку, дано право решать. Право и долг. И я не сбегу отсюда, как крыса...

Я кричал в микрофон и не сразу услышал, что Кай повторяет:

— Хорошо, я сделаю... Хорошо, я сделаю...

* * *

Ждать пришлось долго. Отсюда, с посадочной площадки, я видел, как постепенно сжимались отсеки станции. Черная громада корабля заметно наклонилась. Здесь, в космосе, нет «низа» и «верха», но станция деформировалась, и казалось, что корабль кренится.

...Открылся люк скорта.

— Вот! — Кай протянул руку. На ладони лежала катушка с записью.

— Как... она? — спросил я.

— Она здесь.

— Кто?

— Я надел на нее скафандр. Она здесь, у скорта.

Я уставился на Кая.

— Возьми ее на Титан.

— Ты пронес ее через энргетическое сопло...

Я сказал это совсем тихо, но он услышал.

— На корабле был противорадиационный скафандр. Она в скафандре. Безопасно.

Я выскочил из скорта. На гофрированном металле площадки лежал огромный серый скафандр. Я до сих пор не могу понять, как удалось Каю надеть на нее скафандр: это было сложное дело.

— Быстрее, — сказал Кай. — Быстрее. Вы улетите. Я останусь.

Я обернулся к нему.

— Не подходит! Нельзя, не подходи! Я облучен. Наведенная радиация. Твой скафандр не защитит. Я останусь здесь...

* * *

— Нет логики, — сказал Кай. — Ты ждешь уже двадцать восемь минут.

Я ответил, что буду ждать до тех пор, пока радиация не уменьшится до нормы, на которую рассчитан мой скафандр.

— Нет логики, — упрямо повторил Кай.

Логики действительно не было. Да я тогда просто и не искал эту логику. Я сидел у люка скорта (вернее — висел над люком), метрах в десяти от Кая.

Я думал о роботах. На Земле все еще шли споры. Были теории «автономизации роботов» и теории «нарастающей кибернетической опасности». Создали комиссию во главе с кибернетиком Гертом. Тем самым Гертом, который выдвинул принцип «роботу—психику раба». За Гертом пошли многие ученые. Роботов-пластинавтов, наделенных «свободной волей» (к ним принадлежал и Кай) перестали выпускать.

Где грань, отделяющая Кая от человека? Быть может, такая грань была. Но в чрезвычайных обстоятельствах Кай поступил, как человек. Пусть даже первоначально он и был машиной. Теперь это — Человек. Роботы не могут жить рядом с людьми и вечно оставаться роботами. Они либо станут людьми, либо опустятся до уровня простых машин, безоговорочно повинующихся человеку. Если и есть опасность, то она в роботах с психикой раба. Герт ошибся. Именно робот-раб может со звериной жестокостью уничтожить человечество. Роботы, наделенные свободной волей и интеллектом, никогда не станут врагами людей.

* * *

По зеленому циферблату настенных часов медленно движутся стрелки. Через девять минут сообщение с Земли придет сюда, на Титан. Я узнаю об Анне.

Мы вылетели тогда с «Диска» втроем: я, Кай и Анна. Препарат Квельна помог получить информацию, которая понадобится другим звездным экспедициям. Не двадцать второй (опасность, с которой встретилась «Амазонка», связана с иным районом космоса).

Препарат Квельна... Здесь, на базе, медики были бессильны. Анабиоз, аварийная ракета с лучшим пилотом базы. Анну отправили на Землю.

Я получал лишь редкие сообщения с Земли. Да и сами эти сообщения ничего не сообщали: «Препарат Квельна. Сложный случай. Надо надеяться...»

Потом Земля ушла за Солнце. Связи не было. Я знал только, что Анне предстоит очень сложная операция. Об

414—12

этом сказали кибернетики, прилетевшие на Титан. Теперь здесь полным-полно кибернетиков. Прилетел сюда и Герт. Странно, у него усталое лицо и добрые глаза.

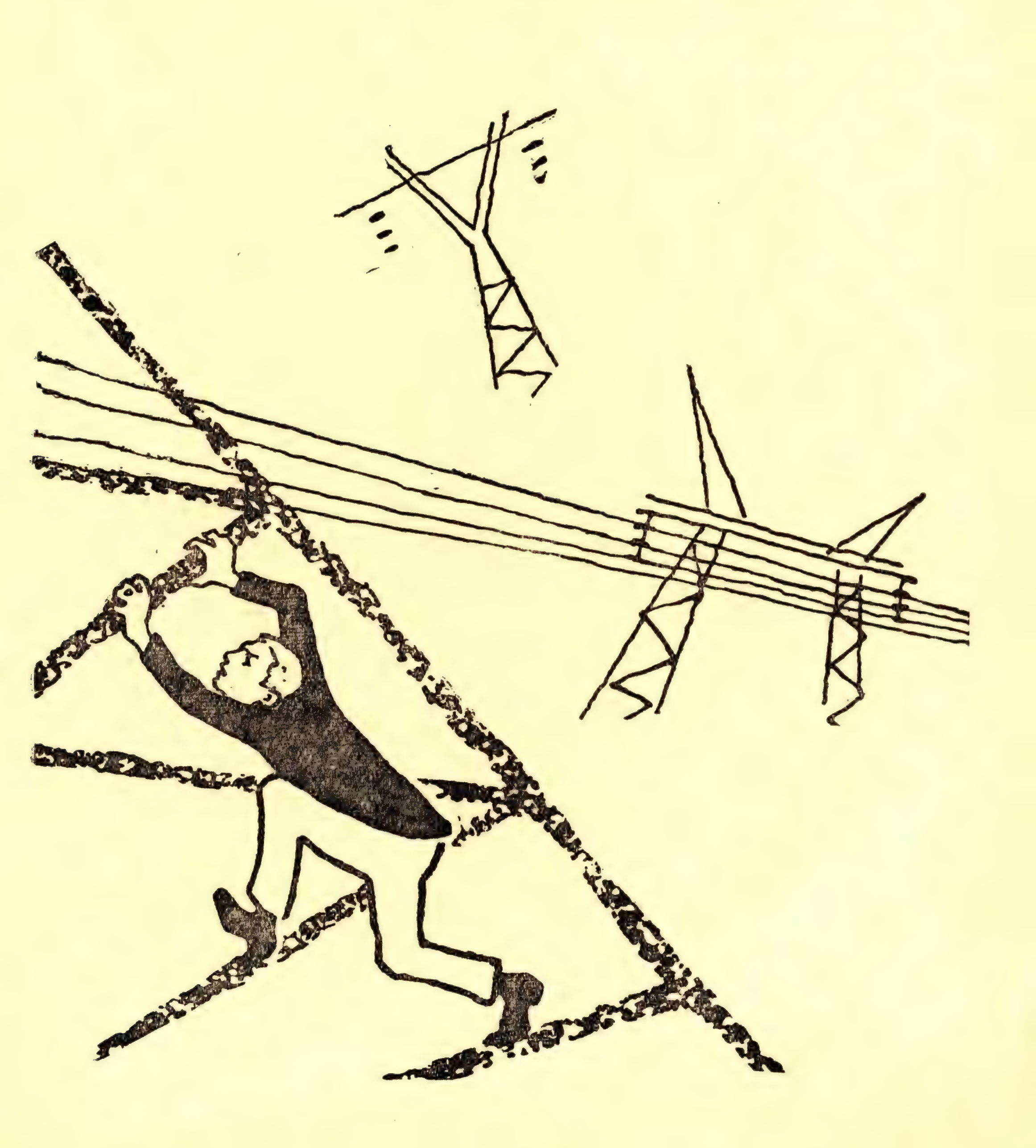
Кибернетики спорят, говорят с Каем и снова спорят.

Сегодня я услышу голос Земли.

Я жду.

И. МИЛЬКИН

СУМАСШЕДШИЙ ЭЛЕКТРОМЕХАНИК

«В Нью-Йорке арестован человек, который выманивал деньги у невежественных и легковерных людей, якобы на постройку аппарата для передачи человеческого голоса по металлической проволоке».

Из старых газет.

Я питаю слабость к изобретателям. И если мне случается столкнуться с кем-нибудь из них, я прямо-таки благоговею, а они в недоумении шарахаются.

Нет, не подумайте только... Я, конечно, целиком согласен, что в наши дни движение научной мысли или какое-нибудь открытие может произойти лишь в серьезном, глубоко специализированном коллективе ученых, а времена гениальных одиночек давно прошли. Это, разумеется, так. Но я все равно ничего не могу с собой поделать. Да и что можно сделать, если...

В середине обычного редакционного дня, когда я уже собирался спуститься в буфет перекусить, на моем столе вдруг зазвонил телефон:

— Алёу!

Звонила Орлова из промышленного отдела.

— Ты у себя? Слушай, к тебе сейчас идет один сумасшедший изобретатель...

— Подожди, товарищ Орлова, а почему ты считаешь, что наш отдел более подходящее место для сумасшедших изобретателей, чем отдел промышленности?

— Потому что у него финка, а я здесь одна, все ушли питаться. А он...

Продолжать разговор было бессмысленно. Скрипнула моя незапертая дверь. Я положил трубку.

«Сумасшедший изобретатель», действительно, очень напоминал сумасшедшего изобретателя, то есть я их никогда до этого не видел, но примерно такими себе и представлял. Ко-

нечно, действительность внесла некоторые свои поправки в этот образ. Морской пиджак-«банкетка» с якорями на пуговицах, линялая флотская фуражка. В остальном же все было, как полагается, — явное отсутствие какого-либо белья под пиджаком, небритые, ввалившиеся щеки, зябко повязанный шарф, глаза... самое главное — глаза. В сущности, они были вполне нормальными, только... В общем, такие глаза были бы у большой обезьяны, если бы ей подарили разум и забыли подарить дар речи — «Знаю, а сказать не могу».

Или вернее... Впрочем, описывать глаза — дело безнадежное.

— Здравствуйте. — Он протянул мне большую костлявую руку. — Электромеханик Коц.

— Очень приятно. Присаживайтесь. Курите?

Я протянул ему папиросы, поднес спичку.

Он сел, закинул ногу на ногу.

— Вы знаете, что такое электричество?

— Электричество? — я улыбнулся и, не задумываясь, ткнул в настольную лампу. — Вот.

Изобретатель нетерпеливо скривил твердый тонкогубый рот.

— Да, и это тоже. Ну, а понятие, физический смысл, — что такое электричество?

И вцепился (других слов не подберешь), в меня своими глазами.

Я переставил пресс-папье, осмотрел и положил на место карандаш. В голове крутилось: «Поток, виток, ток». Нет, не то.

Я развел руками.

— Забыл.

Коц откинулся на спинку стула, захохотал.

— Какая потеря для науки, а? Подумайте только, один человек знал, да и тот забыл. — Он поднял палец. — Никто никогда не знал и не знает, что такое электричество.

Посмотрел на меня и опять хохотнул.

Я разозлился. Разозлился настолько, что даже перестал бояться его.

— А вы знаете?

Коц стал серьезным.

— Нет, не знаю.

— А как насчет «вечного двигателя» или «философского камня»?

И вот тогда появилась финка — узкая, злая, длина клинка примерно полторы ладони. Вполне хватит...

Я вскочил, схватил стул.

— Поставь стул, гнида газетная!

— Убирайся отсюда, ты... — в общем, я тоже не остался в долгу.

Он встал.

Я замахнулся.

Вдруг опять задребезжал телефон.

Долго держать стул навесу неудобно, тяжело. Я грохнул его на пол.

— Да. Кто говорит?

— Это я, Орлова, — некоторое время в трубке только учащенное дыхание, наконец: — Как там у тебя? Ничего?

— Все в порядке.

Я дал отбой.

Коц уже уселся.

— Ладно, давай поговорим спокойно.

Я хотел сказать, что не хочу с ним разговаривать, но почему-то сказал:

— Давай!

Он придвинулся поближе к столу, снял фуражку.

— Кто знает, что такое электричество? Никто. Два противоположно заряженных тела притягиваются. До Фарадея это называлось «дальнодействием». Мы назвали «полем». И успокоились. Электромоторы крутятся, провода висят, — ну и ладно. Правильно?

Я кивнул.

— Правильно.

— Неправильно! — Коц хлопнул рукой по столу. — Мир никак не может излечиться от механистических взглядов. Хотим из земного притяжения вырваться, другие планетные системы собираемся посетить — и тоже механическим путем. Раз из точки А нужно попасть в точку Б, значит — при через пространство напролом? Ну, если от А до Б два километра, — это имеет смысл. А если десятки световых лет? Никто же не станет современное судно разрезать надвое с помощью слесарной ножовки. Улавливаешь?

Меня очень тянуло опять кивнуть, мол, «улавливаю». Я сделал над собою усилие.

— Не очень...

Коц посмотрел на меня с каким-то презрительным сожа-

лением, потом взъерошил свои и без того достаточно непричесанные волосы.

— Добро. Надо с начала. Я работал тогда дежурным энергетиком на электростанции. Думал прилипнуть на суше, «надоело болтаться по морю. Сижу я однажды на дежурстве, читаю что-то. Вдруг вижу, стрелки дернулись. Приборы «землю» показывают. Утечка где-то на линии. Это может во время дождя быть. Но я получил прогноз — ясная погода. Да и откуда может быть летом, в такую жару, дождь? Ну, стрелки покачались, и опять на место возвратились. А мне чего-то не по себе стало. Растолкал я дежурного шофера: — готовь машину.

И поехали мы по линии, от опоры к опоре. Тишина, горячий воздух дрожит, все время кажется, будто впереди озеро и дальние опоры прямо в воде стоят.

Отъехали уже километров с двадцать, видим — отара овец. Мы бы проехали дальше, — чабан кричать стал, остановились. И он рассказал нам.

Оказывается, подпасок его, молодой парень, пребывая в телячьем восторге — то ли он женился недавно, то ли собирался жениться, — я не очень понял, в общем, этот удалец решил преподнести своей любимой парочку изоляторов, а может, и целую гирлянду.

Изоляторы стеклянные, играют, переливаются на солнце. Ну, он и полез их сбивать.

Удивляешься? Я тоже удивлялся. Неужели он не слыхал никогда, что нельзя этого делать?

Не знаю.

Есть, оказывается, еще и такие на нашем шарике.

Взять хотя бы старика-чабана. Он видел смерть от ножа, от болезней, от старости. А эта история казалось ему фокусом. Был человек, и вдруг не стало человека. Телогрейка упала, папаха тоже, а человека нет. И пепла не видно. — Коц уставился на меня. — Так куда же он делся?

— Куда? — повторил я, и на голове у меня зашевелились волосы. Потом мне удалось засмеяться и выдавить из себя:

— Убило током, сгорел!

— Пепла нет, — повторил Коц, продолжая давить меня взглядом. — Допустим, пепла нет. Тогда что?

Я молчал.

— Ладно, — он жестко улыбнулся, — пепел я нашел. Очень мало, но нашел. Дело не в этом. Старик смотрел на нас с надеждой. По-моему, он бы не удивился, если бы я

сделал что-то, и из моего кармана вдруг появился его подпасок. Кажется, эта первобытная вера в чудеса и заразила меня тогда. Дай папиросу.

Две-три глубоких затяжки, клубы дыма. Коц доверительно придвинулся, разогнал дым ладонью.

— Почему бы не предположить, подумал я тогда, что под действием ста десяти тысяч вольт произошла переорганизация материи? Ведь, если вдуматься, старый чабан как-то по-своему прав. Человек же не проволока, чтобы просто перегореть. Человек живой. У него уйма энергии. Он бегает, любит, строит. Куда все это делось? По-моему, живая материя тем и отличается от неживой, что она энергетична. А энергия ведь не должна сгореть.

— Идеализм! — пригрозил я.

— Почему идеализм? — Коц поморщился. — Человек-вещество превращается в человека-поле. А материя никуда не исчезла, она просто видоизменилась.

— А пепел? — уцепился я. — Ты же нашел пепел.

Он остался спокойным.

— Ну что ж, превращений без потерь не бывает. Какую-то дань платить всегда приходится.

Человек-поле — этакое туманое облако с очертаниями человека — быстро скользит над проводами — я представил себе это, и попробовал спрятаться под теплое одеяло общеизвестного, небеспокойного.

— Просто убивает током, сгорают — и все. Почему раньше никто не замечал этого твоего... — я сделал неопределенное движение рукой, — превращения?

Коц пожал плечами.

— Потому что никакого превращения не было. Люди, действительно, сгорали — и все. Просто схватиться за провода — этого еще мало. Но преобразование возможно. Для этого надо иметь...

Он полез за пазуху. Я думал — сейчас появится какой-нибудь приборчик, или вообще черт его знает что, но Коц вытащил до странности чистенькую тетрадку, раскрыл ее, сунул мне под нос. — Вот, смотри...

Восьмерки, лежащие на боку, какие-то закорючки, вон та, кажется, лямбда или сигма.

Я обалдело хлопал глазами. Наверное, у меня был очень глупый вид. Коц вздохнул, отобрал тетрадку.

— Все равно, не поймешь... Но ты слушай, слушай и запомни. Ты запомнишь...

Он словно гипнотизировал меня.

— Преобразованию подлежит только живая материя. И главную роль здесь играет не столько электричество, сколько его магнитные свойства.

Кажется, Коц перестарался. Я видел только его глаза, странные, бешено-напряженные. Они вбирали, растворяли меня.

Он что-то говорил.

— ...Экраном может служить... Очень важно, чтобы совпало в системе...

Но слова доносились как сквозь вату. Кружилась голова, в память стучались гордые стихи о том, что если бы солнце потухло, то «мир осветила бы мысль безумца какого-нибудь».

Потом я будто проснулся. Коц задумчиво теребил свой хрящеватый нос.

— Детрансформация — обратное превращение человека-поля в человека. — Он помолчал и честно признался. — Кое-что мне здесь не совсем ясно. Главным образом, потери. Какая-то часть теряется при первом переходе, какая-то при обратном. Как это будет выглядеть? Окажется ли человек просто похудевшим, или потеряет энное количество лет жизни? В общем, нужен опыт.

Я всем своим видом выразил удивление: так в чем же, мол, дело?

Коц понял меня.

— Не-е, настольный опыт тут не пойдет. Этот процесс не моделируется. А для настоящего опыта мне нужно, — он почесал в затылке, — нужно, чтобы город на какое-то время отдал мне свою электроэнергию.

«Всего-навсего»!

— Один раз я пробовал, — Коц смущенно, по-мальчишески, безоружно улыбнулся. — С кошкой пробовал. Ну, опыт был преждевременный... Меня тогда выгнали с работы, чуть вредительство не пришили.

Он надолго умолк.

— Слушай, а ты не пробовал поговорить с кем-нибудь, кто тебя поймет?

— Пробовол. — У него дернулась щека.

— М-да, — протянул я и подумал, что привычка хвататься за финку, видимо, появилась у него неслучайно.

— И что, это у тебя первая... — я поискал слово, — первая идея, или раньше тоже бывало?

— Было. — Коц опять весь засветился. — Еще когда я плавал, мне пришло в голову — это же неразумно.

— Что неразумно? — не понял я.

— Да плавать в воде неразумно — две трети судна под водой, а у танкера даже четыре пятых. Сопротивление воды огромное.

— А что же делать?

— Летать. По воде надо летать.

Я чуть не схватился за голову. Час от часу не легче!..

— Летают по воздуху, — как можно спокойнее сказал я.

— А по воде — тем более. — Коц прямо подскочил на стуле. — Ведь вода в восемьсот раз плотнее воздуха. Жалко, у меня нет с собой той тетради... Дай бумагу!

Через минуту на листе появилась какая-то диковинная штука. Она опиралась на четыре разлапых ноги странного вида. Рисунок скорее напоминал белого медведя, чем корабль.

Я встал.

— Слушай, я берусь организовать тебе консультацию.

Кажется, это получилось у меня слишком торжественно.

— Ладно. — Коц тоже поднялся. — Только я не для того пришел. Просто, чтобы знал кто-нибудь...

Я не совсем понял его, но кивнул.

— Запиши мне свой телефон, — продолжал Коц, — звонить буду тебе, а то так ходить, — он показал на свой пиджак, — люди пугаются. Полтора года не работаю.... Ты не одолжишь тридцатку?

И сразу будто что-то рухнуло и разбилось.

— Сейчас, сейчас...

Я лихорадочно шарил по карманам, хотя отлично знал, что, кроме мелочи, там ничего нет.

— Подождите... Я сейчас...

Тридцатку я достал в машинбюро под твердое обещание вернуть в день получки.

Конечно, я не ждал никакого звонка, и был очень удивлен, когда услыхал в трубке резкий, нетерпеливый голос Коца. Я сразу узнал его.

— Ну, как, говорил с кем-нибудь? — начал он без всякого предисловия.

— Да нет, знаете...

— Ладно, черт с ним, я сам. — И гудки отбоя.

— А ведь у меня была возможность. На днях я брал интервью у одного крупного физика. Правда, он не носил профессорскую шапочку, однако был такой ученистый, строгий...

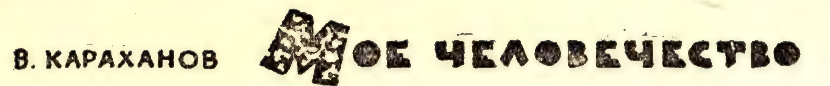
И все равно, я бы решился, заговорил бы с ним об этом сумасшедшем деле. Но тридцатка...

Дня через два, утром, по дороге в редакцию, я купил в киоске газету (я не отказывал себе в удовольствии подойти к киоску и на общих основаниях купить газету). В троллейбусе я развернул ее и в отделе хроники споткнулся о коротенькое сообщение:

«Вчера неизвестный сумасшедший, пробравшись к главному щиту городской ГЭС, взялся за клеммы».

С тех пор прошло двадцать четыре года. Я давно уже заместитель редактора. Но в этом-то ничего выдающегося нет. Просто лейтенант стал подполковником.

А вот корабли на подводных крыльях, а?

ПОВЕСТЬ

Коридор длинный-длинный. Радуги вокруг ламп, белесые провалы окон. Может быть, туман? Откуда же в помещении?

Завтра двадцать девять... Глупая... всего двадцать девять.. Сбылась детская мечта: она никогда не будет старухой... никогда... Сколько у нас теперь таких никогда? Щелкнуло зеркальце. Глаза и волосы... больше ничего. Нет... мелькнули чьи-то усики.

Ей улыбался парень в белом.

— Мадам Нинель?

Глупое увлечение звучными именами. Дима Маленький... Он и тогда смеялся над этим.

— Нет просто Нина. Уже давно.

— Достижение...

«Самая большая язва биофака», — с удовольствием вспомнила она.

— Как дела? — перешел он на обычное.

— Ничего... У меня рак, — ответила она.

Дима сморщился и вдруг потащил ее за собой. Дверь, еще одна...

— Илья Борисович...

Он обращался через ее голову к такому же высокому, тоже в белом.

«Как среди снежных великанов» — подумала Нина и невольно улыбнулась.

— Чему же вы тогда улыбаетесь? — донеслось до нее.

Крупный с горбинкой нос, глаза, как омуты, и выпуклый крутой лоб.

Действительно — чему? Она беспомощно пожала плечами.

Он резко задавал вопросы, аккомпанируя на столе перестуком пальцев.

— Когда вы узнали? (тук, тук...).

— Окончательно сегодня.

— Начались боли? (снова дробь).

— С полгода...

Дробь усилилась. Разом — тишина.

Обещал затребовать историю болезни.

Дима Маленький уже в коридоре записал номер ее телефона.

— Креймер — бог! — крикнул вдогонку.

Встреча с Ниной выбила Диму из колеи. Машинально подкручивая винты, он смотрел в окуляр и не мог сосредоточиться.

Вот она, клетка — живой кирпичик организма. До чего примитивно выглядит этот химический комбинат в обычном световом микроскопе. Сколько сложнейших процессов скрыто за кажущейся простотой. И главный из них — воспроизводство по законам миллионолетней давности. Дезоксирибонуклеиновая кислота — мощный генетический аккумулятор, святая святых мкиромира. От нее заряжается рибонуклеиновая кислота и транспортирует наследственную информацию на матричную РНК. Шаблоны переработки сырья готовы, и поступающий белок штампуется по строго определенным конфигурациям — только так, как нуждается клетка для своего развития. Четкий, выверенный ритм жизни!

И вдруг — авария! Худшая из всех возможных. Авария на ДНК! Ни одному заболеванию, кроме рака, не удается такая диверсия. Начинается сдвиг внутриклеточного обмена веществ. ДНК снижает, затем вовсе прекращает подачу информации. Останавливается рибонуклеиновый транспорт. А питательное сырье продолжает поступать, и матричная РНК не в состоянии его дифференцировать. Приспосабливаясь к новым условиям, она становится авторепродуктивной. Это — кульминация, предрак. Человек работает, смеется, мечтает. Никаких признаков катастрофы. А в контрольном механизме ядра уже отдана предательская команда.

Неизвестный фактор побуждает измененную М-РНК активизироваться: упрощенно синтезировать неспецифический белок. Происходил окончательный сдвиг в обмене веществ одной, единственной клетки. Но этот сдвиг уже закреплен на генетическом уровне. Делясь, клетка передает его дочерним,

растет пятая колонна, опухоль закрывает пищевод, блокирует желудок, вползает в нежную ткань легких. И наступает тишина... Тишина — как после ответа Нины.

Креймер закурил, предварительно прогрев мундштук огоньком зажигалки.

— Обычная история: полгода назад начались боли, узнала сегодня, значит — наступило завтра.

Маленький встает, громко задвигает стул.

Бог внимательно смотрит на него.

— Первая любовь?

— Совсем не то... Она — филолог. Виделись на поточных лекциях.

— Красивая...

— Ей это здорово поможет, — язвит Дима.

Он заглядывает через плечо Бога. Ну конечно, опять колдует над этими трижды проклятыми кислотами.

Даже самому себе он не хотел признаться, что боится. Боится новой ампутации. Уж он-то хорошо знал, почему исследовательский метод шефа называют хирургическим. Ведущий онколог Ленинграда давно оставил клинику, но превратил лабораторию в операционную. Диму не покидало ощущение, что он непрерывно ассистирует при операциях, последовательность которых невозможно предугадать.

До прихода Димы Креймер, изучая ультраструктуру раковой клетки, доказал, что опухолевый рост есть проявление биологической закономерности. В начале их совместной работы он экспериментально обосновал гипотезу о способности раковых клеток дифференцироваться под влиянием среды.

Дима был биохимиком и с жадностью взялся бы за дальнейшую разработку любой из этих проблем. Да что он?! Целые лаборатории подхватывали проблемы, брошенные Креймером.

Кропотливое изучение процесса малигнизации позволило им выявить первоначальные различия между ДНК нормальной и малигнизированной клетками. Дима с увлечением готовился к новым экспериментам, но в самый разгар подготовки Креймер произвел очередную ампутацию:

— Меня больше не интересует весь процесс. Слишком много факторов играют роль в его возникновении, слишком долго он продолжается. Займемся отрезком времени: авторепродуктивная РНК — начало опухолевого роста.

Диме захотелось ткнуться лбом в стенку, а еще больше в шефа. Однако поиск фактора «Х», обусловливающего ак-

414-13

тивацию авторепродуктивной М-РНК, а следовательно, опухолевый рост выглядел, действительно, заманчивым, и желание бодаться пропало.

А скоро стремление Креймера обнаружить универсальное звено заболевания и разорвать цепочку необратимости по-настоящему увлекло Диму. Ведь подавление фактора «Х» защитит геном клетки, и тогда природа организма возьмет свое: изменения будут устранены. Но Креймер так часто менял направление исследований, что однажды Дима не выдержал:

— Если изобразить наш поиск графически, получится кривая с температурного листа горячечного больного.

— Очень хорошо, — ответил Креймер. — Когда ловишь «в жмурки» — незачем придерживаться правой стороны.

Экспериментальный поиск фактора «Х» продолжался по сегодняшний день. И Диме совсем не нравится подозрительная возня, затеянная сейчас Креймором вокруг эмбрионов.

Неужели опять ампутация, и четыре года работы — кошке под хвост?

— О чем вы задумались? — Теперь уже Креймер стоит над ним.

— О прожорливости кошек. А что у вас?

— Ничего нового. Еще в эмбрионах всегда имеется прецедент авторепродуктивности РНК, необходимой для быстрого роста клеток. Это свойство к самоповторению возникает почему-то и в стадии малигнизации.

В этом сообщении не было ничего угрожающего, и Дима откровенно повеселел:

— Природа топает по проторенной дорожке. Я создам по этому поводу сто первую теорию. Канцерогены различных видов побуждают центральную нервную систему среагировать на раздражение. Из арсенала сопротивляемости извлекается самое грозное оружие— ускоренный рост клеток. По приказу из центра ДНК снижает информацию. Матричная РНК восстанавливает способность к самоповторению, и начинается тотальная мобилизация. Погоня за количеством наносит непоправимый ущерб качеству, и новые упрощенные клетки вызывают еще большее раздражение. Соответственно нарастающему угнетению растет скорость образования недифференцированных клеток и дальше—во взаимопровоцирующей прогрессии... Образно говоря, с организмом происходит то же, что с кошкой, когда ей на хвост вешают прищепку. — Маленький строго оглядел воображаемую аудиторию. — Итак, способность к малигнизации продетерминирована в самых общих

свойствах нуклеиновых кислот, и рак есть доведенная до абсурда защитная реакция организма. Благодарю за внимание.

— Для экспромта недурно, хотя приверженность к кошкам настораживает, — улыбнулся Креймер. — И, знаете, в вашей абракадабре есть идея, даже две...

— Меня давно распирало, — вставил Маленький.

— Первая: теории о происхождении рака носят пока настолько умозрительный характер, что увеличивать их число не имеет смысла. Вторая гораздо интереснее. Что, если когда-нибудь удастся использовать вашу «тотальную мобилизацию» без ущемления генетики клеток? Это будет действительно грозным оружием.

Из дальней аллеи донеслось знакомое чавканье. Грузовик с брезентовым верхом воровской тенью скользнул вдоль забора.

— ...А пока в стационаре освободилось еще одно место, — тихо сказал Дима.

— Ну, поздравляю! — говорит Нина вслух, поднимая рюмку с подсолнечным маслом.

Очень хочется хлеба. Совсем, как в блокаду. Только тогда она была, как все. Почему именно у нее?..

За стеной ругаются соседки. Почему не у них? Рак — смешное название. Подумаешь, рак... Грудная жаба — это точно. Больной задыхается, судорожно глотает воздух. А кому, глядя на нее, придет в голову, что она конченый человек?

А, вот почему рак! Время начинает пятиться. Больше нет будущего. Все в настоящем...

Но не сегодня же умирать. А что теперь делать со своим куцым настоящим? Явиться в институт к этому «Богу» в качестве подопытного кролика? Пищевод уже испорчен, но все остальное еще пригодится. Нет, героика не для нее. Обыкновенная женщина, обыкновенная учительница... «Нина Владимировна, за что мне двойка?»... Ставить только пятерки? Кому это надо? Поехать на лето в Крым, пока не поздно, пока может нравиться? Вздор, все вздор...

А чего она хочет? Теперь все будет мелочно, все вздорно. Скорей бы кончился вечер. Сходить в «Спартак» на английскую комедию? Кажется, «Смех в раю» — как раз подходящая тема...

Часы, конечно, стоят. Большие старинные часы, которые надо заводить каждые трое суток.

Тогда, в блокаду, они тоже остановились. Сперва для отца. Он лежал на полу, словно в последний раз дирижируя широко раскинутыми, распухшими руками.

Потом для матери. Но этого Нина не видела. Ее с другими детьми увезли из города в зеленой санитарной машине.

Далекая Астрахань и дальняя тетка. Хозяйство пригородное, хозяйство домашнее, очереди на пыльных улицах, сумасшедшее солнце, теткин форменный ремень, жесткий и твердый, как учреждение, где она служила.

И снова Ленинград, гордый, как детство, и мокрое родное небо, и эти часы, которые стала аккуратно заводить тетка. Но воздух Балтики не позволил ей долго получать пенсию, праведно ли, неправедно ли заработанную под жарким астраханским солнцем.

Вскоре зеленая санитарка, горящая в печурке дирижерская палочка, кашица из отрубей, теткин ремень, огородная лопата — все это отошло для Нины в иную, уже прожитую жизнь.

В новой были: университет, «мадам Нинель» — дочь известного музыканта, сталинская стипендия и... директор школы.

Сперва она, как и другие практикантки, по-студенчески боготворила, не по летам серьезного Игоря Вениаминовича.

Потом, когда ремень, потверже теткиного, захлестнул стальной петлей его отца, и многие начинали спешить, едва директор входил в учительскую, он стал для нее просто Игорем.

...И он плакал, рассказывая ей правду об отце. Пожелай он того, она не побоялась бы кричать на всю школу, на весь Ленинград, на всю страну об этой правде...

...И было собрание. Игорь Вениаминович назвал своего отца подонком, и в его глазах дрожали слезы святой ненависти.

А у Нины к горлу подкатила тошнота, и для Игоря остановились часы.

Теперь они остановились уже для нее. Она ненавидела их, словно они были живым существом. И сейчас, в день своего рождения, ей начинает казаться, что вся жизнь прошла в борьбе с ними. И они победили, большие старинные часы, которые надо заводить раз в трое суток плоским изящным ключом.

Телефонный звонок: Дима Маленький сообщал, что в стационаре института освободилось место и Бог оказал протекцию.

Ну что ж, пусть больница. Там хоть она будет, как все...

— Салют наций! — заорал Дима, врываясь в лабораторию.

Креймер привык к выходкам своего коллеги и терпеливо ждал продолжения.

— У нашей Джеммы обнаружен фактор «Х»! Ребята из электронной целуются!

Бог с эмоциями не спешил. Разочаровываться всегда гораздо труднее. Кроме того, ребята из электронной не упускали повода для поцелуев, — там работали две смазливые девушки.

— И вы молчите?! — взвыл Маленький, — главное в первоначальных раковых клетках. Опухоль еще отсутствует.

Креймер закурил, забыв продезинфицировать мундштук.

В лаборатории электронной микроскопии столпотворение. Каким-то чудом сюда вместился весь огромный отдел этиологии и патогенеза. В центре внимания серия микроснимков Впечатлениями делились, кажется, все присутствующие. А огромный электронный микроскоп, одно из чудес двадцатого века, застыл над ними, как вставший на дыбы ящер доисторических времен.

На оперативном совещании с участием смежных групп обнаруженному антигену было присвоено условное наименование «Активатор Канцера» и намечен план дальнейших экспериментов.

— Да, бедным обезьянам не поздоровится, — пошутил кто-то.

— Еще бы... — хмыкнул Дима. — Недаром приятель-юрист как-то сказал мне: «Гораздо легче поймать преступника, чем потом доказать, что он — это он».

Когда все разошлись, Маленького так и подмывало поделиться с шефом. Однако он начинал слишком издалека, а Бог был занят собственными мыслями. Только на одно из таких далеких начал он среагировал. Дима заявил, что этим летом не возьмет отпуска.

— А чем вы все-таки занимались шестьдесят дней подряд в прошлом году? — подтрунил Креймер.

— Семьей и печенью, — сердито ответил Дима.

Для холостяцкого воображения Ильи Борисовича эти понятия звучали примерно одинаково. Тем не менее, он любил услышать в застенчиво приоткрытую дверь лаборатории требовательный возглас: «Па-има!». Илья Борисович замечал, что с приходом сына у Димы даже пальцы становились мягкими и безвольными. Что касается печени, то Креймер не придавал этому серьезного значения. В димином возрасте можно еще позволять себе роскошь вскользь пожаловаться на печень.

Весть об открытии облетела институт. Даже в небольшом стационарном корпусе персоналу никак не удавалось навести порядок. Обычно флегматичные, больные сгрудились вокруг молодого онколога Белинского и выматывали из него душу.

— Нет, рассасывать опухоли профессор еще не может,— тоскливо оглядываясь, ответил Белинский мужчине с шишкой под ухом.

По дорожке шла молодая женщина в светлом полупальто, с саквояжем и сумочкой в руках. Она тоже оглядывалась, видимо, не зная, куда идти дальше.

Обрадовавшись возможности избежать дальнейших расспросов, Белинский направился к ней.

Маленький обещал встретить и не пришел. Оказывается, здесь целый городок. Корпуса свежевыбелены, подстриженные газончики. Как на сцене, среди бутафорий. Навстречу идет добрый дядя доктор... Какая это все-таки комедия — лечить рак... — улыбаясь думала Нина.

— Вам куда? — спросил Белинский. После людей, только что окружавших его, она, казалось, олицетворяла жизнь.

— Вам куда? — с удовольствием повторил Белинский.

Щелкнула модная сумочка.

Прочитав направление, Белинский снял очки, словно зловещее Сч сразу подорвало его доверие к ним, взглянул на женщину. У нее на лице уже было хорошо знакомое ему выражение флегматичной обреченности.

Потом ее взвешивали, записывали, снаряжали. В палату она пришла своей. Поправила халатик с веселыми разводами, взглянула со стороны на такие же и почувствовала, что у нее хорошее настроение.

За день она полностью акклиматизировалась и вечером даже вышла прогуляться. Усыпанная гравием дорожка приятно похрустывала. Ели, высаженные по сторонам, жадно

вбирали в себя остатки солнца. Редкими вышками торчали кипарисы.

«Хорошо, что изредка»,—подумала Нина. — «В кипарисах есть что-то подчеркнуто декоративное». Еще она подумала, что напрасно не сделала перед больницей маникюр. Об этой мысли на душе сделалось совсем легко.

В центральной аллее она увидела «Бога». Нина еще замедляла шаги, и улыбка еще не сползла с губ, когда он прошел мимо, даже не моргнув.

Его догнала няня:

—Вас спрашивают...

Дима покосился на хмурое Нинино лицо и, вместо обычных расспросов, принялся читать ей лекцию.

— Следы саркомы находили на костях в египетских пирамидах...

«Удивительная толстокожесть», — подумала Нина.

— А рак желудка — у Наполеона. Правда, крупнейший патолог наших дней в сохраненных тканях Бонапарта ничего злокачественного не обнаружил.

— Это окрыляет, — усмехнулась она.

— В Скандинавии новые случаи рака заносятся в специальные регистрационные книги.

Диму несло. Когда он сообщил, что по данным международного онкологического центра от рака ежегодно умирает два миллиона, она не выдержала:

— Может быть, ты все-таки перестанешь резвиться?

— Обязательно. Видишь ли, я давно замечал, что диагноз Сч превращает человека в живого мертвеца. Первый симптом—траурное выражение и зависть к больным туберкулезом. Потом отрешенность от окружающего, потом ежеминутное самооплакивание. И, наконец, царь природы превращается в жалкое существо с атрофированным от страха мыслительным аппаратом. Для того чтобы помочь человеку сохранить свое «я», существуют два метода: внушать, что рак «бяка», одновременно проявляя крокодилью жалость, или встряхнуть статистикой. Сразу делается ясным, что это трагедия многих, а не твоя персональная, что из-за этого не стоит надуваться на жизнь и возмущаться, что именно тебе, а не соседям, она подложила такую свинью.

Нина невольно улыбнулась.

— А главное, за миллионы жизней, в числе которых и твоя, в институтах, лабораториях, клиниках, на всем нашем родном «шарике» борется масса симпатичных людей, и поэтому ты просто не имеешь морального права считать себя приговоренной. Вон шагает один из этих симпатяг, сейчас он перейдет на галоп.

Действительно, заметив Диму, Белинский подбежал к ним.

— Что нашли вы с Богом?! Друг называется...

— Белинский, я шел к тебе. Универсальный фактор, провоцирующий рост опухолей. Если это подтвердится экспериментально, то...

Маленький поднялся и застыл памятником.

— Еще при жизни, — выдержав паузу, пояснил он.

— И все-таки у обезьяны... — полувопросительно сказал Белинский.

— И все-таки между обезьяной и тобой нет кошки, которая ест мышей, — обиженно ответил Дима.

Старуха решила, что сейчас самое подходящее время поговорить с сыном.

Илья Борисович просматривал газеты и не сразу понял,

чего от него хотят. Да, он помнит их: такой шумный толстяк — надевал дамскую шляпку и смешно носился по комнате с литровой банкой, изображая, как жена поит дочку соком.

— Они нам родственники. Через дядю твоего отца, — пряча глаза, уточняет старуха.

Вот уж этого Илья Борисович никогда не подозревал.

Он еле сдерживает улыбку при виде героических усилий матери выглядеть правдивой.

— У него обнаружили опухоль, здесь... — старуха тычет себе пальцем куда-то ниже ребер, — я хотела тебя просить...

— Ты знаешь, я больше не произвожу операций. Даже в виде исключения. — Он уходит в кабинет.

Но как раз тишина мешала ему. Просящее лицо матери, веселый толстяк в шляпке — никак не хотели исчезать.

Илья Борисович выдвигает ящик письменного стола, достает обернутый в целофан предмет, словно взвешивая, держит на ладони.

Кипящим маслом, раскаленным железом древние египтяне и греки разрушали опухоль. Теперь разрушают из кобальтовых пушек. За тысячи лет изменился способ. Сущность осталась: разрушение. Как из потревоженного муравейника разбегаются раковые клетки, чтобы вновь начать свой необратимый рост.

Необратимый, значит смертельный.

Но ведь опухоль — конечный результат многолетнего процесса заболевания, всего лишь последний акт в многоактовой драме рака. Возрастная, наследственная, химическая, вирусная, десятки теорий пытаются объяснить начало этой драмы. В операционной Креймер считал, что созданию единой теории мешает недостаток фактических и экспериментальных данных. Оказалось наоборот, обилие и разнообразие их приводило к существованию многочисленных теорий, каждая из которых неминуемо вступала в противоречие с полным объемом накопленных сведений.

Креймер не создал сто первой. Освоение микромира еще только начато, окончательное решение... Креймер вдруг улыбнулся. Он вспомнил слышанный в трамвае разговор. Усталая женщина с переполненной сеткой на коленях возмущалась врачами, которые не знают даже, отчего получается рак. Девушка-кондуктор важно поддакивала: «Скоро на Марс полетим, а какую-то болезнь вылечить не могут...». Да поймите, что узнать все про рак — значит научиться создавать жизнь! — хотелось крикнуть Илье Борисовичу. Потом он за-

метил, что из переполненной сетки выглядывает угол белого халата...

Необратимый, значит, смертельный. Креймер занялся изучением последнего акта. Очень трудно, даже невозможно избежать количественных изменений, вызываемых действиями самых различных факторов: химического, возрастного, вирусного, физического. Но если все-таки возможно предотвратить качественное изменение, затрагивающее геном клетки? Тогда звонок перед последним актом не прозвенит.

Узкое тело скальпеля подрагивает на ладони. Нет, Креймер не изменил своему оружию. Он еще произведет операцию, о которой мечтал, покинув клинику, все эти годы. Он разделит понятия: рак и смерть...

На экране телевизора замелькали строчки. Старуха, стараясь не слишком шлепать, подошла к полуоткрытым дверям кабинета. Как раз в этот момент сухо щелкнул ящик. Старый скальпель профессора Краймера лег на старое место.

Больничная ночь придавила Нину к подушке. Хромосомы, опутанные гирляндами нуклеиновых кислот, разноцветные ферменты, белки сцепились в чудном калейдоскопе. Вдруг среди точно выверенного рисунка блеснул холодный кристалл вируса, и все смешалось. Стали расти колонии бесформенных безобразных клеток. Они распухали и клейкой массой обволакивали Нину.

— Не хочу!!! — кричит она и тут же слышит:

— Ну, зачем так, девочка?..

Это мастер художественного чтения. Ее постель рядом.

— Здесь больница особенная. Такую старуху и то дважды на ноги ставили.

А рука продолжает нырять в глубокие Нинины волосы. Вот так же гладила мать: сверху вниз, будто расчесывала.

Утром звеневшие от солнца стекла разбудили Нину. После завтрака она сунула под мышку томик Паустовского и вышла из корпуса. Конечно, обрушился ливень. Она спряталась под большой елкой, недалеко от стационара. Иглы весело подпрыгивали над головой. Тысячи сочных капель вдребезги разбивались о землю.

Далеко-далеко за стволами деревьев было видно, как в их корпусе вспыхнул свет. Нина ясно представила себе Бога. Ей даже почудилось, будто вовсе не дождь, а он выстукивает дробь своими сильными пальцами.

И вдруг за косой сеткой дождя она увидела их: Креймера, Диму и паренька в синей блузе. Креймер и Маленький легко шагали через лужи. Низенькому лаборанту, чтобы не промочить ног, приходилось петлять, как зайцу.

Илья Борисович, по-мальчишески подмигнув Диме, подхватил паренька на руки и укрылся под навесом флигеля.

Они возвращались из вивария. У Джеммы образовалась опухоль.

— Малигнизированные клетки появились в угнетенных химическим канцерогеном тканях. Затем в клетках появился активатор, а теперь начался и рост опухоли. Все, как в аптеке... — с удовольствием рассуждал Дима, попутно отряхивая пиджак. — Бедная Джемма погибнет, но, как говорится, здесь смерть идет навстречу жизни. Нашу обезьяну ждет блестящее будущее.

Креймер тронул его за плечо.

— Да, кстати, какой прогноз у вашей знакомой?

— Поразительная ассоциация, — пробормотал Дима. — Не операбельна. Проведут курс изотопами.

Бог кивнул:

— Даже в ранних стадиях пищевод не любит ножа. Лучетерапия — самое приемлемое.

«Все знаешь», — ехидно подумал Дима, а вслух:

— Видимо, она неплохо себя чувствует, если хватает сил обижаться на забывчивость...

Креймер приподнял, словно разорванные на переносице, брови.

— Вы прошли мимо нее и не поздоровались, — пояснил Дима, надевая пиджак.

Дождь перестал отбивать болеро. Выйдя на дорожку, они столкнулись с Ниной.

— Кажется, я вас чем-то обидел? — с некоторой иронией спросил Бог.

Он был уверен, что она смутится, осуждающе взглянет на Диму.

— Ну что вы?.. Надо быть просто неблагодарной, чтобы обижаться на такие пустяки... Да еще на вас...

Илья Борисович растерянно молчал.

— В таких случаях улыбаются и говорят: «ну-ну»... — подсказал Дима.

Все засмеялись.

Они ушли. А Нина продолжала улыбаться. Никак не могла забыть лица Краймера. Точь-в-точь ребенок, когда

его шлепнут и он еще не решил, как вести себя дальше: обидеться или сделать вид, будто ничего не произошло. И еще одно, уже просто нелепое чувство: зависть к пареньку, которого подхватил на руки этот... Илья Борисович.

ИЮНЬ

Время в больнице летело быстро. Наверное оттого, что в палате не висят часы, которые надо заводить каждые трое суток. Нина украдкой посмотрелась в зеркальце и осталась собой довольна. Недаром Белинский как-то пошутил, что бетатрон выбьет из нее весь пессимизм. Уже совсем не больно глотать. Надолго ли? А, да бог с ним... Умирают же люди молодыми от других болезней. Просто они не знают заранее, только и разницы.

Тихий стук в окно. «Самая большая язва биофака» навещает ее почти каждый день.

В аллее больных мало. Одни отсыпаются после ночи, другие не могут встать. Ее соседка — мастер художественного слова — кажется, только вчера поняла, что речь идет не о голосе. Рано утром ее выкатили в изолятор.

Как он осунулся — этот Дима. Рядом с ним она выглядит почти цветущей.

— Что Джемма? — спрашивает Нина.

— Лопает бананы.

— Наверное, это очень индивидуально.

— Индивидуальный шимпанзе, — криво улыбается Дима. — Если наша находка мираж, придется все начинать сначала. А у меня со временем туго.

— Торопишься пожинать лавры прижизненной славы? — с беззлобной иронией спросила Нина.

— Я не читаю натощак «Комсомольскую правду», но стремление к лаврам и прочей шелухе мне всегда претило. Мне просто хотелось всего-навсего избавить человечество от рака. Меня распирало от щедрости, и я доигрался, как та дурацкая лягушка.

Шутливый тон не обманул Нину. Она чувствовала, что Маленькому с трудом дается каждое слово, и даже чуть отвернулась, чтобы не мешать взглядом.

— Короче говоря, еще в аспирантуре я принес в жертву собственной теории свою печень. Обиднее всего, что теория

лопнула, как мыльный пузырь, гораздо раньше, чем я благополучно заработал опухоль...

— И у тебя?!.

— Да, он самый. Бяка.

— Как же ты..?

— Не ношу халата с цветочками? — догадался Дима. — Прошлым летом весь академический отпуск провалялся в московской клинике. Видишь — тяну...

— Сумасшедший! — вырвалось у нее.

— Для того чтобы не стать им, я и рассказал тебе. Ты уж извини, больше некому, — тихо сказал Дима. — Креймеру? Помешало бы нашей работе. Жене? Ей тем более... Пожалуй, только Белинскому. Но уж очень он сентиментальный. Еще упрячет в стационар и начнет «продлевать» в постельно-палатной форме. А мне некогда «продлеваться».

— Но может быть, еще не поздно?

— Меланома печени практически неизлечима. Так что...— Он швырнул окурок в урну.

Когда Дима вернулся в лабораторию, Креймера все еще не было. И чего он так долго возится? От исследования биопсического материала, взятого у Джеммы, Дима не ожидал ничего нового. Опухоль есть опухоль. Но почему приостановился ее рост? И почему проклятое животное, как ни в чем не бывало, корчит рожи, вместо того чтобы погибать во имя науки? Если бы активатор можно было культивировать ин витро... Многие вопросы наверняка разрешались бы сами собой. Но, увы, латентность активатора вне организма — факт, от которого никуда не денешься. Хорошо хоть биологи гарантируют его сохранность в лабораторных условиях.

Вошел Креймер.

— Джемма преподносит сюрприз вторично. Ее опухоль— чистейшей воды доброкачественное образование.

Сообщение Бога вызвало у Димы шок. Он открыл и закрыл рот вхолостую, не издав ни звука.

— По-видимому, никаких раковых клеток не было и в самом начале. Произошла ошибка.

Креймер прошелся по комнате, заключил:

— И, значит, мы нашли не то, что искали. Вот так.

«Тоже мне Колумб, — подумал Дима, — что за старомодная привычка высказывать вслух общеизвестные истины?..».

Он стоял у окна. Ему был виден почти весь городок и пруд со скользящей по нему лодкой. Должно быть, ею управляли умелые руки. Лодка мелькнула под прибрежными кустами, проскочила под деревом, окунувшим в пруд макушку. Впереди коряга. Гребец выпрямился. Сейчас отвернет, — решил Дима. Но лодка, вытянув по швам весла, устремилась к препятствию. «Что же он делает?.. Ложись!» — чуть не крикнул Дима. Однако гребец, ухватившись за ствол, перевернулся, как на турнике, и вновь очутился в лодке. Здорово! — восхитился Дима и только сейчас заметил, что в комнате давно стоит тишина.

— Неужели ушел так рано? А ты на самом деле решил, что произносить вслух истины очень легко? — пробормотал он своему отражению в стекле.

— И этот гордый ум сегодня изнемог, — услышал он за спиной голос Белинского.

— Подумаешь, удивил. Меня и не такие сангвиники, как ты, считают сумасшедшим.

— Я не сангвиник, я несчастный человек, — сказал Белинский, вынимая из диминой пачки сигарету.

— Ты не человек. Ты эскулап, — мягко поправил Дима.

— Хватит паясничать, — расердился Белинский. — В обществе микроскопов да обезьян вам живется совсем недурно. За последние пятьдесят лет Сч как причина смерти передвинулся с седьмого на второе место, но для вас это проза, вы колдуете над штаммами, создаете десятки взаимоисключающих теорий, вас осеняют идеи, а Белинский — будь мавром, любуйся на агонии, считай себя сиделкой, утешителем или кем угодно. Когда же, наконец, я сделаюсь врачом, черт возьми!?

Дима понял, что если он сейчас позволит одно шутливое слово, Белинский может очень даже просто запустить в него настольной лампой.

Маленький побарабанил пальцами по стеклу.

— Я не хотел бы быть в твоей шкуре.

Белинский удовлетворенно крякнул, присел на краешек высокого табурета. Он окончательно остыл и тихо сказал:

— По больничной аллее идти — как сквозь строй, а мне по нескольку раз в день приходится.

— Думаешь, нам легче? Сегодня шеф даже попрощаться забыл.

— Так он еще здесь. Твою знакомую успокаивает.

После обеда кровать соседки стояла на месте. Постель была совершенно свежая, белая до синевы. Нина не могла оторвать взгляда от аккуратно выутюженного одеяла.

Вошел Белинский. Неуклюже потоптался, потом сказал:

— Да, пустота — это страшно.

— Пустота это страшно, — эхом повторила Нина. — Это страшно, страшно, — твердила она, уже идя по дорожке.

Почти все скамейки были заняты. Отчетливо доносились отдельные слова. Они разговаривали друг с другом... они еще говорили... Подальше, подальше от них! А они все сидели, справа и слева, и она такая же...

Поворот, центральная дорожка, опять поворот...

— Кто за вами гонится? — услышала знакомый голос.

Ее крепко взяли за локоть, подвели к скамье:

— Присядьте.

— Так кто же вас преследовал? — повторил Креймер, когда она наконец отдышалась.

— Пустота, — ответила Нина.

— А я, было, решил, что вы исключение...

— Из чего?..

— Из кого, — мягко поправил Илья Борисович. — Из женщин, конечно.

Он распечатал пачку «Казбека», щелкнул зажигалкой, прогрев мундштук, прикурил.

— А это один из признаков уравновешенности?

— Я вижу, пустота вас больше не пугает, — улыбнулся Креймер.

— С вами не страшно, — тихо сказала Нина и тут же испугалась — не смысла этих слов, а того, что они были произнесены так тихо.

— Спасибо.

Креймер поднялся и уже серьезно сказал:

— При вашем самочувствии у вас нет оснований бояться пустоты.

— Опять грузовик... — Дима отошел от окна. — Какой идиот выстроил морг на территории института? Что здесь — вокзал с обязательной камерой хранения?

— Не люблю похоронный юмор, — сказал Креймер.

— А я не люблю таких напоминаний о наших неудачах.

— Ученые стоят на плечах своих предшественников...

«Ну, а на мои плечи никто не успеет взгромоздиться», — подумал Маленький.

— ...а удачи, как это ни парадоксально, — на фундаменте из неудач. Введем активатор абсолютно здоровым резусам. Надо же, наконец, выяснить его роль в организме. Может быть, он наряду с другими факторами создает предпосылки к заболеванию, не вызывая окончательного злокачественного сдвига.

— Может быть.

— Пессимизм вам не идет. — Покорно равнодушный тон Димы рассердил Бога.

— Как знать... — проворчал Дима уже в дверях.

Несмотря на обоюдное «вы» и внешнюю сдержанность, отношения между Креймером и Димой более всего напоминали фронтовую дружбу. Ведь, пожалуй, только в условиях непрерывно длящегося боя возникает чувство товарищества наперекор особенностям характеров, разницы в возрасте, в наклонностях. Просиживай они вместе положенные часы в ином учреждении, от работы которого не зависели бы жизнь и смерть, дело, возможно, дошло бы до личной неприязни. Но здесь любая обида выглядела так же нелепо, как во время отражения танковой атаки.

Поэтому Бог реагировал на внезапный уход подчиненного совершенно иначе, чем это сделал бы некий Илья Борисович Креймер из жилищно-эксплуатационной конторы райисполкома.

В первую очередь он усомнился в самом себе. Ему вдруг стало больно от мысли, что равнодушие Димы вызвано тупиком, в котором очутились они по вине Креймера-ученого. И стало страшно, что он, всегда умевший вырваться из прокрустова ложа любой гипотезы, не может осознать ошибочности поиска, которую, может быть, уже почувствовал Дима.

Короткие июньские сумерки, едва затемнив окно, отступили.

Креймер сидел не шелохнувшись. Руки, согнутые в локтях, придавили стол, плечи низко опущены.

...Человек, незаметно для себя превратившийся в робота-гиганта, ушел из жизни. И по законам диалектики превратились в никому не нужный хлам созданные им работы-карлики. И оказалось, что, несмотря на его стальную хватку, большинство людей творило жизнь по законам живых. И роботы покрупнее уже не могли глушить живую мысль раз и навсегда запрограммированными тезисами. Да, Креймеру намного

легче творивших в те замечательные и страшные годы. Ему не надо прятать мысль от надзирателей всех мастей. И в то же время ему гораздо труднее. Нет больше никаких скидок, никаких компромиссов. За неудачу, за ошибочный поиск, за неверную мысль в ответе он и только он... Почувствует ли он вовремя опасность запрограммирования себя собственной идеей? Может быть, это уже случилось и у него просто нет сил признаться? Тогда в один прекрасный день тот же Дима назовет его роботом с докторской степенью. Такие парни не выбирают выражений, когда у них над ухом раздается пустой металлический звук.

Илья Борисович вздрогнул: позади действительно раздался такой звук...

— Вот и все, — прошептала Нина, провожая глазами грузовик.

А центральную дорожку от корпусов до самых ворот уже заполнили сотрудники. Рабочий день закончился. Для той, которая уехала, он кончился еще позавчера.

Маленький шел, сильно сутулясь, отчего казался еще длиннее. Нине, с ее позиции в боковой аллее, были хорошо видны отеки под глазами и морщины через весь лоб. Зато рисунок усиков над расплывчатыми губами, аккуратный подбородок — совсем мальчишечьи.

Дима не хозяин своего лица, подумала Нина.

Камешек из-под его ноги долетел почти до нее. И тут раздалось: «Па-има!». Нина обернулась. По дорожке бежал мальчуган. И вот уже он хохочет, высоко подброшенный.

— Асюнити-масюнити, асюнити-масюнити!—смешно скандировал Маленький, подбрасывая малыша. Теперь он стоял спиной к Нине, широко расставив ноги, распрямившийся и... красивый.

Вдруг спина сломалась, и руки уперлись в бока, словно Дима собирался танцевать вприсядку. Мальчуган шлепнулся, обиженно вскрикнул, вскрикнула и подбежавшая женщина. Это произошло так быстро, что Нина только успела вскочить на ноги. Женщина торопливо ощупывала плачущего ребенка. Дима наседкой суетился над ними. Нина облегченно вздохнула, когда все трое пошли дальше.

А по дороге проходили все новые: группами и в одиночку, молодые и старые... Бесконечен поток веселых и озабочен-

414—14

ных, усталых и бодрых лиц. — Хорошо сказал Маленький: «симпатяги». А сколько таких на планете!

Конечно, Дима прав: победа будет завоевана всеми, кто участвовал в этом сражении. И все же... Все же ей самой больше верилось не в абстрактный разум многих, а в человека из плоти и крови.

Гравий замолчал. Но она, облокотившись на спинку скамейки, терпеливо ждала. Сейчас, как обычно, пройдет Бог . И за то время, пока его будет видно, она успеет набраться уверенности и силы.

Заныл сверчок. Нина не могла вспомнить, как задремала. Было еще светло, но так, будто вместо электричества зажгли керосиновую лампу.

Кругом ни души. Нина быстро пошла в сторону корпусов. Они стояли притихшие, точно гигантские памятники. Только в одном светилось окно. Окно в их корпусе... От сознания, что рядом кто-то есть, страх прошел, и она не спеша направилась к стационару.

Миновав освещенное окно, она вдруг вернулась, подошла к нему вплотную. Совсем, как в детстве, когда стоило матери зазеваться и «любопытка» уже висела на чьем-нибудь подоконнике...

Нина приподнялась на цыпочки, заглянула в окно... съежилась, словно ее с головы до ног окатили водой. Там сидел он. Руки, согнутые в локтях, придавили стол, плечи низко опущены. Ей показалось, что Бог плачет.

Спотыкаясь, она обошла дом, пробежала коридор, распахнула дверь.

Креймер вздрогнул и обернулся.

— Вы... вы... — никак не могла выговорить она.

Илья Борисович с удивлением всматривался в дрожавшее лицо, потемневшие глаза.

«С вами не страшно», — вдруг вспомнил он и, улыбнувшись, шагнул навстречу.

В день Нининой выписки Дима пришел в стационар прощаться.

— Куда ты ее спрятал? — грозно спросил он у подвернувшегося Белинского.

— Твоя Нина расцвела на наших изотопах и не хочет водиться с обезьянниками.

В это время, уже одетая не по-больничному, подошла она. Дима протянул ей букет гладиолусов.

— Белинский прав. Ты, действительно, выглядишь на все сто.

Белинский снял очки и, жмурясь, с удовлетворением смотрел на Нину.

— Ну, что ты уставился Пигмалионом? Роди что-нибудь напутственное, — Маленький поощрительно похлопал его по плечу.

Белинский сердито засопел.

— Так. Еще... — попросил Дима.

Расхохотались.

— Звони, — попросила она, — если будет время.

— На это времени еще хватит, — серьезно ответил Дима.

На троллейбусной остановке Нина стояла четвертой. Один читал газету, двое ругали какого-то директора, она смотрела по сторонам. Они жили... она продолжала жить.

ДЕКАБРЬ

За норд-остом с Ладоги в город ворвалась зима. Уличные коридоры съежились и притихли.

Тишина...

— Нам с тобой не хватает девочки, правда, Дим..?

— Конечно, — соглашается Дима.

Они остановились у каменного парапета набережной. Мальчуган спит на руках у Димы.

— Три года — как раз хорошая разница.

Дима кивает. Потом спрашивает:

— А это правда, что начинают помнить только с четырех?

— Говорят... Хотя—вот я точно помню, как меня возили на дачу в Подмосковье, а было всего два.

— И отца помнишь?..

— Конечно, — неуверенно отвечает она, — то есть, я ведь и сейчас его вижу.

— Ну да, — смущается Дима.

Мимо бредут двое, мужчина придерживает спутницу за талию.

— Твой шеф, — шепчет жена, дергая Диму за рукав, — с кем это он?

— Очень давно, Илья, очень... — доносится женский голос.

— Это же Нина! — от удивления Дима говорит очень громко, но те не слышат.

— Та самая, у которой рак? Вот здорово!

— Что здорово? — не понимает Дима.

— Ну, если он действительно увлекся... Это же настоящая трагедия... — В широко распахнутых глазах восхищение и страх. — А я бы не смогла, мне все казалось бы, что рядом мертвец...

Сразу становится слышно дыхание малыша.

— На минутку... — Маленький передает ребенка. Вспыхнувшая спичка не сразу находит кончик сигареты.

Илья Борисович закуривает только дома. Когда он с ней, от него не должно пахнуть дымом.

Мать крепится из последних сил. Ждет, чтобы поделился. А ему не хочется. Это просто болтовня, что матери можно рассказать все. И Нина тогда была права...

— Я хочу познакомить вас, — сказал он.

Она взяла его руку в свою, тихо сказала:

— Илья, пойдем ко мне.

И он смутился от того, что сфальшивил.

Небольшая, но просторная комната. Светлые стены без ковриков и портретов. Пестрая занавеска колышется на балконных дверях.

— Какие у тебя тонкие волосы... — сказал он.

— Ты знаешь, о чем я сейчас подумала, Илья? О часах. Вон тех, старинных, в углу. Видишь, они стоят. За двадцать девять лет они слишком часто останавливались, и я устала их заводить. И все-таки время оказывается подвластно мне.

— Какого черта вы лезете со своим сочувствием?! — истерично кричит Дима на Груздина.

Тот сразу отходит поближе к Креймеру.

«Разве я виноват, что директор уехал за границу и мне приходится заменять его? Но я же человек и не могу делать вид, будто мне безразличны ваши неудачи»... — Не нужно быть богом, чтобы прочитать все это на лице худенького безобидного зама.

Когда Груздин, как всегда, незаметно исчезает, Креймер считает нужным высказаться:

— В нашей профессии чувство такта необходимо наравне с другими ингредиентами...

— Особенно в вашей профессии врача, — резко отвечает Дима и тут же жалеет об этом. В конце концов он не классная дама...

Богу стоило больших усилий остаться невозмутимым.

Почему он промолчал? — думал Дима. — Неужели ему действительно нечего сказать в оправдание?

Откуда он мог узнать? — думал Креймер. — Скорее просто совпадение... Он вообще в последнее время хандрит. Потому и дерзит, должно быть...

Так ты, оказывается, совсем не монах... Дима косится на шевелюру шефа. Сегодня он приглядывался к Илье Борисовичу по-новому, с точки зрения женщины...

Дима был объективным парнем. Таким, как Бог, можно увлечься.

— Мы слишком увлеклись... — задумчиво произнес Креймер.

«И не только активатором», — подумал Дима. Но вообще-то шеф прав. У макак-резусов не появилось даже первичных признаков заболевания. Теперь уже окончательно ясно, что активаторы имеют такое же отношение к возник-

новению злокачественного роста, как Дима к государственному перевороту в Бразилии.

Школа действовала на Нину не хуже бетатрона. Быстрые сорокапятиминутки, суета детей, приятная усталость после работы — и дня как не бывало. А вечером был Илья...

Вот и сегодня — точно в восемь она вышла из подъезда. Илья в первый раз приехал на своей «Волге». Несколько дней тому назад он полушутя сказал, что, наконец, получил санкцию матери.

На заднем диване, — она не любила сидеть впереди, — лежал целлофановый пакетик с мятными конфетами.

— Чтобы не укачивало, — сказал он, захлопывая дверцу.

Машина плавно выскользнула за город.

— Где ты научился править?

— В Восточной Пруссии. Не хватало шоферов, и я ездил на санитарке сам.

— Видишь, пригодилось, — улыбнулась Нина в зеркальце.

— Тогда мы многому научились...

Дальше ехали молча. Фары раздвигали тесный ряд сосен, лишь изредка жмурясь на встречный свет.

Дима зажмурился, чтобы дать отдых глазам. Потом опять склонился над толстой, обернутой в черную клеенку, тетрадью.

«Кажется, она кончится раньше меня», — подумал он, переворачивая страницу. И все же сегодня пишется гораздо медленнее. Его опять отвлекала мысль об активаторе.

— Эта злополучная находка меня доконает, — пробурчал он, вырывая из тетради листок. Когда Дима Маленький думал о чем-то серьезном, ему было просто необходимо фиксировать мысли на бумаге.

...Джемме на протяжении ряда лет вводили канцерогенные вещества и добились получения предрака. Скрытый период малигнизации завершился возникновением неизвестного внутриклеточного элемента. Это, конечно, не вирус, иначе его можно было бы культивировать в лаборатории. Но почему же мы решили, что имеем дело с активатором авторепродуктивной М-«РНК»? Да потому что это казалось очевидным.

Активатор был обнаружен в первоначальных раковых клетках, именно в период, предшествовавший злокачествен-

ному росту. Затем возникла и опухоль, утвердившая наше предположение. До сих пор все выглядит очень логично.

А дальше? Джемма чихает на рак и по-прежнему лопает бананы. Ее поведение становится объяснимым, когда вдруг выясняется, что новообразование носит доброкачественный характер. Это вынудило нас прийти к выводу об ошибочности в определении злокачественности первоначальных клеток.

Но когда и у кого мощное воздействие химических канцерогенов не вызывало злокачественного сдвига?! А если сдвиг все-таки произошел, то каким образом привел к таким невинным последствиям?

Какой-то заколдованный круг. До сих пор мы пытались выбраться из него, приняв за основу уверенность в первоначальной ошибке. Ну, а если раковые клетки все-таки были?..

Зашуршал гравий. Послышалось?.. Нет, Дима явственно уловил дыхание мотора. Кого это на ночь глядя? Маленький выключил свет и подошел к окну.

Из автомашины выходила Нина. Илья Борисович придержал дверцу.

Вот это номер! Можно подумать, их взаимоотношения нуждаются в научном исследовании...

Так и есть, идут сюда. Первым делом Дима схватил тетрадь, а потом, прежде чем решил, что ему делать, ноги сами вынесли его в соседнюю комнату.

Щель вспыхнула светом.

— Видишь, темно... тебе показалось... — это сказал он.

— Ты не сердишься? Я сама толком не знаю, что потянуло меня сюда...

Звук поцелуя.

«Психопаты! Во всем Ленинграде места не хватило», — разозлился Дима.

Стукнуло распахнутое окно.

— Придется слушать серенаду, — буркнул Дима, усаживаясь на стул.

— Я обязательно должна умереть, Илья?

Тишина. Потом приглушенное Ильи Борисовича...

— Нам не надо было сюда приходить.

— Я не раскисла. Просто здесь легче вспомнить об этом и только здесь я могу окончательно поверить в свою бессрочность... Я устала обманывать себя настоящим... В этой комнате ты снова недосягаем, ты бог! Здесь я поверю тебе... Молчишь?

— Боги не умеют любить, Нина, — выдохнул он. — Значит, я не бог.

От необычной для Креймера тоски у Димы перехватило дыхание.

«Идиот слепой, ревнитель нравственности, тошно вспомнить», — сморщился он.

— Знаешь, Илья, отчего у меня рак? Кашица из отрубей, я точно знаю, от этого.

Поцелуй. Нет, много поцелуев. Шепот. Щель потухла.

Дима тихонько раздвинул рамы и на руках перемахнул через подоконник.

Электронно-микроскопическое исследование клеточных штаммов, взятых у макак, привело к совершенно неожиданному результату. Отсутствовали не только признаки мелигнизации, бесследно исчез и сам активатор.

— Вот это да! Ко всему прочему, мы имеем дело с невидимкой. Что же мы все-таки нашли?!

Энтузиазм Маленького не произвел впечатления на Креймера.

— Их происхождение меня больше не интересует. Я — онколог.

Не вовремя ты перестал быть богом, — подумал Дима и тут же от внезапной боли в правом боку согнулся огромным вопросительным знаком. Через несколько минут он стряхнул со лба капельки пота, выпрямился, старательно, как пьяный, выговорил:

— Я в столовую.

Илья Борисович закусил на ходу, разломив бутерброд прямо на каком-то исписанном листе. Он смял его, собираясь выбросить вместе с крошками. В глаза бросилась фраза: «Ну, а если раковые клетки все-таки были?..»

«Действительно, если были?..» — сперва подумал Креймер, а уж потом прочел все, от начала до конца.

— Ведь это же просто обязательный эксперимент! — Он крупно зашагал по комнате.

— Производственная гимнастика! — буркнул, входя Маленький.

Илья Борисович резко свернул к нему:

— Вы умница!

— Да, — сразу признался Дима, — а что, за это уже бьют?

Креймер помахал перед его носом листком:

— Мы прошляпили одну важную вещь... — Нахмурился, оборвав на полуслове: — Опять морфий?..

Дима молчал.

— Печень, конечно, штука болезненная, — уже мягче добавил Илья Борисович. — И все же лучше обгрызть руку, чем глушить себя наркотиками.

«Интересно, что бы ты делал на месте того мичмана, которому я без наркоза делал трепанацию?» — подумал он.

— Легко сказать — обгрызть, так можно остаться без конечностей, — ответил Дима.

«Что бы ты запел в моей шкуре, профессор?» — подумал он.

— Так вот, узнав, что на здоровый организм активатор не оказывает никакого влияния, больше того, исчезает, мы так и не выяснили его роль в опухолях in vivo, — вернулся к прерванному разговору Креймер. — Мы должны восполнить этот пробел.

Вошел Груздин.

— Не подведите, Илья Борисович: все-таки иностранцы, неудобно, знаете, если из профессуры половина не явится...

— Нет, нет, не пропадут, — улыбаясь сказал Креймер, засовывая в карман два пригласительных билета.

Маленький повернул в руках свою пару билетов, строго сказал:

— Гостеприимство — наша традиция.

Так весело Нине было, пожалуй, впервые.

Туристы оказались прекрасными ребятами. Один француз остроумно копировал Райкина, а венгр так сыграл «Цыганские напевы», что Дима, обожавший эту вещь, полез к нему обниматься...

Можно жить скупо с дальним прицелом. Нина жила так, будто жизнь — один день. Наверно поэтому она казалась самой счастливой. И она действительно чувствовала себя так. Все в ней вызывало радостное эхо. Вон француз бормочет что-то важное молоденькой медсестре... Белинский с каменным лицом кружится с чешкой — прима-танцору института нельзя ошибиться... А худенький Груздин стоит, прижавшись к окну и на лице просто написано: «Как хорошо, что все так замечательно организовалось». Разве не счастье вальсировать с Богом, ловить на себе восторженные взгляды?

— Какая она красивая, Дим...
— Сегодня очень, — соглашается с женой Маленький.
— Ты знаешь, она героиня.
— Может быть.
— Я бы так не смогла.
— Тебе и не надо, — кривит душой Дима.
— А ты никогда не разлюбишь меня за то, что я такая?
— Никогда, — очень твердо отвечает он.
Танец кончился. К ним подходит Креймер с Ниной.
— Мадам Нинель, — торжественно говорит Маленький, — в честь вашего присутствия и во имя студенческих воспоминаний я тряхну сейчас юностью.

Он исчезает и возвращается с гитарой. За ним идет ее владелец — бородатый кубинец. Потом еще кто-то. Дима пробующе прошелся по струнам, озорно подмигнул заволновавшемуся Груздину и запел высоким баритоном:

Природа-девушка успела
Нагородить без счета тайн.
Двадцатый век, ты больно смелый,
Поди попробуй, отгадай!
Раскрой, биолог, все секреты,
Врывайся мыслью в микромир,
На все загадки там ответы
И все причинности причин,
Так будь искателем до гроба
И помни истину одну:
Ты сам сильней любого бога,
Тебе плевать на сатану!
Настанет время, братцы-люди,
Природа-девушка сама
На предложенье Человека
Покорно скажет: я твоя...

Температура в прозрачных секциях колеблется от 30 до 35 градусов тепла. Комнатные климатизеры безотказно пережевывают воздух.

Боб лежал на алюминиевой раскладушке и грустно смотрел на веревочную лестницу, уходящую под высокий потолок. В углу валялись нетронутые финики.

Дима погладил низкий выпуклый лоб.
— Что, дружище, тяжело?
«Почти человек» жалобно вскрикнул:
Маленький был не очень силен в терапии, но вид у Боба был никудышный элементарно. Поэтому Дима просто махнул рукой на вопрос вошедшего лаборанта.

Запахло спиртом. Боб хорошо знал, что за этим последует, и попытался улизнуть. Но сил было слишком мало.

— Потерпи еще разок, Бобби, — ласково попросил Дима.

Он придерживал Боба, пока активатор «К» перекочевывал в обезьяний организм, и без того разрушенный метастазами.

— Ничего себе лечим, — невесело пошутил лаборант, массируя место инъекции.

Затем активатор был введен двум группам животных. Первой — после предварительного онкогенного облучения. Второй — до него.

На этом эксперименте возня с активатором «К» будет окончена. Собственно, они даже вынуждены прекратить дальнейшие исследования: вытяжка активатора, взятая у Джеммы, почти иссякла.

На обратном пути Дима зашел в стационар подстегнуть себя морфием. Даже у здорового Белинского вид — как с похмелья. Еще бы, за последние два месяца грузовик четыре раза подъезжал к спрятанному в дальнем углу городка моргу.

А о себе и говорить не приходится. На днях Креймер сказал, что с такими нервами Диме надо было идти в портные. А он и сам знает, что скоро менять профессию... и местожительство тоже.

Белинский подсовывает брошюру — перевод с английского. Дима просматривает ее.

— Сахар как носитель онкогенности. Вообще-то исследование выглядит убедительно, — робко говорит Белинский.

— За две тысячи лет до нашей эры, — цедит Маленький, — индусы учили, что рак развивается из желчи, воздуха и слизи. Теперь канцерогенные вещества находят в алюминиевой посуде и выхлопных газах, в табаке, цветной капусте, помидорах и, как видишь, добрались до сахара. Пора бы поумнеть, тебе не кажется?

Белинский вздохнул и забрал брошюру.

Дима потянулся в окно к дереву, смял кучу иголок.

— Не кисни, мы все равно сломаем ЕМУ клешню, но в своих мемуарах ты обязательно упомяни, что я очень любил запах молодой хвои.

Белинский досадливо отмахнулся, а Дима замурлыкал:

Неистов и упрям,
Гори, огонь, гори.
На смену декабрям
приходят январи...

Отсрочка кончилась быстрее, чем думала Нина. Где-то она слышала, что изотопы действуют очень индивидуально, иногда форсируя болезнь. Сегодня она перешла на бульон и сливки. Что поделаешь, если это ИНОГДА пришлось как раз на нее. Такая уж, видно, индивидуальная. Илья напрасно горячится. Когда-нибудь он скажет ей спасибо. Теперь надо видеться еще реже. А скоро она уедет куда-нибудь, далеко-далеко... от Невы, от близкого, рукой достать, неба, от себя...

Старуха жадно ловила каждое слово сына. Она не знала, что отвечали ему. Она плохо слышала и то, что говорил он. Но когда речь идет о сыне, об ее единственном сыне, причем здесь уши? Она слышала главное. Словно в гору, спотыкаясь, падая, полз разговор Ильи с этой женщиной. Теперь он почти все вечера проводит дома. Зато это имя — Нина — падает в трубку так тяжело, что у старухи начинают звенеть суставы в коленках. Она всегда просила своего бога самому выбрать женщину для Ильи. Она долго приставала к нему, — и вот он сделал выбор. Как она ненавидит эту женщину!

Илья Борисович придавил телефон и окурок почти одновременно.

Старуха поджала губы.

— В последнее время ты много куришь. Или в твоем институте научились делать новое сердце?

— Что? — переспросил Илья Борисович.

— Говорю, куришь много.

Он приоткрыл балконную дверь.

— Тебе лучше не оставаться по вечерам дома, Илья, — деревянным голосом сказала старуха.

— Она не хочет видеться чаще, — механически ответил Креймер.

Он вышел на балкон, прямо под падающий снег.

— Не хочет... она не хочет, — шептала старуха.

Мир перевернулся, привычных понятий больше не существует.

31 декабря. Этот день всегда вызывал у Димы ощущение новизны. Казалось, назавтра опять крутой поворот, за которым опять начинается неизведанное, и впереди еще много, астрономически много, таких поворотов. Так было в школе,

в университете, в аспирантуре, так, в силу инерции, продолжалось и на работе.

Сегодня знакомое чувство ожидания не приходило. Все представлялось будничным, серым. Повороты кончились, впереди было пусто.

А последний опыт? — попытался встряхнуть себя Маленький. Вот именно, что *последний*...

Недаром у англичан имеется особое время — презент континиус — продолжающееся настоящее...

Сейчас он идет в стационар, и пойдет туда завтра, и послезавтра, и каждый день, пока... Пока комбинация витаминов, продлевающая его настоящее, не превратится в прутик, перешибающий железный лом. И тогда в лом превратится он сам. Дима представил себя лежащим под натянутым одеялом, из-под которого будут обязательно торчать носки. От этой мысли его передернуло.

— Бюрократы, как будто нельзя шить одеяла разных размеров, — вслух возмутился Дима, входя в амбулаторию.

— Тсс... — молоденькая медсестра указывала на перегородку. Оттуда доносился ровный голос Белинского.

— Совещание? — шепотом спросил Дима.

— Практиканты опять, надоели... — Она рефлекторно поправила косынку и быстро взглянула на Диму.

Но он прислушивался к Белинскому и противоречия между репликой «надоели» и поправленной косынкой не заметил.

— В нашей клинике все случаи — с поздней диагностикой, исключающей радикальное лечение. Поэтому мы вынуждены проводить паллиативное — продлеваем жизнь больного и делаем ее по возможности терпимой. Использование новейших препаратов, с которыми вы ознакомитесь, позволяет не только обезболивать наиболее мучительный период заболевания, но и в ряде случаев даже возвращать на более или менее длительное время работоспособность.

— Лично я предпочел бы быстрый конец, чем медленное ожидание неизбежного, — запальчиво вставил кто-то из студентов, — это, по крайней мере, честнее и гуманней.

Наступила пауза. Дима очень ясно представил себе, как Белинский снял очки и близоруко щурится на выскочку.

— Сейчас он его испепелит, — подмигнул Дима сестре.

Но взрыва не последовало, Белинский ответил очень тихо:

— В роли врача вы имеете право предпочитать только одно: лишний год, месяц, день, минуту. Слышите, даже ми-

нуту... И вы обязаны не кривя душой, а именно честно верить до этой самой последней минуты, верить сильнее самого больного. Иначе — не берите диплом, и это будет вашим самым гуманным поступком.

— Передайте патрону, что даже я не сказал бы лучше,— довольно прошептал Дима, раскатывая рукав.

— Вы когда-нибудь задумывались над загадкой спонтанного, самопроизвольного рассасывания опухолей, даже в самых безнадежных случаях рака? — неожиданно спросил Креймер, едва Дима вошел.

— Я слышал об этих уникумах от Белинского. Время от времени он начинает ими просто бредить, — ответил Маленький.

— Но у этого бреда обязательно должна существовать какая-то закономерность. Факты самоизлечения не случайны. Пусть очень редкие, но зато убедительные победы организма доказывают, что бредом является как раз мнение о присущей раку необратимости.

Креймер вовремя заметил в глазах Димы тоску и перешел от менторских рассуждений к делу.

— Эффектно! — выслушав, сказал Дима. — Но ведь мы уже пробовали нечто подобное.

— Пробовали, — согласился Креймер, — опять-таки слишком крупнокалиберно.

— Конечно, гораздо лучше ограничиться одним, единственно нужным элементом, но как отыскать иголку в стоге сена?

МАЙ

Нина, еще не открывая глаз, почувствовала, что на нее смотрят.

Старуха сидит рядом и, кажется, молится. Теплая ладонь гладит тонкую Нинину руку...

...Старуха пришла в самую слякоть. Она долго шаркала ботами по половице, а с зонтика, пока Нина не догадалась взять его, текла вода. Молчание продолжалось и в комнате. Старуха, не скрывая, разглядывала Нину.

— Вы любите моего сына? — вдруг спросила она.

Наверно очень смешно, когда мать сорокалетнего мужчины приходит выяснять такой вопрос.

Нина расплакалась.

Когда старуха узнала все, морщины на ее лице затвердели.

Каждый шаг сюда отдавался болью. Она шла, отбросив гордость, накопленные годами убеждения, шла, крепко, как знамя, стиснув зонтик. Она подготовила себя ко всему... Оказывается, не ко всему.

— Вы не должны избегать его, — наконец сказала мать.

...Старуха вздыхает и тут же вздрагивает: заметила, что Нина проснулась. Она строго поджимает губы, говорит:

— Ты во сне кричала, и я пришла.

— А наяву мне хорошо. — Темно-карие глаза светлеют, будто кофе разбавили молоком.

Старуха любит, когда Нина улыбается.

Но стоило Нине остаться одной, как улыбка исчезла.

Еще полгода назад она не поверила бы, что сможет ежедневно спать днем по три-четыре часа. Теперь это — необходимость.

Сейчас идут уроки второй смены. Звонок, ребячий гомон, учительская — и опять притихший класс. Как любила Нина эту тишину пораженного воображения, в которой умирал Болконский, трубил в рог Руслан, мчались в Сибирь русские женщины, полз по жизни Иудушка Головлев, метался среди масок Арбенин, пожирал осетра Собакевич, гремел гром над Катериной... Как бывала счастлива она после таких уроков с ожившей тишиной!

Из ванны, булькая, вытекала вода. Из схваченного кафелем зеркала на Нину смотрела темноглазая блондинка с блеклыми сосками грудей, не знавших материнства, узкими покатыми плечами, едва намеченными округлостями живота и бедер — вся какая-то ненастоящая, как кипарисы в институтском городке. И ненастоящим было пребывание этой женщины среди реальных людей, предметов, звуков.

На журнальном столике стакан с апельсиновым соком. Это для нее. Апельсины в мае так же нелепы, как ее теперешняя жизнь с «мертвым часом», с усталостью после самой кратковременной прогулки. Апельсины в мае — это для нее.

Час или два просидела она в кресле? Может быть, и больше, гардины на балконных дверях совсем потемнели.

На лестнице шаги. Наконец-то. Их еле слышно, но она еще ни разу не ошиблась.

Илья Борисович вдавливает кнопку звонка со смешанным чувством радости и страха. Он знает, сейчас откроется дверь, и будет Нина. Он уверен в этом. И каждый раз одна и та же

бредовая мысль: откроется дверь, а Нины не будет и никогда не было, и...

Они долго стоят обнявшись.

— Как ты сегодня? — спрашивает Креймер.

— Хорошо.

Она не кривит душой. Теперь, когда он рядом, все пережитое за день лишь маячит в сознании полузабытым сном.

— Ты мог бы прийти пораньше, — ворчит старуха, накрывая на стол.

— А что сегодня у тебя? — спрашивает Нина, радостно отмечая, что Илья с нетерпением ждал этого вопроса. Все-таки удалось отучить его думать о ней, как о тяжелобольной, с которой нельзя говорить, не взвесив предварительно последствий откровенности. А ей хотелось быть для него кем угодно, только не пациенткой.

— Опухоли у Боба совсем не прощупываются.

«Выходит, опять неудача? Чем же он доволен?» — думает Нина.

Илья Борисович понял ее недоумение, улыбнулся:

— В науке иногда, как в детективе, уважаемый филолог. Если загадки начинают громоздиться, нарушая всякую логику, — конец на следующей странице.

Диме Маленькому совсем не до шуток. Самой большой загадкой для него сделался собственный организм. Боли исчезли вернулся студенческий аппетит и... вообще какая-то чертовщина...

Перечитав записанное, Дима захлопнул черную тетрадь. В деловитом изложении все это выглядит очень бледно. Записать бы прямо: «Я испытываю такое чувство, будто кто-то за шиворот вытащил меня из гроба и послал в киоск за газетами».

Уже поздно. Ехать домой не на чем, и все равно сегодня не заснуть.

Дима накидывает плащ. Ему захотелось еще раз взглянуть на Боба.

В дежурке он с удовольствием, вслух читает последнюю запись в «истории болезни»: «температура — 37, роэ — норма, резко увеличен апптетит».

— Боюсь, ваша обезьяна скоро поужинает мною, — шутит ветеринар.

— И получит премию за рациональное сокращение штатов, — в тон острит Маленький.

Боб гортанно приветствует его появление.

— Допустим, — ответил Дима, пожимая шершавую, как наждак, ладонь.

— Вот что, друг мой волосатый, нам с тобой здорово повезло. Это факт. Иначе плакали по нас джунгли.

Боб шлепнулся на спину, задрыгал всеми четырьмя.

— Тебе не верится? Мне тоже. Ну, ну, не очень расходись. Обезьянья старость с внучатами нам еще не обеспечена. Окончательно я узнаю об этом в Москве.

Дима закурил, и Боб, морщась, отковылял в угол.

— А главное, из вашей хоп-компании уже давно не получается двуногих. Как ни оскорбительно для тебя, но мне приходится иметь в виду и это.

Дима поймал брошенный в него финик и подумал, что ему все-таки очень хочется дожить до этой самой обезьяньей старости.

Утром Креймер, не раздеваясь и словно продолжая начатый разговор, коротко бросил:

— А теперь в виварий.

Сперва занялись животными группы «А». Бог одну за другой производил операции. Лаборанты едва успевали сортировать полученный биопсический материал. Дима тут же готовил штаммы для электронно-микроскопических исследований.

Наконец, Креймер сделал паузу, смахнул со лба капельки пота.

— Как видите, у всех особей, подвергнутых канцерогенному облучению с последующим введением активатора, образовались опухоли с локализацией в пораженных тканях.

— Если случай с Джеммой — закономерность, эти новообразования не должны быть злокачественными, — подхватил Дима.

— А вы еще сомневаетесь в этом?

Маленький пропустил насмешку мимо ушей. Ему не терпелось высказать мысль, целиком захватившую его.

— Тогда в группе «А плюс лучевой агент» могут вообще отсутствовать опухоли... Вообще...

Дима, ошалело улыбаясь, взглянул на Креймера.

— Продолжим... — строго сказал Бог.

Белинский задержался у температурного листа, через плечо спросил у старшей сестры:

— Новенькая?

В это время вошел Краймер. Он слышал вопрос и, буквально оттерев коллегу плечом, загородил пациентку.

«Неужели Нина?» — Белинский всматривался из-за спины Креймера в худенькую, с тонкими, как у подростка, руками, женщину.

Бог оглянулся.

Белинский поспешно вышел.

«Тюлень сопливый!» — мысленно выругался Креймер.

— У бедняги совсем худо с глазами,—сказал Илья Борисович, — телескопы вместо стекол носит, а все равно...

Он неожиданно нагибается, целует ее в шею.

— Так наверное ты выглядела в семнадцать лет, правда? Но здесь, хочешь или не хочешь, тебе придется опять располнеть.

— И тогда ты меня разлюбишь, — смеется Нина.

Илье тяжело притворяться, и она, как может, помогает ему. Он заметно повеселел и даже рассказывает анекдот, наскоро извлеченный из недр памяти. Потом, словно извиняясь, говорит:

— У меня еще осталась кое-какая работа, ненадолго.

От встречи с Ниной у Димы осталось одно самое сильное впечатление: каким чудом удается ей не сгибаться под тяжестью волос.

Тем с большим удивлением наблюдал он за вернувшимся из стационара шефом. В Креймера, казалось, влили сверхмощный фермент энергии.

— Скажите, Дима, как специалист, когда к спортсмену приходит второе дыхание.

— Биотоки!..

— Что?

— Это не вам... Второе дыхание?..

Креймер с интересом ждал.

— Когда хуже быть не может и, значит, терять нечего. Конечно, если он хороший спортсмен и не растратил волю до копейки.

Илья Борисович удовлетворенно кивнул и вдруг весело подмигнул Диме.

«Все ясно, как в полдень в Гаграх. Бог — один из тех чудаков, которых неясность мучает больше, чем самая страш-

ная явь. Теперь он будет бороться, как лев, до последнего клочка шевелюры», — подытожил свои размышления Дима и тоже удовлетворенно хмыкнул.

Креймер заразил его своей энергией, и он успел закончить обобщенный биохимический анализ проведенных экспериментов.

Шеф благосклонно принял анализ и фыркнул по поводу заявления о недельном отгуле.

— Ехать я должен обязательно, — заупрямился Дима.

— Вечно у вас какие-то тайны, и в самое неподходящее время.

— Я член секты прыгунов и когда мне приспичит прыгать, это вроде морфийного голодания.

Креймер, размашисто надписывая клочок бумажки (в институте не очень считались с канцелярией), не удержался:

— Мне иногда кажется, что ваша голова попала не в свой комплект.

Наверно, у каждого есть любимый музыкальный инструмент, при звуках которого сам превращаешься в щемящую струну. Для Нины таким инструментом был оркестр.

Белинскому очень хотелось загладить свою нетактичность, и он раздобыл для нее японский транзистор. Теперь она получила возможность, как понтапоном, часами глушить себя музыкой.

За эту неделю Нина словно заново прожила ту часть детства, в которой не было астраханской тетки и чужого распухшего человека под остановившимися часами. Был огромный пустой зал, где она поудобнее усаживалась в каком-нибудь кресле, а отец легким упругим движением поднимался на возвышение к оркестру, и сразу наступала тишина, такая торжественная, что Нина боялась нечаянно скрипнуть стулом. Затаив дыхание, она следила за отцовскими руками, которые должны привести в движение сказочный мир струн и блестящего металла. А когда репетиция кончалась, Нина подходила совсем близко и говорила: «Очень хорошо, спасибо» и терпеливо ждала, пока музыканты постучат смычками о пюпитры. Обычное вознаграждение, которым она очень гордилась.

Скрипнула дверь. Белинский. Он почти ежедневно сообщает ей новости,связанные с успехами той или иной группы исследователей. Это один из его методов психологического

воздействия на трудных пациентов. Как-то, дослушав до конца очередное сообщение, она насмешливо спросила:

— А вы сами верите, что мы еще успеем воспользоваться достижениями науки?

Наверно он вспомнил, что ее тошнит даже от жидкой пищи, и поэтому растерянно молчал. Ей сразу стало жаль его:

— Конечно, верите, иначе здесь работать нельзя.

Сегодняшняя новость была особенно интересной. С отчетом о работе своей группы выступит Креймер.

— От этого доклада ждут многого. — Белинский помял очки, спросил:

— Вам, случайно, ничего не известно?

Нина покачала головой, а он убежденно сказал:

— Раз взял слово, значит, есть о чем сказать...

...Да, ему есть о чем сказать. Креймер обвел аудиторию взглядом и, как скальпель, взял в руки записки.

— Вопреки нашему первоначальному предположению, обнаруженный внутриклеточный элемент не является фактором, обусловливающим возникновение злокачественных опухолей. Наоборот, он обладает фенотеническими признаками гранул, выполняющих в эмбрионах роль мощного стимулятора нормального роста. В дальнейшем необходимость в ускоренном росте клеток отпадает, однако защитная реакция организма против антигенных новообразований вновь пробуждает гранулы к активности уже в ином, усложненном в процессе развития качестве. Опыты над человекообразными обезьянами показали...

Ровный, без аффектации, голос Креймера, казалось, дополнял тишину переполненного зала.

— ...Или создается среда быстрорастущих здоровых клеток, под влиянием которой раковые клетки приобретают способность к дифференцировке и превращаются в нормальные. Таким образом, активированные гранулы совершенно безопасны для нормальных тканей и являются грозным оружием в борьбе с опухолевыми.

Зал восторженно гудел, пока вслед за радостью не пришел ее вечный спутник — сомнение.

— А как с отдаленными результатами?!

Реплика, словно камень с гор, повлекла за собой новые:

— Уникальное средство? Невероятно...

— Какова биологическая сущность воздействия гранул?..

— Радикальное лечение вслепую?..

Креймер отвечал спокойно, без тени раздражения. Слишком много означала для этих людей его правота.

— Да, возможность рецидивов по-прежнему не исключена. Универсальность будущего препарата пока также не гарантирована. Что касается лечения вслепую, то история медицины знает много тому примеров. Сыворотка Пастера, вакцинация против оспы были применены против неизвестных никому вирусов, а хинин в Южной Америке использовался за много лет до того, как туда привезли микроскоп и увидели малярийного микроба. Тем более, когда речь идет о раке, незачем придерживаться логической последовательности.

А вопросы продолжали сыпаться, и на многие он отвечал одинаково: не знаю.

— И все же одно несомненно. До сих пор мы пытались подавлять опухоли крупнокалиберными средствами, но, увы, нельзя бомбами уничтожить снайпера, не повредив дерева, на котором он спрятался. Против снайпера нужен снайпер. Теперь сам организм дает нам оружие на внутриклеточном уровне. Я убежден, что аналогичным действием его в организме человека объясняются, казалось бы необъяснимые, случаи спонтанного, самопроизвольного рассасывания опухолей даже в самой безнадежной стадии заболевания. Больше того, высокий уровень сопротивляемости наверняка обеспечивает регрессию предрака или вызывает образование так называемой доброкачественной опухоли.

— Примеры! — выкрикнули с места.

— Отдайте себя при жизни в распоряжение паталогоанатома, и они появятся, — отпарировал Бог.

И вдруг из массы лиц возникло крупным планом сурово-сосредоточенное Димино.

«Значит, он все-таки приехал», — механически отметил Креймер, а Маленький уже поднялся к нему, встал рядом.

— Есть такой пример. Эксперимент над человеком дал блестящие результаты.

«Он окончательно спятил», — подумал Илья Борисович.

— Я ввел себе А-гранулы в декабре прошлого года...

Дима говорил немного тише обычного, взвешивая каждое слово.

Потом на стол президиума легли пухлая история болезни, заключительные анализы московской клиники, тетрадь самонаблюдений.

На этом, собственно, заседание ученого совета закрылось, но лаборатория Креймера сделалась Меккой. Уходящих тут

же заменяли новые. Белинский ухитрился побывать дважды. Во второй раз Дима, нежно погладив его по голове, сказал:

— Не смотри, пожалуйста, на меня влюбленной барышней. Первый поцелуй будет еще не скоро.

— Теперь я могу подождать, — серьезно ответил Белинский.

Наконец, они остались вдвоем.

Бог сидел в кресле, а Дима исповедовался стоя.

— К счастью, использовать себя в качестве подопытного кролика вошло у меня в привычку, — пошутил он, заканчивая исповедь.

— К несчастью, вы использовали последние активаторы,— задумчиво сказал Креймер.

Это прозвучало жестоко. Илья Борисович тут же поправился:

— Я безотносительно к вам говорю, с точки зрения будущего.

Дима расхохотался:

— Я благоразумно решил, что обезьянья доза мне ни к чему и ограничился половиной.

Кажется Бог катапультировал вместе с креслом.

— Вы заслужили памятник!

Дима не стал спорить, но выразил пожелание, чтобы потребность в этом возникла гораздо позднее.

Как ни странно, нерешенных проблем в связи с открытием активированных гранул стало больше.

— Мы долго карабкались, а взобравшись, очутились у подножия исполинской горы, — заявил по этому поводу Маленький и весело добавил: — Ну что ж, будем карабкаться дальше.

Главная трудность заключалась в невозможности исследований А-гранул в лабораторных условиях. За обсуждением этого вопроса вопросов пролетел вечер. Усталые, но довольные, они разошлись в середине центральной аллеи. Креймер свернул к стационару, Маленький пошел дальше.

О его приезде дома не знали. Он открыл дверь своим ключом, не зажигая света, прошел в комнату, перегнувшись через решетчатую боковушку кроватки, поцеловал теплый висок, присел на оттоманку.

Долго прислушивался к дыханию спящих. Завтра жена скажет: «Мы проспали тебя, да, Дим?».

«Дудки! Теперь меня уже не проспите, — с удовольствием подумал он. Хотя очень жаль, что применение в московской

клинике индийского препарата ASДR свело на нет доказательственное значение моего выздоровления. Зато, будь все на строго научный лад, не было бы меня самого».

Дима, улыбаясь, прошел на кухню, вволю присыпал перцем холодное мясо с картошкой.

Спать не хотелось. Включил приемник, на пол-оборота повернул регулятор громкости.

«...Со счетом 3:1 автозаводцы победили армейцев Ростова...».

Дима, сам не зная отчего, опять широко улыбнулся. Где-то играют в футбол, за окном тарахтят последние трамваи, сопит во сне малыш. Все-таки здорово — чувствовать себя равноправным участником самого долгого на свете праздника — Жизни.

Так можно до пятистопного ямба докатиться, мысленно обрывает он себя. А почему бы и нет? А потому, что некогда. Бог придумал настоящее чудо. Завтра они начнут грандиозный опыт по превращению обезьяны в живую лабораторию, и последней порции А-гранул волей-неволей придется проявить свои чудесные свойства. А потом, радуйтесь люди! Ликуй, человечество!

Дима прямо из-под крана напился воды, рассмеялся вполголоса. «Ну, знаете, коли дело дошло до патетики, то вам пора бай-бай».

Мальчик поступил в конце дня. Белинский задержался, чтобы сегодня же сделать назначения. Потом, по привычке, заглянул к Нине.

«Удивительно, что Креймер не примчался прямо с заседания», — подумал он.

— Вы сегодня молодцом, одышки почти нет.

— Да, мне легче, — ответила Нина.

По коридору, тяжело ступая, прошла заплаканная женщина. Сопровождавший ее мужчина, заметив Белинского, вернулся. Он стал в дверях палаты, уставился Белинскому в рот. Белинский жалобно взглянул на Нину.

— Скажите, доктор... — начал мужчина, когда молчание сделалось совсем тягостным. Так и не закончив, неожиданно, словно секретничая, прошептал:

— За один месяц поседела... а?

У Белинского дернулось левое веко. Нина замечала это во второй раз.

— Что с мальчиком? — спросила она, когда мужчина вышел.

— Саркома.

Нина почувствовала странное облегчение от мысли, что больна она сама, а не ее сын. Как будто у нее вообще был ребенок...

Белинский включил транзистор. Интересно, кого он сейчас отвлекает — себя или ее? Если ее, то лучше бы не надо, подумала Нина. Этот шопеновский вальс окончательно испортил ей настроение.

...В тот вечер собрались самые близкие друзья Ильи. Одними из последних пришли старичок-академик и пианист, одутловатое лицо которого было знакомо Нине по афишам.

— Знаю, что придется, поэтому лучше сразу, — пошутил он, усаживаясь за небольшой кабинетный рояль.

За столом Илья поднялся с бокалом и сказал торжественно мрачным тоном:

— Господа, я должен сообщить вам пренеприятное известие: здесь сидит моя жена.

Хохот, скрежет отодвигаемых стульев. Все потянулись к Нине...

— И ты Брут! — смешно вскинул брови пианист.

Академик обнял и расцеловал старуху.

— Вас не поздравляю, — сказал Нине, — для хорошего мужа он слишком омикроскопился.

Казалось, это было еще вчера...

Она и не заметила как ушел Белинский.

Поздно вечером, как обычно, начались боли. Им предшествовало всегда одинаковое ощущение будто самая настоящая раковая клешня, примериваясь, цепляется за горло. Ждать, пока ей удавалось ухватиться поудобнее, для Нины было мучительнее самого приступа. Наверное, оттого, что собственно боли давали моральное право позвонить сестре...

Вот и наступил уже такой момент. Клешня терзала, рвала, кромсала...

Нина потянулась к звонку, и в это время вошел Креймер. Возбужденный, сияющий, счастливый...

Сегодня ему не надо было задавать вопросов. Сегодня он начал рассказывать, едва переступив порог.

Сперва до Нины долетали обрывки фраз, отдельные слова. Вся энергия ее мысли уходила на борьбу с болью. «Ведь можно же один раз без наркотика... один раз... только один раз...»

— Не разрушение... Навязыванию извне средств защиты... Конец... генетически обусловленные...

«Всего один раз... только один раз... один раз...».

— ...Оставшиеся А-гранулы... возможность не повторять... путь... Будут введены больному животному. При первых признаках выздоровления ему трансплантируют новый вид опухоли и так далее.

«Неужели выдержала? Ну да, выдержала!»

— Мы получим возможность изучить механику воздействия А-гранул, проверить восприимчивость к ним опухолей самых различных видов. Пройдет несколько лет и будет создан подлинный антиканцер, рак и смерть перестанут быть синонимами...

Креймер неожиданно умолк. У него заныло сердце, заныло, как порезанный палец. Никогда не думал, что сердце может так попростому болеть. Что изменилось для Нины, для него? Если до сих пор еще была какая-то надежда, то завтра ее не станет. Завтра исчезнет последний шанс на спасение. А потом? Потом все будет, как сейчас, только без нее. Безвозратно, навсегда без нее...

Нина вопросительно смотрела на молчавшего Креймера, на знакомое детское выражение растерянности, так не вязавшееся с выпуклым и сильным, как ветровое стекло, лбом. И вдруг поняла. И он понял, что она уже знает, о чем он думает, и знает, что он это тоже понял.

— Ты очень утомлен,—сказала Нина и быстро добавила:— Я тоже.

— Ты уснешь? — спросил он.

Она взяла его руку, прижалась губами к бешено пульсирующей жилке.

— Спокойной ночи, Илья.

Илья Борисович медленно шел напрямик под деревьями. Звуки шагов тонули в рыхлой земле. И ему казалось диким, что ночь действительно спокойная.

Маленький еле успел отскочить в сторону. Грузовик развернулся к воротам, уставился на них тупыми фарами.

— Противная рожа! — вслух выругался Дима. — Ну погоди, уж мы упрячем тебя на свалку.

— Кого это вы? — дворник опасливо косился на Диму.

— Так, одного знакомого...

За проходной Дима поравнялся с Белинским.

— Чего в такую рань? — спросил тот.

— Хорошенько запомни сегодняшний день. Предупреждаю как друга. Между ним и тем, что прочитает в газетах твой сын, когда сам станет папой, почти прямая связь.

— Что же прочитает моя дочь, когда станет мамой? — уточнил Белинский.

— Виноват. Примерно следующее: «Статистика отдаленных результатов применения А-гранулового препарата подтвердила возможность окончательного излечения большинства больных. В имеющихся случаях рецидивов рака заболевание протекает в легкой форме».

Креймер появился в одиннадцать. Вот уж этого Дима от него не ожидал. Правда, он всегда до работы заходил к Нине, но задерживаться в такой день до второго завтрака это уж слишком.

Поэтому в ответ на «Здравствуйте, Дима», он буркнул: «Доброе утро». И тут же пожалел об этом. Бог посмотрел на него таким затравленным взглядом, что у Маленького по спине пробежали мурашки.

В перерыв с шахматами под мышкой пришел Белинский.

Дима дожевал бутерброд, прокомментировал:

— Явление второе: те же и воскресший Морфи...

— А ты ни до, ни послевоскрешения не отличался скромностью, — ответил Белинский, высыпая фигуры.

Креймер отошел к окну.

Дима проигрывал только сотруднику, выступавшему в полуфинале первенства Союза. В ожидании ответного хода, он обернулся к Илье Борисовичу. Тот по-прежнему стоял спиной к ним, глядя в окно.

«То есть, как это — глядя? — подумал Дима. Стекла третий день ослеплены неаккуратной побелкой. Значит, вот уже полчаса шеф стоит, как изваяние, все равно, что носом к стене...»

Белинскому пришлось повторить, что ход сделан. Креймеру пришлось обернуться — биотоки основательно пробуравили его затылок.

Дима поспешно склонился к доске. Теперь он знал, что́ именно творится с Богом.

— Мат в два хода. Ты играешь сегодня, как сын турецкого подданного, — констатировал Белинский.

Он задержался и, переминаясь с ноги на ногу, неестественно громко спросил:

— Скажите, профессор, что вы собираетесь делать с А-гранулами?

У Димы перехватило дыхание.

— А что бы вы хотели? — после паузы ответил Илья Борисович.

Белинский хотел очень многого, а для начала — получить А-гранулы хотя бы для самых тяжелых своих пациентов. Он не знал, на какую просьбу стоит решиться, и поэтому продолжал молча топтать ногами пол.

— Тебя, наверное, больные ждут, — делая страшные глаза, сказал Дима.

Но Белинский уже решился на ограниченную просьбу, и Диме пришлось вытолкнуть его в коридор.

— Так вот зачем ты притащился сюда, несчастный?! А не пришла в твою сентиментальную голову мысль, что этих А-гранул у нас кот наплакал? Или ты вообразил, что ради твоего душевного равновесия мы должны спасти одного больного и потом любоваться, как мрут миллионы?

Они уже давно отошли от корпуса, а Дима все не мог успокоиться.

— Бог и так сам не свой, а ты своим дурацким вопросом все равно, что нож в спину ему сунул, — уже тише сказал он.

«Человек привыкает ко всему» — неверная поговорка. На то он и человек, чтобы быть выше привыкания. Смириться можно со многим, но только не с мыслью о смерти.

Уже две недели Илья Борисович играл в прятки с самим собой. Он не мог расстаться с А-гранулами и в то же время знал, что Нина их все равно не получит. Он не мог приступить к запланированному эксперименту, пока там, в палате, умирает его человечество, крупное, с топкими волосами.

У Димы Маленького была слабость: он не выносил чужих страданий. Поэтому он не ходил к Нине, поэтому избегал Бога. В отсутствие Креймера он слонялся по лаборатории, где все было по-прежнему и... уже не могло быть прежним. Когда Бог приходил, Диме казалось, что его собственный здоровый вид уж сам по себе, — оскорбление.

Видно, Креймер опять провел бессонную почь. Веки красные, вспухшие.

Дима его не расспрашивал. Люди умудряются следовать правилам хорошего тона в любых ситуациях. Дима не умел. Он просто исчез.

Боб качался на веревочной лестнице. Маленький без обычного приветствия присел на скамейку.

Боб радостно подбежал к нему.

— Какого черта я выздоровел?!

«Почти человек» гармошкой сморщил физиономую. «Что-то ты темнишь сегодня, двуногий...» — словно хотел сказать он.

— Знаешь, кто я теперь такой? — Дима ткнул себя в грудь и с отвращением по складам ответил — Фи-лан-троп. Обжираюсь жизнью и призываю к жертвам...

— И какую же чушь нес я когда-то Нине про общечеловеческую трагедию. А ведь люди, Боб, только рождаются одинаково, а живут,любят и умирают — каждый по-своему... И, знаешь, по-моему, не стоит кричать о великой загадке рака, вот мы уж добрались до него, а рано или поздно его разберут по косточкам. Только Человек—единственная и вечная загадка самой жизни... Но уж этого тебе, Боб, не понять..

Р. БАХТАМОВ

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЗОЛОТЫХ ПИАСТРОВ

Памяти Александра Грина — человека, писателя и фантаста.

Который день ему мерещилась шапка. Он чувствовал теплое прикосновение меха, чуть натертую кожу у подбородка— там, где завязывается тесемка. В груди было сухо и жестко. Голова с трудом поворачивалась на худой после сыпняка шее.

Лежать в кровати он не мог. Ни кровати, ни дома не было. Ночевал он где придется, у случайных, полузнакомых людей. Да и время было не такое, чтобы лежать. Шла война, третий год революции.

Он достал из кармана пачку смятых кредиток. Пальцы не хотели гнуться, дрожали. Пересчитав, спрятал поглубже. Знал за собой эту манеру: аккуратно считать, а тратить как попало, не считая.

Он плохо запоминал цены, даже когда они были. А теперь цены вроде погоды. Дождь и Антанта, снег и белополяки — все смешалось. Карусель.

По-новому рынок звался толкучкой. Так оно и было: покупали мало, больше толкались.

Медведь, изъеденное молью ресторанное чучело, протягивал неизвестно кому медное блюдо. Раньше бросали туда визитные карточки, а сейчас... На бурой медвежьей шее фанерка и—крупно, чернильным карандашом, цена. В глазах — красных бусинках — грусть. Будто обидно ему и жаль чего-то... Рядом хозяин в тулупе. Фигура медвежья, а лица не видно — не продается.

Сжав вязанными варежками плетеную клетку, охает старушка. В клетке желтый комок — канарейка. Бледная старушка, худая. Есть нечего. А во взгляде не голод, тоска. Канарейке нечего есть, потому и продается.

Баба, пудов на пять, ей и в телогрейке не холодно — торгует пирожками с требухой. Торгует с оглядкой. Пирожки по нынешним временам—сокровище, товар. Оплывшие глазки буравят проходящих. Вор? Или чека, не приведи господи... Пирожки идут нарасхват. Бывало, конечно, потравится человек, помрет. Так из теперешних покупателей никто еще не помер. А что люди, говорят, помирали...

Шапка попалась большая, теплая. Чудесная шапка. И недорого. Денег хватило и даже остались. На махорку — мало. На пирожок?

Ноги, нетвердо ступая, вели его назад, к бабе с роскошными пирожками с требухой. Он пробирался сквозь толпу шишковых шлемов и модных шляпок, потрепанных шинелей и котиковых манто. Вырвался из людской гущи и сразу налетел на мальчишку — слишком щуплого, чтобы его заметить. Мальчишка испуганно шарахнулся в сторону. Вместе с ним шарахнулась, подпрыгивая, разноцветная стая. Воздушные шарики. Они скакали мячиками, рвались в небо. Грубо ракрашенные, но веселые, беззаботные, чужие здесь, на базарной толкучке.

— Можно купить?

Мальчишка недоверчиво вскинул глаза. Хотел усмехнуться в ответ. Не получилось. Двадцатый год — голод, холод, война. Какие, к черту, шарики... Покупатель смотрл серьезно.

Сговорились легко. Стопка бумажек перешла в ладонь поменьше. Тонкую нитку перемотали с пальца на палец. Мальчишка, не прощаясь, юркнул в толпу, где все еще стояла гранитно-неподвижная баба.

Взрослый пошел прочь. Подальше от роскошных пирожков с требухой. Усилием воли заставил себя не обернуться.

Улицы были пустынны. Затянутые тонкой корочкой хрустящего льда, размытого весенними лужами, серые от грязного, водянистого снега, они уходили прямо в небо. Туда, где толкались низкие, похожие на чудовищ облака, — искали путь к морю.

Выждав момент, в просвет между облаками юркнуло солнце. В нем не было ни буйства, ни настоящей дерзости. Робкое, оно косыми лучами тыкалось в снег, и, рыхлый, набухший, он нехотя таял: то ли от тепла, то ли от старости. Как-никак шел март.

Но то, что лезло из-под снега, было еще грязнее, еще безотраднее. Много лезло всякой дряни: истлевших тряпок, ло-

шадиных костей, какого-то непонятного унылого хлама. Только остатков съестного не было — даже картофельной шелухи. Витрины магазинов зияли рваными краями разбитых стекол. Фанера и тряпки сменили стекла в квартирах. Кому нужен свет без тепла?..

Не слишком часто, но настойчиво в витринах повторялись плакаты. Красноармеец в буденовке, с винтовкой, примкнут штык: «Долой интервентов!» Рабочий и крестьянка с худыми от голода лицами: «Да здравствует власть Советов!».

К открытым магазинам — в этом городе магазинов они попадались теперь реже, чем плакаты — извилистыми линиями тянулись очереди. Они были страшны не длиной, а глухим, неживым молчанием.

Шарик привлекал внимание.

— Что это, господи! Совсем с ума посходили, — прошептала старуха и мелко-мелко перекрестилась.

— Чертовщина какая-то! — выругался блондин в пенсне.

Прошел отряд рабочих с винтовками. Командир — великан в кожанке, на боку маузер — покачал головой: «Не в себе человек». Командир курил на ходу. Дыма не было видно, запах на таком расстоянии не ощущался. Но от одного вида козьей ножки пересохли губы. Дым серый, сизый, сиреневый — плыл перед глазами.

Он прислонился к стене. Ни есть, ни идти, ни думать — ничего не хотелось. Только курить.

— Курить, — сказал он вслух.

— Курить? Пожалуйста, — щелкнул портсигар.

Он не открыл глаз. Галлюцинация.

Голос повторил:

— Пожалуйста.

Круглые добродушные щеки, большой — картофелиной — нос.

Из распахнутых створок портсигара лезли в глаза невиданно толстые папиросы. Он протянул руку. Небрежным движением человек отвел портсигар. Рука повисла.

— Хотите товарообман: папиросу на шарик, — услышал он булькающий голос. — По нынешним временам сделка выгодная. Особо для того, кто воевал за советскую власть. И теперь тянет руку, как нищий...

Рука отдернулась.

— Вы подонок, — слова выговаривались с трудом.

Багровая физиономия нестерпимо резала глаза. Он шаг-

414 16

нул вперед. Но еще раньше человек отскочил и нырнул в узкий просвет переулка.

Сердце билось рывками. Часто-часто, будто боялось опоздать. И замирало, останавливалось. Он хватал воздух губами. Вкус табака во рту прошел. Он боялся расплакаться, щипало глаза.

Шарик тихо и осторожно тянул его за палец.

— Александр Степанович! Грин!

Он остановился. Давно никто не называл его по имени и отчеству. Давно он не был Грином, писателем Грином. «Красноармеец Гриневский». «Больной Гриневский». Так не могло продолжаться, что-то должно было произойти.

— Артамон Петрович?

Они обнялись — неуклюже обхватили друг друга за массивные в одежде плечи.

— Вы совсем изменились, — сказал Грин. — Я не узнаю.

Когда-то, если подумать, и не так уж давно, это был полный, удивительно подвижный человек. Крупная, сильная голова. И редкие волосы, уложенные в наивно безукоризненный пробор. Теперь волосы растрепались, но голова стала как будто еще крупнее, лицо резче. Руки — торопливые, бесконечно подвижные руки — теребили шарф. Шарф когда-то был белым...

— Вы тоже изменились.

— Себя-то я знаю. Третьего дня ночевал в квартире с зеркалом. — Грин усмехнулся: — «С его тощей фигуры уныло свисала шинель. Морщины заросли клочковатым кустарником, как расщелины в горах. А глаза тусклые, без выражения». Похоже?

— Наверно, похоже. Только не для меня. Я не барышня, фотокарточек с автографами не собираю. Сужу по книгам.

— И жестко иной раз судите.

— Судил. По должности критика. И полагал, по праву. Сейчас проще. Смотрю на книги и думаю: что-то оставлю, если придется нести на толкучку... Ну, да бог с ним. Скажите лучше: откуда вы? где вы?

— Откуда? Ах, да... С толкучки. Вот видите, шапку купил. А где я? Не знаю, право. — Грин устало махнул рукой.— Был в армии. Болел тифом. Сейчас — где удастся.

Он замолчал. Кружились стволы винтовок. Дороги, изъеденные грязью. Белые фигуры с носилками. Длинный и скуч-

ный, как старый роман, барак для сыпнотифозных. Он вздохнул: «Старый роман?»

Разговор брел, спотыкался, как на ухабах. Революция, судьбы России, судьбы литературы... Почему они говорят о картошке, о тифе, о грязи на улицах? Разве всю жизнь не мечтал о необычайном один, разве умер в другом умный, все понимающий бес...

Но слов таких не было.

— Вы курите еще, Александр Степанович?

— Нет.

— Бросили?

— Это меня бросили. Курить-то нечего.

— А я, представьте, сам бросил.

— Жаль.

— Напротив.

Мягкий сверток лег в ладонь Грина, горячая рука сомкнула его пальцы.

— Потом... потом посмотрите. Пойду. Простите, замерз и нездоров. Пишите? Напрасно. Обязательно надо писать. Ну, бог даст, еще свидимся...

«Писать?» — Грин тяжело закашлялся. Машинально развернул сверток: махорка. Подарку не было цены.

Прохожие, занятые собственными делами, не очень-то интересовались худым сутулым человеком, по щекам которого бежали слезы.

Шарик мягко, но настойчиво тянул его за палец.

Мир повеселел, пропущенный сквозь сизый фильтр табачного дыма. Как со старинной монеты, с него сползала окалина, обнажая звонкую рыжую медь. Город жил. В нем были звуки и краски. Город двигался, работал, плакал и пел. В этом было главное.

У дорожной канавы, каких много в городе, сидела на корточках девочка. Лет одиннадцати, не больше. Грин заметил ее в тот момент, когда, разжав пальцы, она бережно опустила в воду деревянную лодочку с белым лоскутом паруса на мачте.

Покачавшись на игрушечных волнах, лодка медленно двинулась вдоль канавы. Не отрывая глаз, забыв обо всем, вслед за ней шла девочка.

Грин остановился. Неожиданно, не зная зачем, он посмот-

рел на девочку тем долгим, упорным, ищущим взглядом, который прежде заставлял людей оборачиваться.

Девочка обернулась. Секунду она смотрела недоумевая: вокруг ничего не было. Потом увидела шарик.

— Шарик! — девочка потянулась к нему и, застыдившись, опустила голову: заметила Грина.

Маленькая, в тощем, аккуратно заштопанном пальто, в длинном шерстяном платке, концы которого смешными косичками торчали на спине, она смотрела на незнакомого человека по-взрослому серьезно.

— Нравится?

— Шарик хороший, — сказала девочка сдержанно.

— Чудесный шарик! — убежденно воскликнул Грин.

Ответом ему был взгляд спокойных серых глаз. Они казались чужими на худеньком лице.

— Зачем вам шарик? — решилась, наконец, девочка.

— Мне? В самом деле, зачем мне шарик? — вслух подумал Грин.

Слова толпились в сознании. Слова о том, что больше всего на свете человеку нужна красота. Красота и счастье.

Трезво, глазами, видавшими голод, разруху и смерть, смотрела на него девочка. Впервые в жизни его слова показались Грину пустыми и жалкими погремушками. Нужны были другие — увесистые, как поленья дров, простые, как ломоть хлеба.

Грин погрустнел, слов таких не было.

— Послушай.., — начал он, еще не зная, что скажет.

И остановился. Девочка смотрела выше него: на неуклюжий, грубо раскрашенный шарик.

Слабая, горьковатая обида примешалась к его мыслям. Все правильно: даже этой девочке он не нужен. Усмехнулся. Подумал, что становится стар и навязчив, как путевой обходчик.

Он отвязал шарик и вложил нитку в дрожащую руку девочки. Повернулся, тяжело побрел прочь.

— Дядя! — крик остановил его на пустыре, усыпанном битым стеклом и обломками кирпича.

Она запыхалась. На плечах комом лежал платок.

— Возьмите, — она протянула лодку.

Грин взял. Его огрубевшие пальцы обежали корабль, скользкую от воды и глины и все еще шершавую кору, бережно расправили лоскут на мачте.

— Спасибо, — тихо сказал Грин. — Спасибо...

И тут он увидел чудо. Шарик в руках у девочки пылал. Красное, неверное пламя танцевало в нем дикую и прекрасную пляску. Вспыхивали, сверкали и гасли пурпурные волны огня. В мгновенных переходах рождались и гибли цвета: розовый бледный и розовый темный, вишневый, оранжевый, мрачно-рыжий. Потом, поглотив остальные, проступил один — цвет прозрачного горного утра, благородный алый цвет.

Проступил и исчез. Солнце уходило за облака.

Он проснулся внезапно. Сквозь тусклый прямоугольник стекла в комнату сочился рассвет. Комната — длинный и узкий коридор — глядела уныло. Мутно-желтый диван, на котором он спал, трехногий стул у стены, этажерка с хламом — все старое, поломанное, нежилое.

Оттого, что сон оборвался внезапно, в сознании остались обрывки ночных мыслей. Он знал, что не спит и все еще жил ими. Картины временами яснели, делались почти зримыми. Потом стирались, приходили новые — такие смутные, будто видел он их в сумерках. Он не сопротивлялся: знал это состояние ленивого безволия, когда трудно сделать усилие и овладеть сознанием.

Боль в голове заставила его приподняться. Он протянул руку и наткнулся на шапку. Вчера он так и лег, потому что в комнате было холодно.

Он погладил мех, и неожиданно весь вчерашний день встал перед ним с удивительной, пугающей яркостью. В этом новом видении было что-то тревожащее, что-то неопределенно требовательное. Грин поморщился: не терпел принуждения.

Вздохнув, он откинул шинель и встал. В пыльном зеленоватом стекле проступили силуэты домов, улицы, редкие прохожие. Было, вероятно, очень рано, но фонари не горели. Казалось, высокое бледное небо прихвачено тонкой голубоватой корочкой льда. Льдом затянуло тротуары, дома, одинокую повозку с понуро ступающей лошадью. В рассеянном утреннем свете город стыл каким-то особенно страшным, вселенским холодом.

Зябко передернув плечами, Грин отошел от окна. Ходил по комнате, стараясь ступать бесшумно по скрипучим, затоптанным половицам. Заглянул в этажерку: нет ли чего почитать. Книг не было. Только стопка разрозненных нот, да ученическая ручка в чернильнице. Машинально помешал чернила — они не замерзли, значит, в комнате не так уж холодно.

Роскошная нотная бумага... Он сбежал от этажерки и принялся снова шагать. Семь шагов от окна к двери, и обратно. Вчерашние впечатления возвращались. Теперь их натиск был упорным и долгим. Он попробовал думать о другом, сбился и уступил.

Все стало объемным, ярким. День — вчера такой обыденный — превращался в музей чудес, необыкновенных совпадений, удивительных встреч и событий.

Мгновенный провал в памяти был как удар. В следующую секунду, ползая на коленях, он шарил под кроватью. Поднялся. Долго гладил шершавую кору.

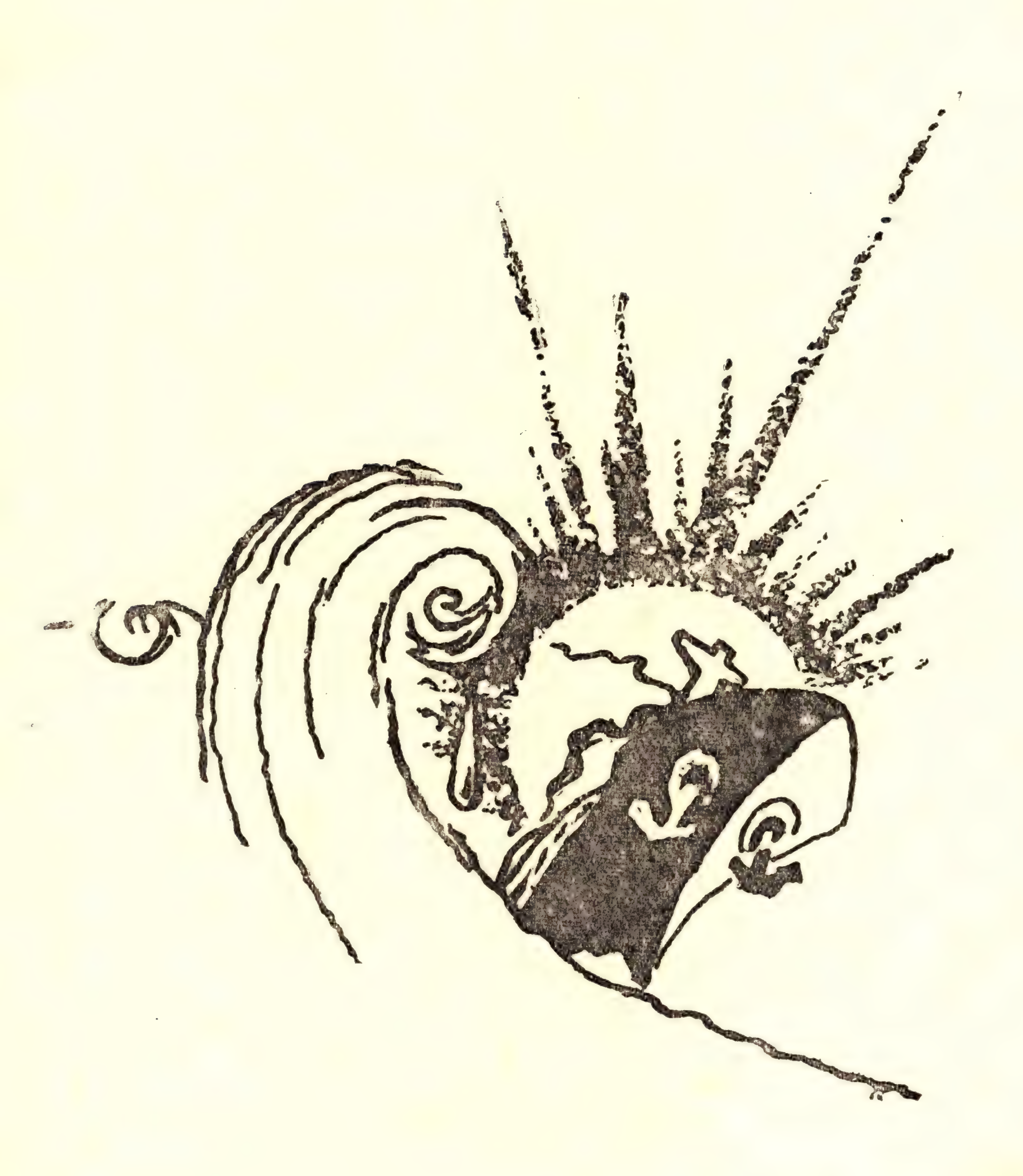
Теперь он нашел бы слова, но сказать их было некому. Тяжело ступая, бродил по комнате. Одинокий, больной, окруженный словами, которые некому сказать.

Клочьями ваты висели над городом сжавшиеся от холода облака. В провале окна стыло иссиня-зеленое мерзлое небо. Стыли люди, улицы, дома. Схваченный ледяными обручами вернувшейся зимы, интервенции и блокады, стыл Петроград. А за ним — неоглядная даль разоренной, нищей страны.

Он накинул шинель, взял пачку хрустящей нотной бумаги. Нехотя сел к окну — не любил писать. Но слова уже жили. Такие же крепкие, как вино, за которое предок Артура Грея — Джон заплатил в Лиссабоне две тысячи золотых пиастров.

Р. БАХТАМОВ

ДОРОГА НА ОКЕАН

«АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ»

...Первый пульсационный звездолет «Теллур», типа ИФ-1, подходил к звездной системе Cor Serpentis (Сердце Змеи). На борту шла обычная жизнь. Внезапно на экране большого локатора вспыхнула светящаяся точка. Точка стремительно приближалась. Исчезла. Включив мощные двигатели, звездолет начал экстренное торможение. Произошло событие эпохального значения. Люди Земли, впервые в истории человечества, встретили корабль другой звездной системы.

Корабли сблизились. Между ними протянули галерею, разделенную прозрачной перегородкой: мало ли какие неожиданности таит в себе встреча.

И неожиданное свершилось. На выступе чужого корабля возник куб из красного металла с черной передней стенкой— экраном. На экране — главный элемент атмосферы и дыхания той планеты: ядро в окружении девяти электронов. Фтор.

В эти минуты экипаж «Теллура» мог бы вспомнить, что с фтором связана одна из самых трагических страниц в истории земной химии. При изучении фтора погиб член ирландской Академии наук Томас Нокс. Мученическую смерть приняли известные химики француз Д. Никлес и бельгиец П. Лайет. Тяжело пострадали от фтора Гей-Люссак, Деви, Тенар...

Работа с фтором требует особой осторожности. Вдыхание фтора, даже в небольших концентрациях, приводит к воспалению дыхательных путей и легких, грозит смертью. Соприкосновение с кожей вызывает сильные ожоги. Резиновые маски и комбинезоны могут воспламениться. Не случайно его назвали: «фторос», по-гречески «разрушающий». И этот разрушающий все живое газ И. А. Ефремов, автор рассказа «Сердце Змеи», смело сделал газом жизни.

Правда, с одной оговоркой. Разумные существа того мира имели достаточно большой опыт космических полетов. В своих странствиях они не однажды встречали посланцев иных планет. Но среди них не было существ, которые использовали бы фтор. Все они, как и люди Земли, дышали кислородом.

Ясно, что фторная жизнь, по мнению писателя, явление исключительное, может быть, единственное во Вселенной. И люди предложили разумным существам чужого мира подумать о возможности сложнейшей биологической операции — перестройке организма с фтора на кислород. Иначе им вряд ли когда-нибудь удастся близко познакомиться с «братьями по разуму». Ведь если люди не могут находиться в атмосфере фтора, то для существ фторного мира кислород не менее опасный враг...

И тут возникают сомнения. Нет, не те, которых, видимо, ждал автор рассказа. Неожиданная и смелая идея — дышать фтором, пить вместо воды плавиковую кислоту — кажется мне вполне реальной.

В наших земных условиях фтор не соединяется с углеродом. Но химики научились их соединять. И вещества этого типа — фтороуглероды — обладают поразительными свойствами: не горят, не окисляются, не гниют, на них не действуют даже азотная кислота и царская водка. Есть среди них жидкости, есть и твердые вещества. Короче, возможности выбора широки, а стойкость материи, построенной из фтороуглеродов, огромна. Стоит ли при этих условиях переходить на кислород?..

Впрочем, это дело вкуса. Сомнения вызывает другое. Почему, собственно, дыхание кислородом обычно, а дыхание фтором нечто чрезвычайно редкое, исключительное?

Писатель отвечает на этот вопрос. По распространенности во Вселенной фтор занимает восемнадцатое место, кислород — третье. Или, по другой системе подсчета, кислорода в 200 тысяч раз больше, чем фтора.

Соображение веское. Однако сомнения не исчезают. Во-первых, данные о распространенности элементов нельзя считать окончательными. Сам же Ефремов отмечает, что фтор недавно передвинулся — по распространенности — с сорокового места на восемнадцатое. Где гарантия, что новые данные не изменят и нынешние представления?

Во-вторых, кроме количества нужно учитывать и качество. Мы не знаем, какой из газов — кислород или фтор — более благоприятен для зарождения и развития жизни. Вероятно,

фтор — он активнее. Если так, то меньшая распространенность фтора может уравновешиваться большей вероятностью возникновения фторных организмов.

Мне кажется, что особая привязанность к земным элементам жизни — углероду и кислороду — невольная дань эпохе, когда земной шар считался центром мироздания, а человек — высшим достижением природы. Но теперь мы знаем, что Земля — рядовая планета в ничем не примечательном месте — слабой спиральной ветви обычной галактики. Сама же эта галактика далека от центра Вселенной, расположена, так сказать, в небесной «провинции»...

В бесконечном космосе условия жизни бесконечно разнообразны. И, надо думать, столь же разнообразна жизнь, сформированная этими условиями.

Земная жизнь опирается на трех «китов»: углерод, кислород и воду. Заменить углерод трудно, он обладает редкой способностью образовывать молекулы—гиганты из сотен тысяч и миллионов атомов — белковые тела. Однако ученые считают, что для этой цели пригодны и другие элементы, скажем, кремний. На Земле, где не было подходящих условий, природа им не воспользовалась. Но в других мирах, в иных условиях кремний мог стать фундаментом, на котором выросло дерево жизни.

Заменить кислород проще. Теоретически легко вообразить себе организмы, которые используют в качестве окислителя самые различные элементы и вещества: фтор, хлор, серу, окись углерода, сернистый газ... Важно лишь, чтобы химическая реакция, идущая в организме, обеспечивала его достаточным количеством энергии.

Фтор выгоднее кислорода, реакции с его участием идут с большим выделением тепла. Хлор, сера и другие окислители уступают кислороду. Но вполне можно представить организм, работающий, к примеру, на хлоре. Просто при этом дыхание будет более интенсивным.

А вода? Ее заменят такие, на наш взгляд, неподходящие вещества, как плавиковая или соляная кислота. Конечно, трудно вообразить реки, моря и океаны, заполненные соляной кислотой. Трудно поверить, что в этих реках можно купаться, ходить «по кислоту» с ведрами, стирать в ней белье. Однако жителям иного мира, вероятно, не легче понять, как можно дышать ядовитым кислородом и полоскать рот крайне вредной водой.

Итак, мы не вправе считать, что кислород и вода непре-

менные спутники жизни. Но достаточно распространенные — безусловно. В пределах же солнечной системы вряд ли существуют формы жизни, принципиально отличные от земных. А это значит, что если бы завтра в атмосфере одной из планет солнечной системы удалось обнаружить заметные количества кислорода, это было бы почти бесспорным доказательством ее обитаемости.

В самом деле. Такой активный газ, как кислород, не может долго оставаться в одиночестве, он обязательно найдет с чем соединиться. А раз он свободен, следовательно, его запасы постоянно возобновляются. И происходит это не без участия организмов, напоминающих наши растения.

Еще бо́льшую «доказательную силу» имело бы обнаружение воды. Мы знаем, что возникновение жизни — процесс чрезвычайно сложный, протекающий лишь в особо благоприятных условиях. Условия на Земле существовали. Их создала вода. Для зарождения и развития жизни вода сделала так много, что за одно это ей полагается памятник.

Земная природа не знала секрета жизни. Открыть его можно было только одним путем — путем бесчисленных опытов. Только бесконечно тасуя неорганические соединения, пробуя миллиарды сочетаний и вариантов, природа могла найти условия (может быть, единственные), при которых образовались первые комочки живого.

С этой точки зрения вода незаменима. Растворенные в ней вещества находились в постоянном движении, вступали в реакции, выпадали в осадок, растворялись снова. Огромное большинство этих эволюций ни к чему не вело. Но раньше или позже должно было сложиться «счастливое» стечение обстоятельств. И оно сложилось — возникла жизнь.

Возникла, и сразу же оказалась под угрозой. В атмосфере Земли не было озона — экрана, который защищает сейчас все живое от безжалостного ультрафиолетового излучения Солнца, от жесткого потока космической радиации. Но вода была. Верхние ее слои задерживали лучевой поток, предохраняя от гибели родившуюся жизнь.

Жизнь не может существовать без обмена с окружающей средой. Вода облегчала обмен, играла роль посредника. Она приносила продукты питания, убирала «отходы».

По справедливости, если у человечества есть ангел-хранитель, он должен иметь вид водяной капли!

Понятно, что если бы, скажем, на Марсе удалось обнаружить значительные количества воды, это было бы почти бес-

спорным доводом в пользу обитаемости планеты. К сожалению, поиски пока не дали результатов. Может быть, виновата наша техника. Но скорее всего, на ближайших, наиболее перспективных для жизни планетах воды, действительно, очень мало. И значит, проблема освоения соседних планет — это, во многом, проблема воды.

Разумеется, вначале человек будет пользоваться «привозными» средствами: кислородом, водой, продуктами питания. Но настоящую свободу он обретет тогда, когда сумеет воспроизвести в новом для него мире условия, близкие к земным. На Земле же, как известно, воды достаточно. Кажется, трудно найти вещество, столь распространенное и дешевое.

И вдруг — проблема воды. Не лунной или марсианской. А обычной, земной.

ПРОБЛЕМА ВОДЫ

Городской житель, привыкший решать проблему воды поворотом крана, плохо представляет ее масштабы. Иногда думают, что это задача сугубо техническая. Одна из многих, что ставит перед учеными и инженерами двадцатый век. Но «проблемой № 1» назвал ее покойный президент США Джон Кеннеди.

Еще недавно на западе писали об истощении природных ресурсов. Подсчитывали, через сколько лет человечество начнет испытывать «железный голод», через сколько — нефтяной, медный, свинцовый. Получалось так, что на Земле всего не хватает, кроме, разве, воды...

Жизнь опрокинула прогнозы. Открытие крупнейших месторождений полезных ископаемых, промышленное использование атомной энергии, успехи синтетической химии — все это оттеснило в далекое будущее опасность истощения природных богатств. И одновременно — пусть это не кажется парадоксальным — выдвинуло на первое место проблему воды.

Уже сейчас засушливые районы занимают треть земной суши, охватывая — в большей или меньшей степени — территорию шестидесяти государств. Совсем недавно недостаток воды ощущали строго очерченные районы — главным образом в слаборазвитых государствах. Теперь положение иное. Нехватку испытывают Токио и Нью-Йорк, Париж и Лондон. Вот строки из документа, хранящегося в секретариате Всемирной организации здравоохранения: «В некоторых облас-

тях мира детям не разрешают играть на солнце из опасения, что они будут испытывать сильную жажду. Воды так мало, что ее приходится экономить даже на детях».

Чем это вызвано? Прежде всего увеличением расхода воды. Тому есть много причин.

Стремительно повышаются темпы роста населения. В 1000 году нашей эры прирост измерялся сотыми долями процента, в 17—19 веках — десятыми долями. В первой половине 20 века он равнялся одному проценту, а ныне достигает почти двух процентов в год. В середине прошлого столетия население Земли дошло до миллиарда — для этого потребовались тысячи лет. Меньше чем через столетие оно выросло еще на миллиард человек. В настоящее время нас уже три миллиарда, и к концу века это число удвоится.

Другая причина — рост сельского хозяйства и промышленности, причем не только количественный, но и качественный. В сельском хозяйстве отчетливо проявляется тенденция к переходу на орошаемое земледелие. Орошение ослабляет зависимость от природы, гарантирует высокие урожаи. В промышленности резкое увеличение расхода воды связано с новыми, прогрессивными процессами, работой в диапазонах высоких температур и давлений. Естественно, при этом увеличиваются затраты воды на очистку сырья, охлаждение агрегатов, подсобные операции. К примеру, тысячи литров воды достаточно для производства 200—400 килограммов угля или 8—60 килограммов стали, но лишь 7—20 килограммов бумаги и всего 2 килограммов искусственного волокна.

Наша страна богата природными ресурсами и, в частности, водой. Однако для многих районов Советского Союза (прежде всего Каспийского побережья) эта проблема имеет серьезное значение.

Возьмем район Апшерона. Не секрет, что жители Баку и Сумгаита, предприятия, совхозы и колхозы уже сейчас ощущают недостаток воды. В ближайшие годы проблема воды может стать решающей.

По имеющимся данным, одному только Сумгаитскому нефтехимкомбинату в 1970 году потребуется около 2,5 кубометра воды в секунду — это почти половина того, что расходует ныне весь Бакинско-Сумгаитский район. Общая же потребность Апшерона через шесть лет превысит 30 кубометров в секунду, и к 2000 году возрастет в десятки раз.

Есть разные пути решения проблемы. Прежде всего, переброска воды в засушливые районы, с помощью каналов, во-

допроводов и т. п. Путь, в общем, простой и надежный — не случайно им пользуются с глубокой древности. Но за тысячи лет его возможности в значительной мере исчерпаны. Сейчас получить дополнительную воду в больших количествах можно лишь в результате гидротехнических работ, грандиозных по масштабам и сложности. Подсчеты иностранных ученых свидетельствуют, что стоимость работ — на ближайшие 20 лет — составит тысячи миллиардов долларов.

Главное, однако, не в этом. По самой своей природе гидротехнические сооружения способны решать лишь частную задачу — перераспределение наличных запасов воды. Увеличить их, повысить пресноводный «потенциал» Земли они, как правило, не могут.

Уже при беглом взгляде на карту ясно, что соленой воды больше, чем пресной: океан занимает около трех четвертей земной поверхности. Но трудно поверить, что свыше 97 процентов воды сосредоточено в океанах. На долю же всех рек, ручьев, протоков — т. е. наиболее доступных источников пресной воды — приходится совсем немного, что-то около одной десятитысячной процента. И эта десятитысячная существует потому, что ничтожная часть воды океанов испаряется и перемещается туда, где люди, животные и растения могут ее использовать.

Таким образом, солнце, океан, суша и атмосфера это гигантский дистиллятор, осуществляющий распределение пресной воды по миру. Если бы он вышел из строя, вся вода очень скоро сосредоточилась бы в океанах, и только там могла бы продолжаться жизнь.

Предположение, конечно, фантастическое — природный дистиллятор практически вечен. И все-таки в вопросе стоит разобраться подробнее.

По земным масштабам потребности человечества в воде весьма скромны. Они невелики в сравнении с запасами пресной воды, а сопоставлять их с ресурсами океанов просто не имеет смысла. Казалось бы, положение существенно не изменится, даже если расход воды увеличится в десятки раз.

Опыт, однако, показывает, что дело обстоит не так просто. Во-первых, реальные ресурсы пресной воды (т. е. такие, что могут быть практически использованы), составляют сравнительно небольшую часть общих запасов. Во-вторых, если непосредственные потребности человека мало отражаются на водном балансе, то его деятельность — обработка земли, поворот рек, вырубка лесных массивов, создание искусственных

водоемов и крупных предприятий — существенно влияет на ход природных процессов.

Скажем, поворот сибирских рек в Каспийское море связан с трудностями отнюдь не только техническими. Вода будет проходить значительно больший путь и по районам с гораздо более теплым климатом. А это значит, что испарение резко возрастет и полноводная река может обмелеть...

Другой пример — Байкал, один из крупнейших пресноводных бассейнов мира. «Выпить» его трудно. Однако сделать воду озера непригодной для питья — легко. Ученые полагают, что ежегодно 500 миллионов человек становятся жертвами болезней только из-за того, что у них нет достаточно чистой воды. Не удивительно, что проект строительства на Байкале целлюлозно-бумажного комбината встречает столь резкие возражения.

Особую опасность для водных ресурсов представляют химические предприятия. Дело в том, что природа не умеет быстро разлагать вещества, синтезированные искусственно. Они годами сохраняются, выводя из «активного баланса» огромные массы воды.

Не следует, однако, думать, что во всем «виновата» промышленность. Видимо, приход пресной воды вообще снижается в силу как искусственных, так и естественных причин — географических, климатических и т. д. Профессор А. А. Дубинский, непререкаемый авторитет в области гидрогеологии, утверждает, что, например, режим питания наших степных рек подземными водами изменяется в отрицательную сторону. Общая площадь их водного зеркала заметно уменьшилась на протяжении жизни одного поколения, а в ряде случаев — за полтора-два десятилетия. Этот процесс характерен и для других районов мира.

Время, когда человек, не задумываясь о последствиях, мог менять лицо земли, уходит в прошлое. Ныне его силы сравнимы с силами природы. А это обязывает.

Природная опреснительная установка обладает определенной «производительностью». Если человек, без ущерба для ее работы, хочет получать больше, он должен тщательно взвесить все возможные последствия. Понятно, что проблему воды — в широком смысле — нельзя решить только за счет перераспределения воды. В лучшем случае это лишь отдалит «жажду», ибо потребность в воде растет и будет расти.

Остается другой путь, может быть, и более трудный, но единственно перспективный — опреснение соленой воды.

ПОРОГ ВЫСОТОЙ В 5 КОПЕЕК

На первый взгляд опреснение кажется задачей не такой уж сложной. Еще в древности люди знали по крайней мере три способа (они и сейчас остаются главными) превращения соленой воды в пресную: испарение, замораживание и фильтрование. Солнце, мороз, пористый камень — весь небогатый арсенал той эпохи. Естественно, и результаты получались скромные. Не надеясь на опреснительные «установки», люди жались к рекам...

Старые способы давно усовершенствованы, изобретены десятки новых. Человечество располагает колоссальными техническими средствами. Но перед современным человеком проблема воды стоит, пожалуй, еще более остро, чем перед его далеким предком. А это значит, что задачу опреснения никак нельзя считать решенной.

В чем же дело? В стоимости.

Широкое промышленное применение воды во многом обусловлено ее дешевизной. И для питания котлов, и для охлаждения, и для прочих целей в принципе годится не только вода. Но всякое другое вещество заведомо дороже. «Дорогая» вода потеряет свою универсальность, т. е. перестанет быть водой. Поэтому любой способ опреснения проверяется жесточайшим критерием — стоимостью. Опресненная вода должна обходиться не дороже (во всяком случае, немногим дороже) пресной. Достичь же этого чрезвычайно трудно.

Начнем с простейшего способа — дистилляции, или перегонки. Идею его можно выразить в нескольких словах: вода испаряется, соль остается.

Переведем это, однако, на язык арифметики. Нагревание и испарение литра воды требует примерно 600 калорий. Для получения пяти литров нужно затратить (с учетом к. п. д.) килограмм условного топлива.

Городу с миллионным населением необходимо в сутки не меньше миллиарда литров. Опреснительная установка такой производительности должна расходовать ежедневно 200 тысяч тонн угля, т. е. 150—200 железнодорожных составов. Не говоря уже о размерах, установка будет вырабатывать дорогую воду, потому что стоимость топлива достаточно высока.

Разумеется, современная выпарная установка не похожа на старомодный перегонный куб. Она работает по системе многоступенчатой дистилляции. Взятый «со стороны» пар испаряет воду только в первой ступени. Образующиеся пары

414 17

попадают во второй аппарат, где давление ниже атмосферного. В следующем аппарате давление еще ниже, поэтому, хотя с каждой новой ступенью температура падает, испарение продолжается.

Ясно, что закону сохранения энергии процесс не угрожает. Выигрыш достигается за счет повышения коэффициента полезного действия: в вакуумных аппаратах он выше, чем в нагревательных.

Многоступенчатые установки работают в Кувейте, на острове Аруба в Карибском море, в городе Фрипорте (штат Техас). Крупнейшая из них дает 19 тысяч кубометров воды в день при цене 0,35 доллара за тонну. Для любого вещества стоимость вполне приемлемая, а для воды — дорого (средняя цена пресной воды в США—0,10 доллара).

Эти показатели можно улучшить, если перейти к строительству гигантских опреснительных установок. Однако возникнут транспортные трудности: придется перебрасывать на большие расстояния либо топливо, либо воду. Ведь потребители воды — города, крупные предприятия — далеко не всегда расположены в нефтяных или угольных бассейнах.

В последние годы широкое распространение получает комплексная атомно-опреснительная установка. Такая установка компактна, расходует мало топлива, не загрязняет воздух. Кроме того, на атомной электростанции всегда «вырабатывается» — в качестве побочного продукта — горячая вода. Обычно использовать ее трудно. Комбинация атомного реактора с опреснительной установкой позволяет использовать эту воду (вернее, ее энергию) для нагревания и испарения морской воды.

В 1964 году в Закаспии начато строительство реактора на быстрых нейтронах. Реактор — двухцелевого назначения: он будет вырабатывать 350 тысяч киловатт электронергии и давать ежесуточно десятки тысяч кубометров воды.

Вымораживанием пресную воду получали так же давно, как и выпариванием. Делалось это просто: выливали воду на мороз и затем ждали теплой погоды — соленая вода уходит раньше, и лед становится пресным.

Более современный метод — впрыскивание соленой воды в камеру, где поддерживается вакуум. Испаряясь, вода поглощает избыток тепла. Образуется кашица из рассола и пресного льда.

Лучшие результаты дает вымораживание с помощью сжиженного газа, например бутана. Жидкий бутан вводят в ре-

зервуар с соленой водой. Мгновенно испаряясь, он отбирает у воды тепло. Образуются кристаллы пресного льда, которые после выделения из рассола промывают.

С точки зрения чистой термодинамики холод выгоднее тепла. Однако холодильные устройства имеют меньший к. п. д. и технологическое оформление сложнее. Поэтому на практике метод не получил широкого применения.

Современный способ фильтрования основан на способности ионообменных смол поглощать соли. Таким путем (обычно в комбинации с электролизом) удается получить воду высокого качества. К сожалению, применение способа ограничено слабосолеными водами. Опреснять им океанскую воду невыгодно — ионитовый фильтр быстро забивается и выходит из строя.

Описание можно продолжить. К десяткам существующих способов постоянно добавляются новые — верный признак того, что проблема приобретает все большее значение. Вот несколько наиболее «экзотических» методов.

Химический. Выбирается вещество, обладающее избирательной способностью, скажем, поглощает только пресную воду.

Физико-химический. Используются явления осмоса или, чаще, противоосмоса. В последнем случае воду продавливают через полупроницаемую перегородку, не пропускающую соль. Оригинальный вариант такой установки предложил профессор В. Клячко. Шар из полупроницаемого материала опускают в море на глубину нескольких сот метров. Наружное давление «вдавливает» в шар пресную воду. Остается только ее откачивать...

И все-таки, повторяю, задачу нельзя считать решенной. По данным ЮНЕСКО, вопросами опреснения занимаются сейчас 85 организаций в 16 странах. Наиболее крупные исследования ведутся в Советском Союзе и в США. Не случайно между учеными именно этих стран в ноябре 1964 года было подписано соглашение о совместных работах по опреснению морской воды.

Недавно в нашу страну для изучения опыта советских ученых приезжала американская делегация. Ее особенно заинтересовали достижения проблемной лаборатории Азербайджанского института нефти и химии. Руководит лабораторией доктор технических наук профессор Исмаил Зульфугарович Макинский.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Лаборатория создана в 1959 году. Для таких исследований шесть лет — срок, конечно, ничтожный. И если ее коллектив занимает сейчас ведущее положение в разработке проблемы, это во многом заслуга руководителя.

Дело тут не в должности и не в звании. И. З. Макинский — пионер идеи опреснения, один из тех немногих ученых, кто оценил ее значение еще в начале тридцатых годов и отдал ей всю жизнь. Всю жизнь — это не так уж мало. Особенно, если учесть, что долгие годы он фактически работал один — без средств, оборудования, без экспериментальной базы. Тема считалась далекой, малоперспективной, и нужно было настоящее мужество, чтобы не уйти в сторону, не соблазниться чем-то попроще и поэффектнее...

Исмаил Зульфугарович не соблазнился. Потому лаборатория начала работу не с нуля, в своих исследованиях она опиралась на двадцатилетний опыт ученого. И еще — на энтузиазм. Многие из тех, кто здесь работает, начали заниматься проблемой уже в студенческие годы. Исмаил Зульфугарович — в лучших традициях науки — сумел заинтересовать студентов, вовлечь их в практическую деятельность. Вместе с опытным исследователем доцентом кафедры Павлом Павловичем Симоновым в лаборатории трудится молодежь: старшие инженеры Иоган Гейвандов и Петр Зуев, инженер Валерий Шищенко, аспирант-производственник Кямал Абдуллаев, преподаватели института Светлана Логинова, Юнус Якубов, Гасан Фейзиев...

За последние годы здесь побывали многие видные специалисты — и советские, и зарубежные. Все они единодушно отмечают три особенности работы лаборатории: оригинальность, комплексный подход к решению задачи, промышленную готовность.

Прежде всего — оригинальность. В отличие от подавляющего большинства исследователей Макинский поставил себе как будто гораздо более узкую и специальную задачу: он стремился не к обессоливанию, а лишь к умягчению морской воды. Но именно в такой постановке сказалось глубокое понимание самой сущности проблемы.

Сейчас (не говоря уже о будущем) основной потребитель воды — промышленность. Она расходует до 80 процентов общего количества. Понятно, что если хоть часть предприятий удалось бы перевести на морскую воду, образовался бы

резерв пресной воды, вполне достаточный для удовлетворения нужд сельского хозяйства и быта.

При умягчении из морской воды удаляются не все соли, а только соли так называемой «жесткости» — магния и кальция. На обыденном языке это значит, что вода остается соленой, но не дает осадка, «накипи». Пить такую воду нельзя: в ней много поваренной соли. Однако она вполне пригодна для питания испарителей, теплообменников, котлов низкого и среднего давления. А как раз эти потребители особенно «прожорливы».

Способ, разработанный лабораторией И. З. Макинского, прост и эффективен. Сначала в морскую воду добавляется известь. Известь реагирует с солями, растворенными в воде. Образуются гидроокись магния и карбонат кальция, которые частично выпадают в осадок.

Второй этап — нагревание (но не испарение!) воды. При нагревании из нее удаляются оставшиеся соли жесткости, вредные органические примеси, а также растворенные в воде газы.

На последней стадии воду пропускают через специальный ионообменный фильтр. Здесь происходит окончательная очистка воды от солей, образующих накипь.

В чем преимущества этого метода (его называют термохимическим) перед известными, в частности перед выпариванием и фильтрованием? При выпаривании высокая стоимость воды связана с большим расходом тепла. Основная же часть тепла тратится как раз на испарение.

Ионнообменный метод эффективен в тех случаях, когда в воде содержится мало солей. Если солей много, фильтр быстро «забивается», и на его очистку (регенерацию) приходится тратить большие количества сравнительно дорогих реагентов — кислоты и щелочи.

Решение И. З. Макинского не только оригинально, но и по-инженерному красиво. На первых стадиях процесса, когда в воде много солей, он пользуется «грубыми», но недорогими средствами: химическими (действие известью) и физическими (нагревание). На последнем этапе он применяет тонкий метод — ионообменное фильтрование. Однако теперь это не страшно, вода уже освобождена от большей части примесей. К тому же регенерация ионита осуществляется рассолом, полученным при упаривании морской воды...

Уже несколько лет недалеко от Баку, на ГРЭС «Северная», действует опытно-промышленная установка для опрес-

нения воды по методу профессора Макинского. Она — первая и, естественно, не лишена недостатков. Но установка дает воду, качество которой отвечает требованиям, а стоимость не выше, чем на самых совершенных в мире опреснительных заводах.

А если сравнить ее по цене с пресной водой? Может быть, такое сравнение и не вполне справедливо, но от него не уйдешь. Ведь в конечном счете решает именно этот показатель.

Вопрос сложный. В условиях нашей страны «порог» — средняя стоимость пресной воды — чрезвычайно низок, 5 копеек за тонну. В данном же случае: чем ниже порог, тем труднее его перешагнуть. И все-таки уже сейчас можно утверждать, что способ Макинского сравнение выдержит. Вот почему.

Эксплуатация опытной установки на ГРЭС «Северная» показывает, что при нормальной работе стоимость умягченной воды не превышает 30 копеек за тонну. Расчеты свидетельствуют, что на крупном, усовершенствованном заводе эта цифра может быть снижена до 5—8 копеек.

Но это еще не все. Современная промышленность предъявляет к воде жесткие требования. Обычная пресная вода, вполне пригодная для человека, ее уже не удовлетворяет. Она вызывает коррозию оборудования, а во многих производствах (в химической технологии, в нефтепереработке) ухудшает качество продукции. Пресную воду тоже приходится очищать. И обходится это не дешевле, чем обработка соленой воды.

Тут возникает еще одно, может быть, решающее соображение. При очистке пресной воды получают, понятно, воду— и только. При умягчении воды термохимическим методом из нее можно извлечь примеси. И ценность их настолько велика, что открывает совершенно новые перспективы.

В популярных книгах обычно пишут, что морская вода содержит «всю таблицу Менделеева»: от широко распространенных на земле алюминия и железа до редких — золота и радия. Теоретически все элементы можно извлечь, выделить в чистом виде. Однако на практике этой возможностью почти не пользуются — дорого. Ведь относительное содержание элементов в морской воде все-таки крайне незначительно.

Итак, в морской воде много дешевой пресной воды и мало дорогих примесей. До сих пор над этим не задумывались, ставилась цель получать или одно, или другое. В опроверже-

нии этого «или-или» заключена одна из важнейших особенностей работ лаборатории — их комплексность.

В рассоле, полученном после обработки морской воды термохимическим способом, содержание элементов в 20 раз, а при определенных условиях в 200 раз выше нормального. И главное, повышение концентрации происходит попутно, без дополнительных затрат труда и средств.

Уже на этом уровне рассол следует рассматривать, как потенциальное сырье для извлечения многих элементов. Но если тут нужны дополнительные исследования, то производство некоторых ценных продуктов можно осуществить буквально сейчас. Из кубометра прошедшей обработку морской воды получается — в виде отходов — 1,5 килограмма гидроокиси магния и 5 килограммов гипса.

Окись магния — это и наполнитель в шинном производстве, и составная часть огнеупора, и изоляционный материал лучшего качества. Наконец, из нее легко выделяется магний — металл, значение которого в современной технике трудно переоценить. А если вернуться к языку арифметики, окажется, что стоимость «отходов» полностью окупает все затраты по умягчению морской воды!

Комплексный подход сказывается и в другом. Значительное место в работах лаборатории уделяется расширению «сферы действия» умягченной воды. Исследования ведутся как бы с двух сторон. Одна — повышение качества обработки. Другая — приспособление промышленного оборудования к использованию такой воды. Впервые в мировой практике лаборатория осуществила, например, успешный эксперимент, добившись, чтобы на умягченной воде работали котлы высокого давления.

И, наконец, основное. Глубокое изучение термохимического метода, проведенное лабораторией И. З. Макинского, открыло новые возможности. Обнаружилось, что метод может быть с успехом использован и при решении кардинальной проблемы — полного обессоливания морской воды.

Дополнительные затраты? Незначительны. Обессоленная вода практически будет иметь ту же стоимость, что и умягченная. Факт, который трудно мерить обычными мерками...

Проблемная лаборатория расположена в Баку. Естественно, что основные исследования ведутся пока применительно к каспийской воде. Но в принципе метод профессора Макинского пригоден для обработки любой воды, в том числе океанской. А это значит, что работы лаборатории выходят далеко

за пределы республики, указывая путь к решению мировой проблемы, открывая человеку дорогу на океан.

НЕМНОГО О БУДУЩЕМ

Подробно рассказывая о работах проблемной лаборатории Азербайджанского института нефти и химии, я вовсе не имел в виду противопоставить термохимический метод другим. Такое противопоставление бессмысленно. Проблема воды настолько велика и многообразна, что ее нельзя решить с помощью одного, даже самого лучшего способа. Потребуются опреснители различного типа: для малых городов, сел и даже отдельных домов. Подсчитано, что в места с суточным потреблением воды менее 40 тысяч тонн, если они удалены от источника пресной воды (даже даровой) на 150 километров и больше, подавать воду менее выгодно, чем опреснять ее на месте.

Сейчас вполне обычны карманные магнитофоны и радиоприемники. Видимо в близком будущем появятся и карманные опреснители: для геологов, моряков, участников экспедиций.

Легко убедиться, что теоретически емкость одной карманной батарейки достаточна для опреснения 20 литров не очень соленой воды. Практически же удается получить не больше 1—2 литров. Но это — пока. Недавно в Америке выдан патент на домашнюю опреснительную установку. Она автоматически «настраивается» на определенную соленость и способна опреснять даже морскую воду.

В будущем сфера действия опреснительных установок станет безграничной. Вполне вероятно, что они найдут применение и за пределами Земли, в частности, на планетах солнечной системы.

Мы имеем лишь общие представления о природных условиях чужих планет. Несомненно, однако, что если там имеется вода, то количества ее ограничены. А раз так, вероятность встретить пресную воду близка к нулю. Скорее всего, исследователям придется иметь дело с водой, содержащей различные соли. Разумеется, не обязательно те же, что на Земле. Но общие методы и опыт создания земных опреснительных установок несомненно найдут применение.

...Об океане пишут сейчас много. Это понятно. Человеку

нужны богатства океана, и у него есть теперь возможность их использовать. Но в длинном перечне «даров моря» — минеральных, животных, растительных — нельзя забывать главное богатство — воду. Пройдет немного лет, и, очень может быть, жизнь поставит ее на первое место.

Г. АЛЬТОВ

Перечитывая Уэллса

Быть может, самая человеческая черта в человеке — способность думать о прошлом и о будущем. В особенности — о будущем. Именно поэтому наследие писателя-фантаста прежде всего связывается с его фантастическими идеями. Могут устареть сюжеты, могут потускнеть образы героев, может, наконец, обветшать художественная ткань произведений. Но неизменно сохраняется интерес ко всем хоть сколько-нибудь примечательным предвидениям фантастов. Так случилось, например, с повестью «Машина времени». В 1931 году, через тридцать шесть лет после первого ее издания, Уэллс писал, что повесть — если не иметь в виду главной ее мысли — устарела не только с художественной, но и с философской стороны. «Автору, достигшему ныне зрелости, — пишет Уэллс, — она кажется попросту ученическим сочинением». Однако идея машины времени жива и сегодня: она прочно вошла в культурный фонд человечества.

Это, конечно, не значит, что в фантастике идеи «главнее» художественности. Научная фантастика — синтетический литературный жанр, в котором одинаково важны оба компонента. Я хочу лишь сказать, что судьбы фантастических идей интересны и сами по себе, ибо идеи эти обладают удивительным свойством выходить за рамки литературы. Так, роман Жюля Верна «Из пушки на Луну» дал толчок работам Циолковского. Подобных примеров множество.

Прослеживая судьбы фантастических идей, мы начинаем лучше понимать «технологию» фантастики. И—что еще важнее — мы отчетливее видим контуры будущего.

Пока нет науки о предвидении будущего. Долгое время фантастика была (да и сейчас еще остается) единственным

окном в будущее. Лишь в самые последние годы возник вопрос о превращении предвидения из искусства в науку. Характерно название одной из первых книг на эту тему: она написана в 1962 году английским ученым С. Лилли и названа «Может ли предвидение стать наукой?». Лилли положительно отвечает на этот вопрос: «Техническое прогнозирование должно стать важным элементом, помогающим планировать будущее».

Сейчас наука принимает у фантастики эстафету. Ученые начинают планомерно использовать методы, исконно принадлежавшие фантастам. Академик А. Н. Колмогоров говорит, например, в одной из своих статей: «На современном этапе при этом не следует пренебрегать и построением «в запас» несколько произвольных гипотез, как бы ни сближалась иногда такая деятельность ученого с построениями писателей-фантастов».

Предвидения фантастов — своеобразные эксперименты по проникновению в будущее. Иногда эти эксперименты оказываются неудачными, иногда они завершаются блестящим успехом. Но в обоих случаях есть нечто притягательное и волнующее в этих попытках заглянуть в будущее. Вполне закономерно поэтому стремление проследить судьбу фантастических идей. В 1963 году в альманахе «Мир приключений» была опубликована таблица «Судьба предвидений Жюля Верна». И вот сейчас перед вами аналогичная таблица, составленная по произведениям Герберта Уэллса.

Надо сразу сказать: анализ предвидений того или иного фантаста — это не игра в «угадал — не угадал». Дело совсем не в том, чтобы установить: писатель Икс почти всегда «угадывал», а писатель Игрек обычно «не угадывал». Нет. Намного важнее понять «технелогию» фантастики. Поэтому таблица «Судьба предвидений Уэллса» это материал для раздумий. Прежде всего, для раздумий о том, как возникают фантастические «построения» (воспользуемся термином А. Н. Колмогорова) и от чего зависит, если так можно выразиться, их проницающая способность, то есть глубина проникновения в будущее. Таблица, кроме того, повод для раздумий о будущем. Собранные воедино, удачные предвидения Уэллса дают далеко не полную, но интересную картину будущего.

Таблица требует размышлений.

Если бы все выводы из таблицы можно было перенести сюда, в этот комментарий, отпала бы необходимость в самой

таблице. Да и вряд ли содержащиеся в таблице оценки идей Уэллса абсолютно точны. Некоторые идеи относятся к далекому будущему — тут оценки поневоле субъективны. Время, надо полагать, внесет заметные коррективы в таблицу.

В рассказе «Филмер» Уэллс довольно подробно говорит о дирижабле с управляемой оболочкой, способной сжиматься и расширяться. Эта идея за десять лет до Уэллса была выдвинута Циолковским в брошюре «Аэростат металлический управляемый». Эксперты, даже благожелательно настроенные к Циолковскому, решительно отвергли идею подобных дирижаблей. Это мнение господствовало вплоть до самого последнего времени. В биографии Циолковского, написанной М. Арлазоровым и изданной в 1962 году в серии «Жизнь замечательных людей», глава, посвященная этой работе Циолковского, красноречиво названа «История великого заблуждения»... Итак, еще в 1962 году можно было считать, что Уэллс, как и Циолковский, в данном случае ошибался. Но уже в 1963 году в печати появились первые сообщения, свидетельствующие о возрождении интереса к дирижаблям. В книге Арлазорова дирижаблестроители названы «представителями исчезнувшей инженерной специальности». Сейчас в ряде стран существуют конструкторские бюро, разрабатывающие проекты новых дирижаблей. И едва ли не центральное место в этих разработках занимают идеи, высказанные в брошюре Циолковского и в рассказе Уэллса.

Судьбу предвидений трудно предвидеть.

Читатель вправе по-своему оценить те или иные идеи Уэллса. Таблица, повторяю, это материал для размышлений.

Но некоторые выводы все-таки хотелось бы сделать.

Уэллс — один из наиболее «фантастических» фантастов. Укоренилось представление, что «фантастичный» Уэллс как бы антипод «научного» Жюля Верна. Да и сам Уэллс говорил об этом. Но вот оказывается, что из 86 предвидений Уэллса 30 уже сбылись, а 27 почти наверняка сбудутся. Иными словами, 57 предвидений из 86 попали точка в точку! Еще 20 идей можно считать принципиально осуществимыми. И лишь 9 предвидений ошибочны.

Цифры, конечно, не абсолютно точны. Но суть дела именно такова: **«отчаянный» фантаст Уэллс оказывается не менее «научным», чем Жюль Верн**.

Что же помогало Уэллсу видеть будущее?

Прежде всего, очень тонкое понимание законов развития техники. Вот одно из наиболее известных предвидений Уэлл-

са: в романе «Освобожденный мир» (1913 г.) говорится, что первая атомная электростанция будет построена в 1953 году. Точность предвидения поразительная, ведь первая советская АЭС вступила в строй в 1954 году!

Что это — случайное совпадение?

Нет. Перечитывая «Освобожденный мир», видишь развернутую систему аргументации. Чтобы прогнозировать будущее, Уэллс вдумчиво всматривается в прошлое. Он применяет, например, метод аналогии: «Существование электромагнитных волн было неопровержимо доказано за целых двадцать лет до того, как Маркони нашел для них практическое применение, и точно так же только через двадцать лет искусственно вызванная радиоактивность обрела свое практическое воплощение.»* Не забывайте, эти строки писались в 1913 году!

Способность «ощущать» сроки, видеть не только **что** будет, но и **когда** будет, играет огромную роль в «технологии» фантастики. Правильная оценка сроков далеко не всегда удается даже признанным мастерам фантастики. В этой связи интересно вспомнить, как менялись сроки действия в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды». Вот что говорит об этом Ефремов в предисловии к своему роману: «Сначала мне казалось, что гигантские преобразования планеты и жизни, описанные в романе, не могут быть осуществлены ранее чем через три тысячи лет. Я исходил в расчетах из общей истории человечества, но не учел темпов ускорения технического прогресса и главным образом тех гигантских возможностей, практически почти беспредельного могущества, которое даст человечеству коммунистическое общество.

При доработке романа я сократил намеченный сначала срок на тысячелетие. Но запуск искусственных спутников Земли подсказывает мне, что события романа могли бы совершиться еще раньше».

Журналист Ю. Новосельцев, редактировавший в свое время журнальный вариант «Туманности Андромеды», рассказывает, что спустя несколько лет после опубликования романа он спросил Ефремова: не произойдет ли описанное в романе уже через сто лет? Ефремов «пожал плечами, улыбнулся и ответил:

— Всё может быть...»**

---

* *Г. Уэллс.* Собр. соч. в 15-ти томах, т. 4, стр. 321.

** *Ю. Новосельцев.* «Магистрали грядущего», изд. «Советская Россия», 1962, стр. 177.

Итак, три тысячи лет и сто лет — в таком диапазоне меняется время действия событий романа «Туманности Андромеды». Но между людьми, которые будут через сто лет и через три тысячи, — огромная разница! Три тысячелетия, например, отделяют современного человека, открывшего дверь в безбрежный космос, от древнего египтянина, стоявшего на одной из первых ступеней цивилизации. Совсем не все равно — «дать» ли атомную энергию, ракеты и кибернетику нашим современникам или древним египтянам.

Соответствие описываемого будущего общества своему уровню техники очень важно для художественной убедительности фантастики. Это одно из обязательных условий того синтеза, который воедино сплавляет в фантастике науку и литературу.

Уэллсу в высшей степени присуще «чувство времени», но и он допустил примечательную (и поучительную!) ошибку. В том же романе «Освобожденный мир» Уэллс пишет, что полеты в космос начнутся лишь тогда, когда на Земле людям уже не останется никакой работы. В неторопливом XIX веке технике было свойственно говорить «б» не раньше, чем сказано «а» и выдержана должная пауза. Уэллсу, опубликовавшему свои первые произведения еще в 1895 году, не всегда удавалось понять скороговорку XX века...

И все-таки Уэллс ошибался удивительно редко. Он пристально следил за развитием науки и техники. Когда же ему, говоря языком кибернетики, не хватало информации, он использовал методы литературы.

Вот конкретный пример. В «Войне миров» Уэллс хочет показать разумных существ, цивилизация которых совсем не похожа на земную. Это чисто писательская, чисто литературная задача. И Уэллс решает ее последовательно и с большим литературным мастерством.

Земная техника немыслима без колес. Колесо — основа основ нашей техники. Трудно представить себе машину, у которой нет колес. Но Уэллсу как раз и нужно то, что трудно представить!

И вот Уэллс ставит интереснейший эксперимент: шаг за шагом он «конструирует» — во всех деталях — технику, которая не применяет колес. Постепенно вырисовывается картина чужого технического мира с машинами, очень похожими на живые существа.

Думал ли в этот момент Уэллс о реальной возможности создания такой техники?

414 - 18

Вряд ли. Современная ему техника гордилась своим отличием от природы. Казалось вполне логичным, что техника будет все дальше и дальше отходить от природы.

Но нарисованная Уэллсом картина уже жила своей логикой, и он не мог не увидеть преимуществ техники, копирующей природу. Уэллс смело предсказал наступление бионической эры в земной технике; это одно из наиболее удачных его предвидений.

Если внимательно перечитать «Войну миров», нетрудно заметить, что марсианские машины в начале романа довольно неуклюжи: «Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле? Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии. Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике»*. Здесь в марсианских машинах есть еще что-то от земных паровозов. Боевые треножники марсиан идут «с металлическим звонким ходом». Из их суставов (совсем «по-паровозному»!) вырываются клубы зеленого дыма...

Во второй половине романа марсианская техника в изображении Уэллса становится более совершенной. Теперь Уэллс чаще сравнивает марсианские машины с живыми существами: «Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск»**. Это уже не «шагающие стулья», а «почти одухотворенные механизмы».

У таких «одухотворенных» механизмов не могут вырываться из суставов клубы зеленого дыма. Это было бы художественно недостоверно. Машина, похожая на живое существо, должна иметь почти живые двигатели. И логика художественного образа заставляет Уэллса сделать следующий шаг. «Затронув эту тему, — пишет он, — я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Благодаря такому устройству получается странное сходство с движениями живого существа, столь поражавшее и даже ошеломлявшее наблюдателя***.

Только в середине XX века люди пришли к идее безколес-

---

* *Г. Уэллс*, т. 2, стр. 40.

** Там же, стр. 106.

*** Там же, стр. 112.

ной техники, копирующей природу. У природы, конечно, и раньше перенимали отдельные решения, но лишь сейчас формируется новая наука — бионика, которая как раз занята созданием машин, подобных марсианским машинам Уэллса.

Научная фантастика — отнюдь не простая «смесь» науки и литературы. В научной фантастике, как ни парадоксально, наука работает на художественность, позволяя создавать литературно впечатляющие картины. В свою очередь чисто литературные средства помогают увидеть далекое будущее, скрытое еще от современной писателю науки.

Предвидеть будущее — это как бы смотреть далеко вперед. Тут две возможности. Либо впереди нет поворотов, и тогда видно очень далеко. Можно смотреть до горизонта (правда, нужно хорошее зрение). Либо другой случай: писатель пытается увидеть то, что находится близко, но *за поворотом*.

Уэллс применял оба приема. Иногда он просто смотрел далеко вперед. Впрочем, это «просто» не так уж просто. Нужно не поддаться гипнозу моды, всегда в чем-то излишне оптимистичной и в чем-то излишне пессимистичной. Уэллс, например, предсказал большое будущее популярной в то время пневматической почте — и ошибся. Он вообще ошибался преимущественно в тех случаях, когда переставал фантазировать. Удачные же его предвидения — искусственное получение алмазов, батисфера, атомная энергия на транспорте — сделаны вопреки господствовавшему мнению, гласившему «невозможно».

С еще большим мастерством Уэллс умел «заглянуть за поворот», увидеть то, о чем наука вообще пока не имеет определенного мнения. Уэллс использует здесь писательскую логику (как при описании марсианской техники в «Войне миров»). Он придумал «тепловой луч» — задолго до Алексея Толстого. Писал о передаче знаний по наследству. Писал о памяти, хранящей увиденное далекими предками...

Могут спросить: ну, хорошо, марсианскую технику Уэллсу подсказала природа, а что направляло писательскую логику в других случаях?

Наука о предвидении, когда она будет создана, вероятно, введет понятие об **«идеальной машине»**. В теории предвидения этому понятию суждено играть такую же роль, какую играют понятия «информации» или «обратной связи» в кибернетике.

Любая машина — не самоцель, она только средство для выполнения определенной работы. Например, вертолет пред-

назначен для перевозки пассажиров и грузов. При этом мы вынуждены — именно вынуждены! — «возить» и сам вертолет. Понятно, вертолет будет тем «идеальнее», чем меньше окажется его собственный вес. Идеальный вертолет состоял бы из одной только пассажирской кабины.

Идеальная машина — условный эталон. Это машина **почти** невесомая, **почти** не требующая энергии, **почти** не занимающая объема и в то же время способная делать все то, что делают реальные машины. Можно сказать так: идеальная машина — когда нет никакой машины.

В технике прогрессивными оказываются только те тенденции, которые приближают реальную машину к идеальной. Один из главных секретов фантастической «технологии» и состоит в умении ориентироваться на идеальную машину. Кейворит Уэллса, человек-амфибия Беляева, опыт Мвен Маса в «Туманности Андромеды» Ефремова — яркие примеры удачного приближения к идеальной машине.

В романе «Когда спящий проснется» Уэллс говорит о гипнопедии. По тем временам идея представлялась чистейшей фантастикой. Но ведь и это типичная идеальная машина (в широком смысле слова): обучение без затрат времени на учебу.

Представление об идеальной машине — надежный компас фантаста. К сожалению, далеко не все современные писатели-фантасты умеют пользоваться этим компасом. Все еще бытует наивное представление, что будущие машины обязательно «большие-пребольшие» и «сильные-пресильные». Можно привести такой пример. В рассказе М. Емцева и Е. Парнова «Последняя дверь!» упоминается личный автолет. Двухместная прогулочная машина имеет двигатель в тысячу лошадиных сил! Это продиктовано стремлением сделать машину не «идеальнее», а «шикарнее»...

Уэллс, постоянно ориентировавшийся на «идеальную машину», разумеется, должен был прийти к рассказу «Чудотворец». Мистер Фодерингей, герой рассказа, вдруг приобретает способность делать все, что захочет. Достаточно слова, желания. Самая идеальная из всех идеальных машин...

«Чудотворец» считается классическим образцом чисто литературной фантастики. У литературоведов нет и тени сомнения, что здесь фантастика использована только как литературный прием.

Я не включил этот рассказ в таблицу. Но перечитайте рассказ, и вы увидите, что среди чудес мистера Фодерингея

нет ничего принципиального неосуществимого! Рано или поздно люди научатся делать такие чудеса (некоторые мелкие чудеса, пожалуй, доступны уже сегодня). Придет время, когда рассказ «Чудотворец» будет считаться скромной научной фантастикой. Случилась же такая метаморфоза с «Человеком-амфибией» Беляева...

Современным фантастам порой приходится оправдываться, отстаивая свое мнение в споре с наукой. К Уэллсу же привыкли относиться иначе: это, дескать, чистая фантастика, условный прием...

А вдруг он был хитрецом, этот Уэллс?

Быть может, он писал самую настоящую **научную** фантастику, а притворялся, что просто так фантазирует?..

СУДЬБА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРЕДВИДЕНИЙ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

Научно-фантастические идеи Уэллса	Что было в то время	Сбылось или не сбылось
1	2	3
„МАШИНА ВРЕМЕНИ“ (1895 г.)		
1. „Остановить или ускорить свое движение по времени или даже направить свой путь в противоположную сторону...“	С точки зрения физики того времени — абсолютно невозможно.	Отчасти. Из теории относительности следует, что при движении со скоростями, близкими к скорости света, время замедляется и, таким образом, теоретически возможно путешествие в будущее.
2. Все производство будет размещено под землей.	Все (за исключением шахт, рудников и т. п.) было размещено на поверхности Земли.	Отчасти. Намечается тенденция «углубить» производство, приблизив его к источникам сырья и энергии.
3. Уничтожение всех болезнетворных микробов, комаров, мошек, сорных трав и т. п.	Для своего времени — вполне научная фантастика.	И сейчас это остается научно-достоверной фантастикой, лишь в небольшой мере ставшей действительностью.
„ОСТРОВ ЭПИОРНИСА“ (1895)		
4. Обнаружение сохранившихся яиц эпиорниса.	Были найдены окаменевшие яйца вымерших птиц.	В принципе — возможно.

1	2	3
„ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДЕЛАЛ АЛМАЗЫ“ (1895)		
5. Искусственное получение алмазов.	Не было, хотя еще в 1880 году английский химик Хэнней сообщил об удачном опыте получения искусственных алмазов.	Да. Осуществлено в 1955 году.
„ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С ГЛАЗАМИ ДЭВИДСОНА“ (1895)		
6. Человек непосредственно (без приборов) видит события, происходящие в другой, отдаленой, части земного шара.	Абсолютная фантастика...	... которая по-прежнему остается фантастикой. С той только разницей, что современная наука, уже решившая множество «нерешимых» задач, вряд ли скажет категорическое «нет» этой идее.
„ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО“ (1896)		
7. Искусственное „очеловечивание“	По тем временам — совершенно нереальная фантастика.	Проблема, к которой едва-едва подходит современная наука. Методы используются совсем иные, чем у Уэллса, но в принципе идея осуществимая, хотя и относящаяся к дальним горизонтам науки.

1	2	3
8. Создание новых животных „соединением“ двух далеких видов.	Чистая фантастика.	Из области чистой фантастики эта проблема перешла в область фантастики научной. Конкретные пути решения проблемы пока неясны, но цель представляется теперь закономерной и в принципе достижимой.

„ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА“
(1897)

9. „Можно сделать живую ткань прозрачной, невидимой“.	Для науки того времени — чистая фантастика.	Вряд ли осуществимо. Во всяком случае, с тех пор наука не продвинулась в разрешении этой проблемы.

„В БЕЗДНЕ“
(1897)

10. Батисфера.	Использовались открытые водолазные камеры, предназначенные для неглубоких спусков.	Да. Первая батисфера — аппарат Гартмана — в 1911 году опустилась на глубину в 500 м.
11. Высокоразвитая цевилизация в глубинах океана.	Чистая фантастика.	Относительно Земли эта идея до сих пор остается чистой фантастикой. Однако не исключена возможность существования «подводных» цивилизаций на других планетах.

1	2	3
„ВОЙНА МИРОВ“ (1898)		
12. Вторжение марсиан на Землю.	В связи с открытием «каналов» на Марсе возникла мысль о существовании высокоразвитой марсианской цивилизации. Стремление же «высокоразвитых» цивилизаций к колонизации казалось вполне естественным.	Высокоразвитая цивилизация, по мнению большинства современных ученых, должна быть гуманной. Война между инопланетными цивилизациями маловероятна.
13. Захват марсианами Венеры.	Поскольку существовала гипотеза о высоком развитии цивилизации на Марсе, в этой идее не было ничего невероятного.	Наука накопила многочисленные доказательства отсутствия на Марсе высокоразвитой цивилизации.
14. „Спрутообразный“ облик высокоразвитых разумных существ.	Наука того времени не располагала никакими данными о возможном облике разумных существ на других планетах.	Постепенно накапливаются предположения о возможности существования самых различных форм разумной жизни.
15. Тепловой луч.	Чистая фантастика, хотя идея высказывалась, в сущности, до Уэллса (по преданию, Архимед сжег тепловым лучом флот, осаждавший Сиракузы).	Да, оптические квантовые генераторы превращают фантастику Уэллса в действительность.

1	2	3
16. „Многорукие“ машины, напоминающие живой организм.	С точки зрения инженера того времени, не очень удачная выдумка.	Одно из наиболее удачных предвидений Уэллса. Новая отрасль науки, бионика, специально стремится воспроизвести в машинах принципы, используемые живыми организмами.
17. Искусственные мышцы, приводящие в действие машины.	Чистая фантастика.	Да, нечто подобное в небольших масштабах уже создано.
18. Питание методом непосредственного введения питательных веществ в кровь.	Чистая фантастика.	Отчасти. Этот метод используется только в клинических условиях и в течение короткого времени.
19. Газовые снаряды.	Отравляющие вещества уже были известны. Фантастична была лишь возможность их применения.	Да, к сожалению, сбылось в первую мировую войну.
20. Микроорганизмы чужого мира опасны для космонавтов, высадившихся на планете.	Эта идея попала в поле зрения науки лишь в 50-х годах.	Уэллс был прав: «микробиологическая» опасность серьезно изучается современной наукой.

„КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ“

(1899)

21. Вертикально взлетающие летательные аппараты.	Были только модели.	Да. Созданы вертолеты.

1	2	3
22. Регулярные пассажирские авиалинии, обслуживаемые гигантскими самолетами.	Первые полеты на планерах, первые — еще неудачные — попытки взлететь на одноместном аэроплане.	Да. Первые пассажирские авиалинии — в 20-х годах.
23. Идемит-„упругое стекло".	Не было.	Да. Например, плексиглас.
24. Энергетика почти целиком будет основываться на использовании энергии ветра.	Ветряные мельницы, экспериментальные ветряные двигатели.	Видимо, прогноз ошибочный. Экспериментальные ветряные двигатели строят и сейчас, но уже ясно, что использование ветра не будет основой энергетики.
25. Телевидение.	Было только в романах Ж. Верна.	Да. 1923 г.
26 „Кинетоскоп" микрокинопроектор (или видеомагнитофон).	В то время появилось «нормальное» кино.	Да. В 30-ые годы появились первые микрокинопроекторы (в 60-х годах были созданы видеомагнитофоны).
27. Говорящий обучающий аппарат.	Были только несовершенные звукозаписывающие аппараты.	Да. В 50-х годах впервые использованы магнитофоны для обучения. С 61-го года началось широкое использование кибернетических обучающих машин.

1	2	3
28. Движущиеся тротуары на городских улицах.	Были лишь в произведениях Ж. Верна.	Да. 1960 г.
29. Прозрачные покрытия над городами.	Фантастика (хотя и высказанная до Уэллса).	Отчасти. Уже появились прозрачные строительные пневмоконструкции. Пока — над отдельными зданиями и сооружениями (например, над бассейнами).
30. Репродукторы на улицах.	Не было.	Да. С 30-х годов.
31. Пластмассовые дороги.	Фантастика.	Да. Постепенно пластмассы находят применение и в дорожном строительстве.
32. Гипнотерапия вытеснит другие виды лечения.	По тем временам это утверждение было весьма далеко от науки.	Отчасти. Гипнотерапия становится все более солидным разделом медицины.
33. Гипноз—как средство повышения интеллектуальных возможностей человека.	Проблема была вне интересов науки того времени.	В какой-то мере. Все в стадии опытов (еще робких, но обнадеживающих).
34. Гипноз—как средство обучения.	Проблема — вне интересов науки того времени.	Отчасти. Поставлены первые успешные опыты (гипнопедия).

1	2	3
35. Автоматические детские ясли.	По тем временам— чистая фантастика.	Сейчас это, пожалуй, научная фантастика. Правда очень смелая...
36. Пневматическая межконтинентальная почта.	Почти нет фантастики — развитие того, что уже существовало (междугородная пневматическая почта).	Нет. Развитие техники связи пошло иными путями.
37. К XXII веку научатся ликвидировать облысение.	Чистая фантастика.	Будем надеяться...
38. Полное исчезновение маленьких городов.	Были мнения «за», были «против».	Есть «за», есть «против»...
39. В XXII веке —единый язык во всем мире.	Началось увлечение эсперанто.	Этот вопрос, видимо, выяснится через полтора столетия...

„ХРУСТАЛЬНОЕ ЯЙЦО"

(1899)

40. „Видеосвязь" с Марсом.	Чистая фантастика.	Да. Вполне осуществимо (если использовать вместо «хрустального яйца» современную теле-аппаратуру).
41. „Крылатые" разумные существа на Марсе.	Чистая фантастика.	На Марсе вряд ли есть разумные существа, но вообще не исключена (на планетах других звезд) и такая форма высокоорганизованной жизни.

1	2	3
„ЗВЕЗДА“ (1899)		
42. Прохождение звезды в непосредственной близости от солнечной системы.	С точки зрения астрономии того времени — вполне допустимая научно-фантастическая идея.	Сейчас эта идея стала чисто фантастической. Установлено, что вероятность встречи с чужой звездой практически близка к нулю.
„ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ“ (1901)		
43. Управление гравитацией с помощью экранов из „кейворита“.	Фантастика, хотя и довольно правдоподобная для читателей того времени.	Экранирование тяготения вряд ли возможно. Однако, гравитация — это сила природы и, следовательно, нет принципиальных препятствий к тому, чтобы научиться так или иначе управлять этой силой.
44. Общество, каждый гражданин которого имеет организм, специально приспособленный для выполнения только одной функции.	Вульгаризация (фантастическая) эволюционного учения.	Эволюция человеческого общества — должна привести к гармоническому развитию людей. Однако теоретически не исключена и возможность существования мира, описанного Уэллсом. Во всяком случае, развитие животных мы стараемся направлять именно по пути узкой специализации.

1	2	3
45. Использование „живых мозгов“ в качестве блоков памяти — вместо книг, записей, музеев и т. п.	Чистая фантастика — наука того времени не позволяла думать ни о чем подобном.	Создание биокибернетических запоминающих устройств — одна из важнейших задач современной науки.
46. „Пористое“ строение Луны.	Довольно правдоподобное предположение (с точки зрения астрономии начала века).	Это предположение предстоит проверить космонавтам...
47. Радиосвязь с Луной.	Сразу же после изобретения радио появились предположения о возможности межпланетной радиосвязи. Уэллс — едва ли не первый фантаст, использовавший эту идею.	Из области фантастики идея прочно перешла в область науки.

„НОВЕЙШИЙ УСКОРИТЕЛЬ“

(1903)

48. „Ускоритель“ и „Замедлитель“ темпов жизнедеятельности организма.	Абсолютная фантастика.	Идея пока научно-фантастическая, но в принципе, по современным медицинским представлениям, в какой-то мере осуществимая.

„ПРАВДА О ПАЙКРАФТЕ“

(1903)

49. Человек, который утратил вес (на Земле).	Абсолютная фантастика.	И сегодня это остается фантастикой, не соприкасающейся с наукой.

1	2	3
„ФИЛМЕР“ (1903)		
50. Дирижабль, который мог „сжиматься“ и „расширяться“.	Эта идея выдвинута Циолковским еще в 1892 году, но—по оценке всех экспертов — была признана совершенно не реальной.	Вплоть до самого последнего времени идея «динамичного» дирижабля считалась неосуществимой. Однако в 1963 году появились сообщения о разработке проектов подобных дирижаблей.
51. Радиоуправление полетом аэростата с земли.	В 1903 году это было лишь смелой фантастикой.	Да. Первые успешные опыты — в 20-х годах (с самолетами).
„ПИЩА БОГОВ“ (1904)		
52. Вещество, вызывающее усиленный рост живых существ и растений.	Проблема находилась вне интересов науки того времени.	Отчасти. Созданы стимуляторы роста растений.
„ВОЙНА В ВОЗДУХЕ“ (1908)		
53. Летательный аппарат с машущими крыльями.	Были неудачные попытки создать такой аппарат.	Пока дальше опытов дело не пошло. Но теоретически машущий полет очень экономичен, поэтому поиски продолжаются.
54. Однорельсовый транспорт вытесняет все другие виды наземного транспорта.	Это была попытка развить уже существующее: первая однорельсовая дорога построена в 1906 году.	Нет. Однорельсовая дорога не вытеснит другие виды транспорта, хотя в будущем, вероятно, получит некоторое распространение.

1	2	3
55. Однорельсовая дорога через Ламанш.	По тем временам довольно достоверная фантастика.	Пока нет.
56. Скафандр для пребывания в отравленной атмосфере.	Не было.	Да.
57. Военное применение самолетов.	Только появились первые самолеты.	Да. Впервые с военной целью самолеты были использованы в 1911 году во время войны Италии с Турцией.
58. Военное применение дирижаблей.	Здесь почти не было фантастики — дирижабли строили в военных целях.	Да, во время войны 1914—1918 гг.
59. Банки какао, которые нагреваются при открывании.	Не было.	Почти. Есть консервы с запрессованным в днище банки горючим составом.

„ЦАРСТВО МУРАВЬЕВ“

(1911)

60. „Муравьиная“ цивилизация.	Абсолютная фантастика.	Возможность существования «муравьиной» цивилизации в принципе не исключена (хотя и не на Земле).

„ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР“

(1913)

61. Открытие способа использования атомной энергии (1933 г.)	Ученые называли значительно более отдаленные сроки или вообще отрица-	Да. В 1933 году Резерфорд назвал вздором мысль о возможности исполь-

1	2	3
	ли возможность практического применения атомной энергии.	зования атомной энергии. В 1939 году Бор доказывал невозможность практического осуществления цепной реакции атомного распада. Но Уэллс оказался прав: в 1945 году атомная энергия была использована. К сожалению, сначала в военных целях, а не в мирных, как считал Уэллс.
62. В 1953 году вступит в строй первая атомная электростанция.	Чрезвычайно смелый прогноз.	Да. Первая советская АЭС — 1954 г.
63. Искусственное получение элементов в результате атомных процессов.	Считалось теоретически возможным, хотя практическое осуществление представлялось фантастикой.	Да. В опытных масштабах впервые в 1919 году.
64. Самолеты с атомным двигателем.	Фантастика. Уэллс первым нарисовал картину техники, основанной на широком применении атомной энергии. Это одно из наиболее удачных его предвидений.	Теоретически—да. Практическое осуществление — вопрос ближайшего будущего.

1	2	3
65. Локомотивы с атомными двигателями.	Фантастика.	Вполне реально.
66. „Атомная“ плавка металлов.	Фантастика.	Да. Электронная плавка металлов в 50-ых годах.
67. Искусственная (синтетическая) пища.	Лабораторные опыты по синтезу органических веществ.	Отчасти... и теоретически. Пока естественная пища лучше и экономичнее синтетической.
68. Синтетический мех.	Не было.	Да. С 50-х годов— массовое производство.
69. Газеты на тонких металлических листах.	Не было.	Пока нет. Впрочем, в какой-то мере это соответствут появлению ферритовых лент для магнитной записи.
70. Атомная бомба (радиоактивные осадки после взрыва продолжают действовать на протяжении нескольких лет).	Высказывания и прогнозы ученых относились к мирному использованию атомной энергии.	Да. 1945 год.
71. Человек не будет нуждаться в сне.	Для своего времени — чистая фантастика.	В 60-х годах установлено, что в состоянии невесомости норма сна уменьшается. Были выдвинуты предложения— спать в ваннах. По-

1	2	3
		ка это почти фантастика, но все-таки уже намечаются какие-то пути научного решения проблемы.
72. Способность передавать знания по наследству.	Очень смелая фантастика; наука того времени не давала никаких оснований для подобных прогнозов.	Примерно с 1962 года об этом все чаще и чаще говорят ученые. Идея Уэллса безусловно сбудется.
73. Управление наследственностью.	Считалось вполне осуществимым применительно к растениям. Управление наследственностью у людей — проблема, прежде всего, социальная. Буржуазная наука не могла решить эту проблему.	Управление наследственностью — одна из конечных целей генетики. Эта цель еще не достигнута, но проблема уже переходит из области фантастики в область точной науки.
74. Освоение космического пространства и планет солнечной системы...начнется только после полного освоения Земли.	Здесь Уэллс следовал взглядам науки своего времени. Считалось, что этапы развития идут в строгой последовательности.	Одна из наиболее примечательных (и поучительных) ошибок Уэллса. Освоение космоса началось задолго до того, как на Земле «все было сделано».

„ЛЮДИ КАК БОГИ“

(1923)

75. „В многомерном пространстве может существовать рядом множество трехмерных миров“.	Фантастика (высказываемая и до Уэллса).	При некоторой доле фантазии таким вторым миром можно считать гипотетический антимир.

1	2	3
76. Использование атомной энергии для перехода из одного трехмерного мира в другой.	Чистая фантастика...	...которая пока так и осталась фантастикой.
77. Биорадиосвязь (телепатия) вместо речи.	Были самые противоречивые мнения о телепатии.	Фантастика, но уже более перспективная: люди, возможно, возродят исчезнувшую при эволюции способность биосвязи.
78. Переносное, очень простое и портативное радио.	Громоздкая радиоаппаратура.	Да. Миниатюризация — важнейшее направление в развитии средств связи.
79. Двухколесные автомобили.	Первый двухколесный автомобиль (русского изобретателя П. Шиловского) появился на улицах Лондона еще в 1914 году.	Вероятно, в ближайшем будущем двухколесные автомобили найдут довольно широкое применение. Сейчас в разных странах испытываются экспериментальные образцы таких машин.
80. Приручение диких зверей на всей планете.	Никто таких задач не ставил.	Теперь это можно считать научной фантастикой, которая со временем обязательно сбудется.
81. Резкое увеличение продолжительности жизни человека.	Во времена Уэлса об этом много писали, но никто не мог указать хоть	Это предвидение безусловно сбудется. Создана и развивается специальная от-

1	2	3
	сколько - нибудь реальные пути решения этой проблемы.	расль медицины (геронтология), занимающаяся проблемой увеличения продолжительности жизни.
82. Наука—основное занятие всего будущего человечества.	Никто из современных Уэллсу ученых не высказывал подобной идеи.	Вероятно, это самое значительное и самое правильное предвидение Уэллса. Нет сомнения, что при коммунизме наука будет главным занятием всего человечества.
83. И через три тысячи лет сохранится научно-фантастическая литература	В то время (как, впрочем, и сейчас) фантастика успешно развивалась.	Как знать... Хочется надеяться, что фантастика будет существовать еще долго.

„С О Н“
(1924)

84. „Память предков“ (память о событиях, которые пережил кто-то из отдельных предков данного человека).	Более или менее созвучные идеи высказывались и до Уэллса. Но Уэллс впервые научно-фантастически «обосновал» эту идею, намного опередившую свое время.	После долгой паузы идея вновь появилась в научной фантастике. В «Лезвии бритвы» И. Ефремова идея «памяти предков» получила дальнейшее убедительное развитие. Пока трудно сказать «да» или «нет». Во всяком случае, «да» имеет больше шансов, чем «нет».

1	2	3

„ОБЛИК ГРЯДУЩЕГО“

(1935)

85. Электрические орудия для запуска космических снарядов.	Подобные проекты неоднократно рассматривались. Например, в книге М. Валье, «Полет в мировое пространство» (1930).	Осуществимо... не на Земле, а на меньших по размерам планетах, например, на Луне.
86. Многоступенчатый снаряд электроорудия для космических полетов.	Уэллс перенес идею многоступенчатой ракеты на электроорудие.	Идея оригинальная и вполне осуществимая... если вообще будут использовать электроорудия (в космонавтике).

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *М. Ибрагимбеков*
Художник *В. Хруслов*
Художественный редактор *Ю. Агаев*
Технический редактор *Н. Насиров*
Корректоры *С. Агейчева, И. Внукова*

Сдано в набор 18/IV-1966 г. Подписано к печати 29/VIII-1966 г. ФГ 07326. Формат бумаги $70\times90^1/_{16}$. Физ. п. л. 18,5. + 1 вкл. Условн. п. л. 21,7. Учетн. изд. л. 18,5. Заказ № 414. Тираж 200.000 (I завод 40.000). Цена 80 коп.

Азербайджанское государственное издательство Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров Комитета по печати при Совете Министров Азербайджанской ССР, Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

АЗЕРНЕШР

